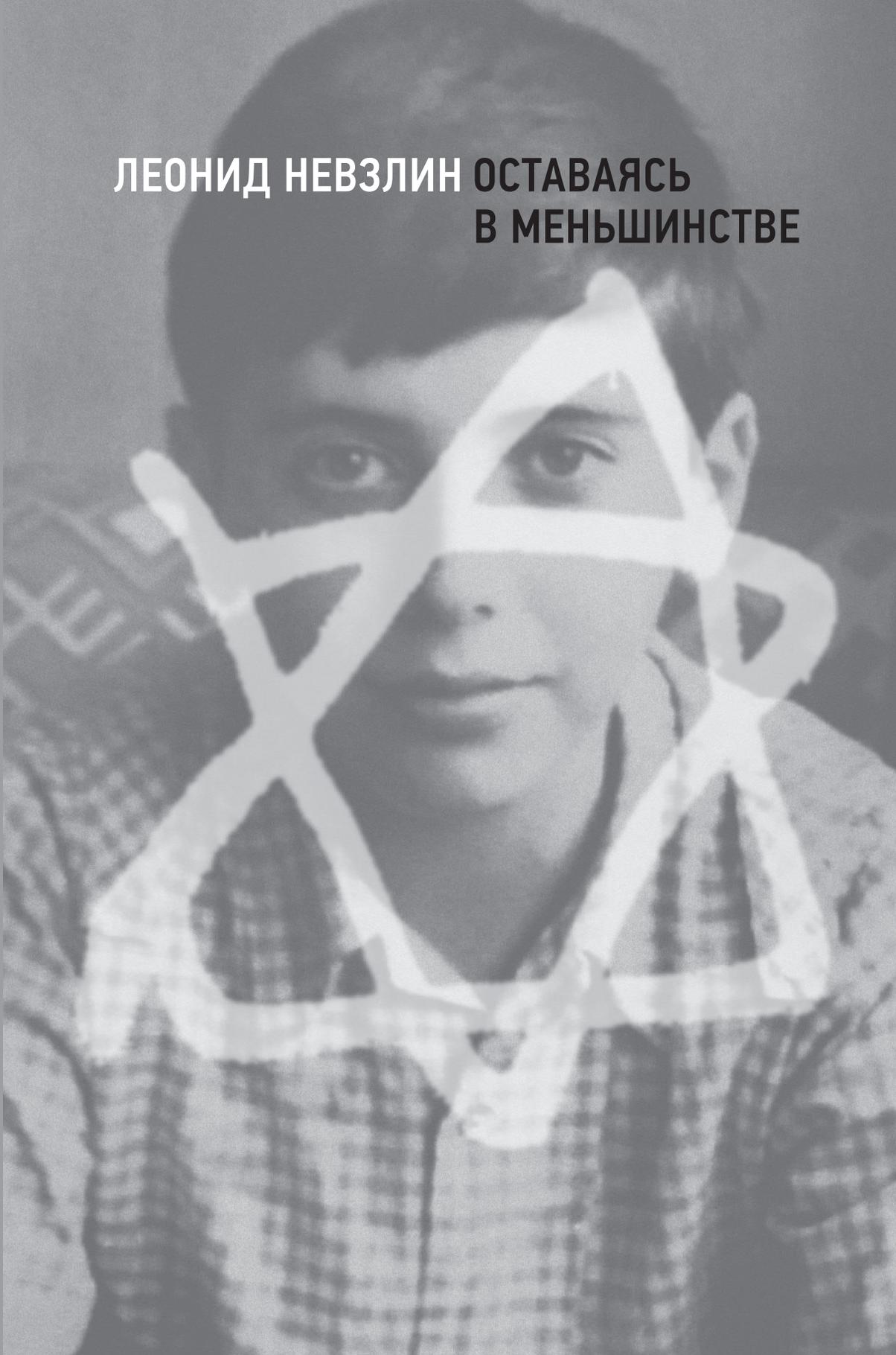

**ЛЕОНИД НЕВЗЛИН ОСТАВАЯСЬ
В МЕНЬШИНСТВЕ**

לֹא-תִהְיֶה אַחֲרֵי-רַבִּים, לְרַעַת; וְלֹא-תֵעָנֶה עַל-רַב, לְנִטַּת אַחֲרֵי רַבִּים--לְהַטֹּת

Не следуй за большинством в злых делах, не отступай от правды в суде в угоду большинству.

Исход 23:2

Меньшинство всегда не право — вначале.

Герберт Прокноу

Посвящаю эту книгу Кларе Шагеновне Каспаровой,
маме моего друга Гарри, одной из величайших женщин,
которую я знал и с которой крепко дружил.

Знаете, бывает слепая фанатичная материнская любовь, основанная на баловстве. Она априори губительная и часто приводит к трагедиям. А бывает материнская любовь настоящая – направляющая, помогающая, корректирующая, указывающая на ошибки, показывающая пример, идеал, мотивирующая к победам, благородным поступкам и делам. Любовь Клары Шагеновны была именно такая – настоящая. И эта любовь распространялась не только на ее сына, но и на всех его друзей, к которым она относилась так же, как к Гарри. Эта ее любовь пронеслась и через мою жизнь.

Клара Шагеновна всегда и во всем задавала высокую планку. В отношениях с людьми, в отношении к власти, в поступках. И этой планке просто неприлично и как-то стыдно было не соответствовать. Мы, друзья Гарри, старались. С полной уверенностью могу сказать, что она воспитала не только сына-чемпиона, но и многих из его ближайшего окружения, вроде бы уже взрослых мужиков.

Пожалуй, нет человека в либерально-демократической среде, кто не побывал хотя бы раз в квартире Каспаровых в Гагаринском переулке в Москве. И главным центром притяжения в этом доме был вовсе не чемпион мира по шахматам и яркий оппозиционер Гарри Каспаров (Гарри, прости!), а Клара Шагеновна. С ней можно было беседовать часами. С ней можно было спорить, ей можно было возражать, что-то там доказывать. Подчеркнуто-независимая от мнения окружающих, с королевской осанкой, красивая – она абсолютно всегда оказывалась права.

Она остро чувствовала людей и их намерения, с лету разбиралась, кто истинный друг ее дома, человек дела, а кто с двойным дном и хорошего

от него ждать не стоит. Она не любила тех, кто раздавал пустые обещания. Просто не переносила. Как правило, такие в доме Каспаровых не задерживались. Не приходили больше сами.

И еще одно уникальное качество Клары Шагеновны – она умела с неподдельной теплотой и искренностью дружить с людьми абсолютно полярных взглядов и лагерей. Они приходились друг другу оппонентами и зачастую врагами. Она не бралась их объединять и мирить. Она общалась с каждым по отдельности, уважая его мир, позицию, разделяя его ценности. Она умела любить каждого по отдельности и всех вместе.

Лично на меня Клара Шагеновна оказала огромное духовное влияние. Знакомство, а потом тесное общение с ней стали для меня, наверное, переломным моментом в жизни. Она во многом определила мое сегодняшнее мировоззрение, цели, да и сам смысл жизни. Заставила серьезней и ответственней относиться к тому, чем занимаюсь, что говорю, делаю. Она заразила меня своим стремлением окружать любимых людей и друзей заботой. Вроде бы банальные вещи. Но на практике, в жизни, это не столь легко. А она научила меня на своем примере.

Ее уже нет. Проклятый ковид забрал ее 25 декабря 2020 года.

Если бы не Клара Шагеновна, думаю, ни меня сегодняшнего, ни этой книги точно не было бы. Я посвящаю книгу ей – человеку, который никогда не боялся быть в меньшинстве. С гордо поднятой головой, с королевской осанкой, с талантом любить и заботиться о ближних...

Клара Шагеновна, я буду помнить Вас всегда.

Леонид Невзлин

ПРОЛОГ

Мне семь лет. Я учусь в первом классе московской школы. Я уже умею читать и писать. На перемене классная руководительница Елена Николаевна вышла из кабинета, оставив на своем столе классный журнал. В открытое окно подул ветер, страницы зашелестели, и открылась последняя, там, где записаны фамилия, имя, отчество, адрес каждого ученика, а также национальность.

Моя фамилия по алфавиту где-то во второй половине списка. Я любопытен. Читаю. В столбике «Национальность» везде – «русский», «русский», «русский», и вдруг напротив «Невзлин Леонид» написано: «еврей». А потом опять – «русский», «русский», «русский».

Первое ощущение – испуг. Меня как будто пронзило: я не такой, как все! Я один – не русский. Один – еврей. Я не просто другой, я – в меньшинстве. Значит, во мне что-то нехорошее есть. Быть в меньшинстве – плохо.

Много лет я прожил с ощущением своей инаковости, того, что я отличаюсь от большинства. Что мое еврейство накладывает на меня печать изгоя, мешая слиться с русским большинством в моей стране – Советском Союзе. А кто такие евреи, что такое еврейский народ, что значит быть евреем – об этом я редко задумывался. Для меня это означало прежде всего быть не как все. Быть меньшинством. В СССР – стране, на словах декларировавшей братство народов, в реальности это означало дискриминацию.

Достаточно рано, еще ребенком, я стал понимать: все советские граждане живут в окружении различных запретов, но на евреев наложены дополнительные ограничения. Воспринимал

я это как должное. Как обидный, но естественный порядок вещей.

С конца 80-х годов этот «естественный» порядок начал ломаться, распадаться вместе с советским режимом. Менялись все незыблемые понятия, определения и самоопределения.

Наверное, тогда и началось мое внутреннее освобождение, ощущение независимости от большинства. Я долго и мучительно доходил до понимания, что моя свобода, мои права, мои убеждения – первичны. Именно это делает человека уникальной личностью.

Огромное влияние на мое мировосприятие и мою систему ценностей оказала репатриация в Израиль. За восемнадцать лет жизни в этой стране я изменился, стал совсем другим. В Израиле я окончательно осознал, что человек важен сам по себе. И все должно строиться вокруг него, а не вокруг государства и даже не вокруг большинства, как нам внушали в Советском Союзе.

Кроме того, именно в Израиле я по-настоящему увлекся историей своей семьи. В молодости прошлое мало интересует. Мы редко расспрашиваем своих бабушек и дедушек о том, как они жили двадцать-тридцать-сорок лет назад. Иногда нам даже трудно представить их молодыми. Да и зачем? Жизнь кажется бесконечно долгой, ты смотришь вперед, мечтаешь о том, как вырастешь и обретишь независимость – и от родителей, и от бабушек с дедушками.

И я был таким. Наверное, лет до пятидесяти был сосредоточен на настоящем и будущем, не тратил время на рефлексию о прошлом. А потом вдруг понял, что прожил, не зная даже, что означает моя фамилия Невзлин и откуда она взялась!

Тогда я решил исследовать свои корни. Два историка – Владимир Левин и Аркадий Зельцер – проделали огромную работу

и восстановили историю нашего рода. За что я им очень благодарен. Теперь я знаю имена своих предков до седьмого колена. Я узнал, как они жили на протяжении последних двух веков. Наверное, не так подробно, как хотелось бы, но несравненно лучше, чем знал раньше. Я читал этот двухтомный труд – «Историю семьи Леонида Невзлина», рассматривал старые черно-белые фотографии и в какой-то момент ощутил неразрывную связь с этими и родными, и до тех пор практически неизвестными мне людьми. Я почувствовал себя одним из звеньев бесконечной цепи еврейского народа, тянущейся на протяжении веков и тысячелетий сквозь страны и континенты.

Я звено в цепи поколений, но я совсем не хочу оставаться в ней анонимным элементом. Жизнь мимолетна, и со временем уходят из памяти детали и подробности событий, забываются эмоции.

Я начал писать эту книгу, когда мне исполнилось пятьдесят пять лет. Это не обычная автобиография. И точно не исповедь человека, подводящего итоги. Я решил практически ничего не писать про свою личную жизнь. В самых общих чертах касаюсь истории с ЮКОСом. Мало упоминаю разные политические фигуры, хотя, безусловно, знаком с очень многими из тех, кто творил историю России. Многие имена «творцов истории», которые сейчас на слуху, забудутся через десять лет, если не раньше. Мне гораздо интереснее проанализировать те изменения, ту внутреннюю эволюцию, которую я прошел за эти десятилетия.

ГЛАВА 1. КОРЕННОЙ МОСКВИЧ ИЗ БЕЛОРУССКОГО МЕСТЕЧКА

В 1958 году москвичке Ире Лейкиной исполнилось девятнадцать лет. Она окончила второй курс института и летние каникулы решила провести со своей подругой Зоей в Крыму, в Феодосии.

Накупавшись днем, по вечерам Ира с Зоей гуляли по набережной города, носившей тогда название проспекта имени Ленина (сейчас это проспект Айвазовского). Во время одной из таких прогулок к ним подошли местные молодые люди. Обменялись с девушками шутками – и удалились по своим делам.

Тем же вечером Ира предложила Зое пойти на танцплощадку в санаторий для военных, где она пару лет назад отдыхала с родителями. В далекие пятидесятые танцплощадка служила советским гражданам одновременно и дискотекой, и клубом знакомств. Вот только девушек на танцы не пустили: танцплощадка была ведомственной, то есть предназначалась исключительно для отдыхающих в санатории. Посетителям со стороны вход был закрыт – кроме тех, кто... знал, где находится лазейка в ограде.

Ира – знала. Она нашла ее давно, еще когда оказалась здесь впервые. С тех пор никто дыру не заделал. И подруги решили таким путем пробраться в санаторий. Первой полезла Зоя.

– Ай-ай-ай! – внезапно раздалось у нее за спиной. – Как же вам не стыдно?

Обернувшись, она увидела тех самых парней, которые днем встретились им на набережной. Оказывается, про тайный ход на танцы знали и они.

Моя мама Ирина Марковна и папа Борис Иосифович

– Комсомолки, наверное, студентки – а лезете через забор! – сказал один из них с напускной серьезностью.

– И студентки, и комсомолки! – согласилась Зоя и первой проникла на танцплощадку. Следом пробралась Ира, а за ней и молодые люди.

Вскоре один из них пригласил Иру на медленный танец. Потом – еще на один, после которого представился: Борис.

После танцев Ира и Борис сидели на скамейке и болтали почти до часу ночи. Проводив девушек до дома, он предложил Ире встретиться на следующий день.

А еще через день Борис, мой будущий папа, сделал предложение Ирине – моей будущей маме.

И она его приняла!

Моя мама до сих пор не может логично объяснить, почему она сразу, почти не раздумывая, дала свое согласие на брак.

Родители к решению молодых людей отнеслись с понятным сомнением. Отец Бориса попросил привести эту московскую девушку к ним домой, где достаточно сурово расспросил о ее семье. Тогда же выяснилось, что родители Бориса – евреи, Иосиф Борисович и Рахиль Захаровна Невзины, так же, как и мамы – Марк Исаакович и Евгения Семеновна Лейкины. Во многом благодаря этому обстоятельству лед в их отношении к Ире растаял довольно быстро.

Уже на следующий день Ирина позвонила в Москву и огорошила своих родителей неожиданным известием. Ее мама – Женя, моя будущая бабушка, – была взволнована. Крайне разнервничался и мамин папа – мой будущий дедушка Моня. Они поехали в Феодосию знакомиться с будущими родственниками. При встрече отцы перешли на идиш – на этом языке в те годы еще говорили евреи, родившиеся в начале XX века.

Скоро из разговора выяснилось, что оба родом из Беларуси, из еврейских местечек: Иосиф – из Дубровно, а Марк – из Климовичей. Между ними и расстояние-то было невелико, чуть больше ста километров. Очень скоро эти земляки стали близкими друзьями.

Ирина Лейкина и Борис Невзлин получили родительское благословение. Молодой человек переехал в Москву, 28 сентября 1958 года они расписались в ЗАГСе¹, еще через неделю сыграли свадьбу.

1 ЗАГС (или загс) – органы записи актов гражданского состояния. Органы власти в СССР, производящие государственную регистрацию актов гражданского состояния, к которым отнесены рождение, заключение и расторжение брака и т.п.

А через год, 21 сентября 1959 года, в московском роддоме № 25 родился я.

Многие годы я рос и жил с ощущением, что я прежде всего – коренной москвич. Беларусь, где на протяжении веков жили мои предки, казалась далекой провинцией и особого интереса у меня не вызывала. Тем более что после войны там из родственников не осталось почти никого. Но сегодня благодаря исследованиям по истории Беларуси, и в первую очередь упомянутому двухтомнику «История семьи Леонида Невзлина», я гораздо лучше представляю себе жизнь моих предков и с удовольствием на примере одного местечка, из которого вышли Невзины, расскажу об истории Дубровно.

Восточная Беларусь начиная со Средних веков была пограничной территорией: когда-то здесь сходились владения Великого княжества Литовского и Великого княжества Московского. В 1569 году Литва объединилась с Польшей в Речь Посполитую, а Московское княжество стало Московским царством, и вновь Восточная Беларусь оказалась меж двух держав. Во второй половине XVIII века три государства: Австрия, Пруссия и Россия – начали постепенный раздел территории Речи Посполитой между собой, и в 1772 году Восточная Беларусь вошла в состав Российской империи. При этом она оказалась на внутреннем рубеже между чертой оседлости, в пределах которой, согласно законодательству Российской империи, разрешалось жить евреям, и остальной Россией, закрытой для иудеев.

Евреи пришли в Восточную Беларусь достаточно поздно – примерно во второй половине XVI века. Вначале еврейские общины возникали в крупных городах: Витебске, Могилеве, Орше, Мстиславле, а в XVII веке стали появляться также в малых горо-

дах и местечках. Кстати, польское слово «мястечко», «miasteczko» («штетль» на идиш) буквально и означает «маленький городок».

Когда точно на левом берегу Днепра у впадения в него речки Дубровенки возникло «мое» местечко Дубровно (бел. Дуброўна), неизвестно. В начале XVI века великий князь Литовский Александр подарил местечко Дубровно с деревянным замком смоленскому воеводе Юрию Глебовичу, роду которого оно принадлежало до конца XVII века. В 1630 году его потомок Николай Глебович построил в местечке костел и монастырь бернардинцев.

Наиболее важным событием в истории Дубровно была осада местного замка русскими войсками в 1654 году. Тогда царь Алексей Михайлович поддержал восстание Богдана Хмельницкого, что привело к Русско-польской войне 1654–1667 годов. В самом начале войны, в июле 1654 года, русские войска осадили Дубровенский замок. Защитники упорно отбивались, и осаждавшие смогли его занять только через четыре месяца, после чего гарнизон и жители Дубровно были отправлены в Россию, а замок и местечко сожжены.

Московское царство не допускало в свои пределы некрещеных евреев, поэтому всех евреев-пленных, захваченных во время войны, заставляли креститься. Показательна судьба, например, местного еврея Якушки Яковлева, который перед высылкой в Москву вместе «з женишкою и з детишками и з невестками», всего 20 человек, был окрещен в русское православное христианство. И это было еще не самым плохим вариантом. Московские войска с крайним подозрением относились к евреям, оказавшимся на захваченной ими территории. Например, в 1655 году именно русские войска, а не казаки Богдана Хмельницкого вырезали все еврейское население Могилева.

По окончании войны в 1667 году Дубровно было возвращено Речи Посполитой, и, вероятно, тогда же в него вернулись евреи. Во всяком случае проезжавший спустя тридцать лет через местечко приближенный российского царя Петра I Петр Толстой в записках о поездке по Могилевскому краю писал про Дубровно: «В том же городе немало жидов пребывают домами».

Среди еврейских обитателей Дубровно находились и предприимчивые люди, готовые на серьезные риски, понимавшие, какие возможности энергичному человеку дает близость России. Впрочем, зачастую истории экономического взлета еврейских коммерсантов заканчивались подлинной трагедией. Как это произошло, например, с евреем Борохом Лейбовым из Дубровно. Будучи подданным Речи Посполитой, он успешно вел дела на территории России: арендовал откуп налогов и таможенных пошлин, в 1725–1727 годах держал в откупе «смоленские таможенные и кабацкие сборы», а в 1730-х находился по делам то в Смоленске, то в Москве, то в Санкт-Петербурге.

Можно было предположить, что дубровенский бизнесмен Борох и дальше будет увеличивать свое состояние, но как-то раз в Москве он встретился с отставным поручиком Александром Возницыным. Между ними завязался спор о преимуществах веры каждого собеседника, после которого... русский поручик решил перейти в иудаизм! А зимой 1737 года новообращенный иудей Возницын приехал в Дубровно, где ему сделали обрезание.

Увы, супруга Возницына не пожелала идти по его стопам, а произошедшую с поручиком трансформацию от нее скрыть не удалось. Жена написала донос на своего мужа. Понятно, что если на предпринимательскую деятельность иностранных евреев власти смотрели сквозь пальцы, тем более когда имели в ней свои интересы, то идеологические диверсии они не соби-

рались прощать никому. Возницын и Лейбов были арестованы, и 15 июля 1738 года по повелению императрицы Анны Иоанновны обоих сожгли на костре в Санкт-Петербурге: Александр Возницын был казнен за «богохуление на Христа Спасителя нашего и отвержение истинного христианского закона и принятие жидовской веры», а Борох Лейбов – за «сворачивание его чрез прелестные свои увещевания в жидовство».

Последствия этой истории оказались весьма драматичными не только для семьи Лейбова, но и для всех евреев, живших в некоторых районах Российской империи: в 1740 году евреи были изгнаны из Малороссии (нынешняя территория Северо-Восточной Украины), а через два года и из России.

Впрочем, в самом Дубровно еврейская жизнь продолжалась. Перепись 1764 года зарегистрировала в еврейской общине (кагале) этого местечка 800 человек. Тогда же появилась первая запись о моем далеком предке: «Jewzel Leybowicz, Syn (сын) Mejer, Zona (жена) Rochla, Corka (дочка) Cywia, Syn (сын) Szmuil».

Наверное, здесь самое место рассказать о происхождении фамилии Невзлин. Встречается она в основном в уже знакомом вам Дубровно и, вероятнее всего, восходит именно к этому Меиру, упомянутому в переписи 1764 года.

Отца Меира звали Йевзель – так библейское имя Иосиф звучит на идише. Поскольку, за исключением самых родовитых, восточноевропейские иудеи обычно не имели фамилий, то, когда в 1804 году российские власти потребовали от евреев принять постоянные фамилии, Меир, скорее всего, стал Евзлиным. К слову, отсутствие фамилий не было признаком именно еврейского населения: многие христиане в этом регионе также не имели фамилий. В дальнейшем фамилия Евзлин записывалась по-разному: отдельные буквы то выпадали, то добавлялись,

ведь ни раввины, составлявшие метрические книги, ни русские чиновники, готовившие различные списки и документы, не отличались особой грамотностью. В какой-то момент к фамилии Евзлин добавился звук «н» в начале, что характерно для северо-белорусского идиша. И, таким образом, Евзлин стал Невзлиным.

Но вернемся к историческому повествованию. В 1772 году, после первого раздела Польши, Восточная Беларусь вместе с Дубровно перешла под власть России, и вскоре тогдашний владелец местечка Александр Михаил Сапега, крупный литовский государственный и военный деятель, продал Дубровно князю Григорию Потемкину.

Григорию Александровичу, как впоследствии и многим российским чиновникам, хотелось кардинально изменить традиционный образ жизни евреев. Рассказывают, что Потемкин решил построить в своих новых владениях ткацкую фабрику и заставить местных евреев на ней работать. Увы, мои стародавние земляки никак не приветствовали намечавшиеся нововведения. «Евреи восприняли такую перспективу как страшное бедствие, собрали общинный сход и решили пойти к самой императрице с жалобой на ее фаворита. Долго думали евреи Дубровно, как повлиять на Екатерину, и решили дать ей крупную взятку. Выбрали двух депутатов и отправили в Петербург. Представ перед императрицей, депутаты обещали ей “дать десять тысяч рублей, а то и больше”, лишь бы в Дубровно не строили фабрику. “Дураки!” – воскликнула просвещенная императрица, но решение о постройке фабрики все-таки велела отменить»².

2 Ольга Минкина. «Сыны Рахили»: Еврейские депутаты в Российской империи, 1772–1825. – М.: Новое литературное обозрение, 2011.

Дубровно недолго принадлежало князю-реформатору. В 1787 году Потемкин обменял свои земли вместе с этим местечком на владения польского князя Франтишека Ксаверия Любомирского на правобережной Украине. В результате Любомирский стал не просто владельцем большинства местечек района: Дубровно, Ляды, Любавичи, Баево и других – но и российским помещиком. А в Дубровно расположилась одна из главных резиденций князя. Его дворец не сохранился, но княжеский парк существует до сих пор.

Помните, я упомянул католический монастырь бернардинцев, который построили в Дубровно в 1630 году? В эпоху российского правления его передали ордену пиаристов³, который в 1785 году открыл в Дубровно коллегиум – бесплатную школу для христианских детей. Но в самом конце XVIII века в Дубровно произошла очередная трагическая история, словно сошедшая со страниц романтических повестей той эпохи. Дочь князя Ксаверия Любомирского решила, не получив благословения батюшки, выйти замуж за бедного шляхтича, и возлюбленные тайно обвенчались в монастыре пиаристов. Говорят, что князь в гневе был страшен и крут на расправу. Вскоре монастырь «неожиданно» сгорел, а двух монахов, проведших венчание, нашли утопленными в Днепре. Бедных пиаристов изгнали, а на их место князь пригласил в монастырь траппистов⁴.

3 Пиаристы – католический монашеский орден, занимающийся христианским обучением и воспитанием детей и молодежи в школах, учрежденный в начале XVII века.

4 Ответвление цистерцианского монашеского ордена; трапписты живут в Израиле в монастыре Латрун.

После революции 1917 года всех монахов разогнали – не зря тогда пелось: «Долой, долой монахов, раввинов и попов». В жилом корпусе монастыря открыли фабрично-заводское училище при фабрике «Днепровская мануфактура», и в нем на курсе инструкторов в 1930 году учился, а позднее работал его заведующим мой дед Иосиф.

Здание этого монастыря сохранилось и поныне.

Говоря о духовном, нельзя не рассказать о хасидизме – мистическом течении в иудаизме. Основателем хасидизма считается легендарный Бешт (Баал-Шем-Тов, 1698–1760) из Меджибожа, что в Подолье. А в Дубровно в те годы проживал рав Элиягу-Иерухам, которого называли «серафимом» (огненным ангелом). Как передавали современники, «во время его молитвы вся синагога дрожала». Услышав о Беште, дубровенский рав отправился в Меджибож за 750 километров и стал последователем хасидизма. После кончины Бешта рав Элиягу-Иерухам неоднократно посещал двор Дов-Бера из Межирича (Великий Магид, 1704–1772) – второго лидера хасидского движения и наследника Баал-Шем-Това.

В 1803 году рабби Шнеур-Залман – основатель движения Хабад⁵ и признанный глава хасидов Беларуси – поселился в местечке Ляды, всего в сорока километрах от Дубровно. Еще до этого, в 1796 году, Дов-Бер из Дубровно занимался, по поручению раввина Шнеура-Залмана, сбором денег для хасидов в Земле Израиля, а Биньямин из Дубровно был одним из приближенных ко двору ребе Шнеура-Залмана в Лиозно в конце 1790-х годов.

5 Хабад (акроним слов «хохма», «бина», «даат» – «мудрость», «понимание», «знание»), одно из центральных направлений в хасидизме.

Среди хасидов, приближенных к ребе Шнеуру-Залману, был и Меир Евзельс из Дубровно – уже знакомый вам родоначальник семейства Евзлиных-Невзлиных.

Скорее всего, многие читатели видят эти имена впервые и они им ни о чем не говорят. Но уверяю вас, что для религиозных евреев, многочисленных хасидов и хабадников, разбросанных по всему миру, эти имена так же дороги и священны, как для христиан – имена апостолов и их учителя. А в Израиле их именами названы улицы и проспекты.

Несомненно, мои дубровенские земляки отличались истовой верой и богобоязненностью, но не надо думать, что они проводили все дни и часы за изучением Торы. В отличие от многих израильских ультрортодоксов⁶, они не могли себе позволить постоянно сидеть в иешивах⁷ и изучать Писание. Возможно, они мечтали об этом, как Тевье-молочник из рассказов Шолом-Алейхема⁸, но в реальности евреям в Дубровно приходилось тяжело работать с утра до поздней ночи.

В дореволюционной России евреям запрещалось заниматься сельским трудом, и большинство из них были вынуждены выбирать традиционные еврейские профессии кустарей – мелких

6 Ортодоксальный иудаизм (от греч. *orthodoxia* – буквально «правильное мнение», «яхадут ортодоксит») – общее название течений в иудаизме, последователи которых считают себя единственными законными носителями еврейской религиозной традиции.

7 Иешива – высшее религиозное учебное заведение в иудаизме, предназначенное для изучения Устного Закона, главным образом Талмуда.

8 Шолом-Алейхем (Соломон Наумович (Шолом Нохумович) Рабинович; 1859–1916) – еврейский писатель и драматург, один из основоположников современной художественной литературы на идише, в том числе детской. Писал также на иврите и на русском языке.

ремесленников: они становились сапожниками, кожевниками, красильщиками, но зачастую, в зависимости от сезона, брались за любую работу. Так, например, летом, когда у крестьян шли полевые работы, большинство сапожников в поисках заработка становились музыкантами, барышниками, тряпичниками и даже тайно продавали вино в те дни, когда были закрыты казенные винные лавки, занимавшиеся этим официально.

Таким работником был и мой прадед Борис Соломонович Невзлин, который в летнее время крыл крыши гонтом (дранкой), а зимой чинил галоши.

В еврейском мире кустари считались наименее престижной социальной группой. Не только из-за нищенского заработка, тяжелого труда и постоянной зависимости от владельцев магазинов и перекупщиков. Им приходилось тяжело работать по шестнадцать-восемнадцать часов, поэтому у них просто не было времени изучать Тору! А в традиционном еврейском обществе именно еврейская ученость, начитанность ценились не менее богатства.

Рассказывая о том, чем занимались жители Дубровно, нельзя не упомянуть специфические еврейские профессии. Тут трудились переписчики Торы, изготовители тфилинов⁹ и, что было особенно характерно для этого местечка, мастера, ткавшие талесы (талиты)¹⁰. Дубровно был общепризнанным центром про-

9 Тфилин (филактерии) – две маленькие коробочки (баттим, буквально «домики») из выкрашенной черной краской кожи, содержащие написанные на пергаменте отрывки из Пятикнижия.

10 Талес (на ашкеназском иврите, в современном израильском произношении талит) – молитвенная накидка, используемая евреями во время утренней молитвы и других религиозных церемоний. Талес представляет собой четырехугольное

изводства талесов. Еще в 1840-х годах дубровенские талесы рекомендовал рабби Исраэль Салантер (1810–1883) – основатель движения «Мусар»¹¹ в среде литовского еврейства и один из наиболее влиятельных раввинов середины XIX века.

Производились талесы в Дубровно как на фабриках, так и на дому. Причем основное их производство было сосредоточено именно у кустарных ткачей, работавших на собственных ткацких станках. Более того, многие ткачи сознательно не шли на фабрику, предпочитая оставаться «независимыми хозяевами». Но труд это был тяжелый, изнуряющий, в страшных антисанитарных условиях.

Бедственное положение дубровенских ткачей привлекало внимание еврейских общественных деятелей. К концу XIX века в России уже существовали многочисленные филантропические, социальные и просветительские организации, занятые улучшением жизни российских евреев. Были и свои богатые и влиятельные меценаты. Среди них, например, выходец из Беларуси и уроженец Дубровно московский банкир и промышленник Лазарь Поляков. Причем уже в те времена российские еврейские филантропы были связаны и с международными еврейскими организациями. Так, Лазарь Поляков был заместителем Мориса де Гирша (1831–1896) – австрийского финансиста и филантропа, который в 1891 году создал Еврейское колониза-

полотно, обычно с черными или синими полосами, к углам которого привязаны специальные кисти – цицис (цицит).

11 Мусар (буквально «мораль») – моралистическое движение в среде ортодоксальных литовских евреев, главным образом учащихся иешив, ставящее на первое место воспитание личности в духе религиозного ригоризма и аскетизма.

ционное общество (ЕКО) с целью переселения евреев из России в сельскохозяйственные колонии в Аргентине.

По предложению молодого инженера Семена Розенблюма было решено построить в Дубровно ткацкую фабрику, на которой будут изготавливаться не талесы, а бумажные и шелковые ткани. Она должна была дать дубровенским ткачам, уже умевшим ткать вручную, работу по специальности, но на механических станках. И производить они должны были материю, пользующуюся спросом на рынке.

С самого начала строительство фабрики в Дубровно представляло собой не просто благотворительный, а коммерческий проект, реализуемый акционерным обществом с уставным капиталом в 1 миллион 200 тысяч рублей. Из них 800 тысяч вложило ЕКО, а 400 тысяч – российские бизнесмены: Лазарь Поляков, Гораций Гинцбург, Ипполит Вавельберг, Исраэль Познанский и другие. Предприятие должно было приносить прибыль четыре процента.

Так что я с гордостью могу сказать, что мое местечко некогда стало своего рода полигоном для первых международных бизнес-проектов, способствующих улучшению жизни еврейских масс.

К августу 1902 года здание ткацкой фабрики «Днепровская мануфактура» было построено и первые механические станки запущены в эксплуатацию. «Днепровская мануфактура», на которой трудились более пятисот человек, была первой и единственной фабрикой в России, построенной исключительно для еврейских рабочих еврейскими капиталистами и крупной благотворительной организацией. Даже при ее строительстве были задействованы только строители-евреи, а над строящейся

фабрикой торжественно возвышался маген-давид¹². Возглавлял фабрику тот самый инженер Семен Розенблюм, который когда-то предложил ее возвести. Фабрика была закрыта по субботам и еврейским праздникам, а ее руководство старалось совместить доходность предприятия с созданием удовлетворительных условий жизни для рабочих. Здесь пытались заботиться и о просвещении работников – при мануфактуре работала общедоступная библиотека.

Наверное, вы удивитесь, почему я столько места уделяю этой «Днепровской мануфактуре»? Причина проста: для моих бабушки и дедушки она стала той самой «заводской проходной», что вывела их в люди. Здесь в 1926 году мой дед Иосиф начал работать ткачом, когда ему было всего пятнадцать лет. Здесь он вступил в комсомол¹³, а потом в Коммунистическую партию и даже успел недолго поработать секретарем Дубровенского райкома комсомола. В 1931 году деда мобилизовали в армию, и так закончился дубровенский период его жизни. И бабушка моя Рахиль Гутина с шестнадцати лет работала на этой фабрике. Она тоже здесь вступила в комсомол. Как я могу предположить, на одном из комсомольских собраний увидела молодого комсомольца Иосифа Невзлина и влюбилась в него...

12 Маген-давид (щит Давида) – шестиконечная звезда (гексаграмма), образованная двумя равносторонними треугольниками с общим центром, ориентированными противоположно друг другу.

13 Комсомол (ВЛКСМ, Всесоюзный Ленинский Коммунистический Союз Молодежи) – массовая молодежная общественно-политическая организация в СССР, резерв пополнения Коммунистической партии Советского Союза, проводник ее политики и идеологии в молодежной среде, средство мобилизации молодежи на решение народно-хозяйственных задач. Комсомольцами могли стать молодые люди в возрасте от четырнадцати до двадцати восьми лет.

Для понимания того, какими были навсегда ушедшие еврейские местечки, очень важно подчеркнуть, что евреи, проживавшие в Дубровно, не просто составляли половину его населения, но образовывали некое сообщество, существовавшее по своим законам и традициям. При этом еврейская община не была изолированным и застывшим мирком. Напротив, она была открыта ветрам перемен, которые носились в конце XIX века над всей планетой. Помимо традиционных общинных институций – таких как синагоги, похоронные общества, еврейские начальные школы-хедеры – в Дубровно со второй половины XIX века появляются и новая казенная еврейская школа, где обучали русскому языку, и еврейское ремесленное училище, и благотворительное общество «Лехем евъеним» («Хлеб бедняков»), заботившееся о пропитании бедных...

Очень важно подчеркнуть, что все общинные институты существовали на деньги самих же евреев. Люди побогаче жертвовали в общую кассу десятки и сотни рублей, бедняки – сколько могли. При этом, естественно, все платили налоги государству Российскому, которое никоим образом в еврейской жизни не участвовало.

Да и политическая жизнь в еврейском сообществе Дубровно бурлила вовсю. Если в начале XIX века одним из главных конфликтов в местечке были споры между хасидами и миснагедами (приверженцами традиционного иудаизма), то в начале XX начались идеологические войны между сионистами и антисионистами, местной буржуазией и еврейскими социалистами.

Так что в политических взглядах дубровенские евреи не были едины. Но надо отдать должное моим землякам: перед лицом смертельной опасности они смогли объединиться. В 1905 году, во время Первой русской революции, после публикации цар-

ского Манифеста 17 октября, обещавшего гражданские свободы и создание парламента, в стране начались и радостные манифестации сторонников революции, и выступления монархистов, которые быстро переросли в погромы. В самом Дубровно погрома не произошло, но 21 октября 1905 года он разразился в соседней Орше. Получив извещение об убийстве еврейской семьи Блюмкиных-Миндлиных, дружины самообороны «Бунд» и «Поалей Цион» из Дубровно вместе отправились в Оршу для оказания помощи местным евреям. Однако они попали в засады, устроенные погромщиками и полицией. Из сорока одного человека, вышедшего из Дубровно, шестнадцать были зверски убиты, остальные ранены. Среди погибших было одиннадцать членов «Бунда», три активиста «Поалей Цион» и двое беспартийных.

После погрома в Оршу из Дубровно приехал управляющий «Днепровской мануфактуры» Семен Розенблюм, с которым до этого «Бунд» боролся как с буржуазным эксплуататором. Он добился освобождения арестованных членов дубровенской самообороны, организовал похороны погибших и медицинскую помощь раненым.

Последующие годы в Дубровно стали столь же активными. Действовали политические партии и сионистские организации, на «Днепровской мануфактуре» был организован профсоюз. Сначала вся эта бурная деятельность проходила в условиях многочисленных запретов, наложенных на евреев царским законодательством. Но Февральская революция 1917 года отменила все антиеврейские ограничения и правительственный контроль, а также обеспечила полную свободу общественной и политической деятельности.

Естественно, в те дни мои земляки не могли оставаться в стороне от выборов во Всероссийское учредительное собрание.

Дубровенские евреи поддержали несколько списков – и список «Бунда», и Объединенный национальный список, куда входили и сионисты, и религиозные ортодоксы. Большинство еврейских голосов в Дубровно получил именно Объединенный список.

Мы можем по-разному представлять себе, каким стало бы будущее еврейской общины в демократической буржуазной России, если бы в 1917 году в Петрограде не произошел Октябрьский переворот. Но Учредительное собрание было разогнано, затем началась Гражданская война, и вскоре во всей стране установился большевистский режим.

Новые власти стали действовать, руководствуясь логикой всех авторитарных режимов, стремящихся к единомыслию и уничтожению любой оппозиции. Вскоре была ограничена, а затем и полностью запрещена деятельность всех политических партий, включая социалистические. В это же время практически все еврейские социалистические партии раскололись, их левые крылья присоединились к большевикам. Так что через пару лет после революции еврейские политические страсти и дебаты в Дубровно сошли на нет.

Но говорить о каких-либо революционных переменах в образе жизни местных евреев в 20-х – начале 30-х годов XX века не приходится. По-прежнему многие из них, даже в кооперативах, не работали по субботам и праздникам, продолжали ходить в одну из 14 здешних синагог, а перед Песахом выпекали мацу. В те годы в Дубровно продолжали действовать еврейские благотворительные организации и похоронное братство «Хевра Кадиша». К новой власти большинство дубровенских евреев относились не столько враждебно, сколько равнодушно. В советской общественной жизни старались не участвовать, на выборы ходили неохотно.

Наверное, подлинным оплотом советской власти была «Днепровская мануфактура», где работали молодые Невзлины. Там действовали свои большевистская и комсомольская организации, проводились собрания, а местные активисты (в том числе и мой дед) посылали заметки в фабричную газету «Паганялка», выходившую на белорусском языке.

В январе 1929 года было принято секретное постановление ЦК ВКП(б) о начале массового наступления на все религиозные институты и о борьбе против религиозных активистов. Началась война с «религиозным засильем» всех вероисповеданий. В Дубровно стали закрывать еврейские религиозные школы-хедеры, здания пяти синагог передали домам культуры и другим учреждениям. Городские власти, вероятно, таким образом попутно решали проблему нехватки муниципальных помещений. Действительно, в те годы было проще конфисковать, нежели строить, и поэтому два года спустя у зажиточных евреев Дубровно отобрали двенадцать домов в пользу городского жилфонда. А «Днепровскую мануфактуру» национализировали еще в 1928 году.

Да и евреев в Дубровно становилось все меньше. Они начали уезжать отсюда еще в самом начале XX века. Если в 1897 году в этом местечке проживали 4364 еврея, то в 1923-м – только 3199. До революции они переезжали в более крупные города, где дозволялось проживать евреям, эмигрировали в США или Южную Америку. А после Октября 1917-го отправлялись в Москву или Ленинград. Как всегда, насиженные места покидали самые активные и неутомные. Они оставляли в местечке свои дома, в которые перебирались крестьяне из окружающих деревень, устраивавшиеся на работу на местной фабрике. В июне 1941 года, когда гитлеровцы напали на СССР, здесь жили 2100 евреев.

Немцы вошли в Дубровно 16 июля 1941 года.

К тому времени большинство местных евреев все еще оставались в городе. Часть из них были эвакуированы вместе с фабрикой в Барнаул, другие – призваны в Красную армию или ушли в ополчение, но большинство не понимали, какую смертельную угрозу несет нацистская власть. Они не были готовы бросить все и бежать на восток.

Уже в первый период оккупации местное немецкое руководство ввело для евреев ограничения на передвижение, запретило им выходить из дома после шести часов вечера и обязало носить черные повязки с желтой шестиконечной звездой. Позже всех евреев собрали в двухэтажном здании на улице Левобереговой. Взрослых мужчин под конвоем водили на принудительные тяжелые дорожные работы и на работу в автомастерскую.

В избиениях евреев и издевательствах над ними активно участвовали местные полицейские. А 6 декабря 1941 года немцы и полицаи «стали заставлять рыть общие могилы, и за фабричным двором Дубровенской фабрики в общую могилу согнали и расстреляли 1500 человек. В могилу загонялись полураздетые дети, подростки, взрослые и старики, укладывались и пристреливались в затылок. Картина ужаса, слез, воплей и стонов не поддается описанию»¹⁴.

«Вторую очередь оставшихся специалистов и их семей, около 300 человек, расстреляли в феврале 1942 года теми же способами и методами. Кроме массовых расстрелов, еще группами

14 Акт Чрезвычайной государственной комиссии по расследованию преступлений немецко-фашистских захватчиков (ЧГК), составленный 30 марта 1945 года.

и одиночками расстреляно 185 человек. Всего по городу расстреляно 1985 человек»¹⁵.

Я увидел Дубровно впервые в 2019 году. Увидел глазами оператора и режиссера, которые снимали здесь фильм о белорусских корнях моей семьи. Сейчас это типичный белорусский городок. Маленький, аккуратный, чистенький. К счастью, в городе живут энтузиасты-краеведы, которые знают и помнят еврейские страницы местной истории, ухаживают за еврейскими могилами, возлагают цветы к памятнику на месте расстрела дубровенских евреев¹⁶.

Сколько сейчас евреев живет в Беларуси, никто точно не знает. Одни говорят – десять тысяч, другие – пятнадцать... В Дубровно остались лишь две немолодые еврейские женщины.

«Днепровская мануфактура» так и не вернулась после войны из Барнаула. В послевоенное время здесь возник Дубровенский льнозавод, который занял часть принадлежавших ей помещений. В одном из зданий мануфактуры открыли банкетный зал. Единственным свидетельством тому, что в Дубровно когда-то действовала фабрика еврейских ткачей, остался железный магген-давид на кирпичном здании водонасосной станции на берегу Днепра.

Так завершилась четырехвековая история евреев местечка Дубровно, из которого вышли такие знаменитые евреи, как:

15 ГАРФ. Ф. 7021. Оп. 84. Д. 6. Л. 3-4; Геннадий Винница. Горечь и боль (Орша, 1998).

16 В Дубровно два человека – Степан и Ефимия Реутовичи – были удостоены почетного звания «Праведник народов мира» от израильского мемориального института «Яд Вашем» «в знак глубочайшей признательности за помощь, оказанную еврейскому народу в годы Второй мировой войны» – за спасение Иды Гуменик (Каплан).

- фабриканты и филантропы братья Самуил, Лазарь и Яков Поляковы;
- сионистский лидер и один из отцов-основателей Государства Израиль Менахем Усышкин (1863–1941);
- французский философ и писатель Осип Лурье (1868–1955);
- судья Верховного суда Квебека Гарри Батшев (1902–1984);
- первая в Европе женщина – профессор философии, получившая это звание в 1909 году, Анна Тумаркина (1875–1951);
- знаменитый американский скрипач Цви Цейтлин (1923–2012);
- пионер израильского кино Натан Аксельрод (1905–1987) и многие другие.

Меир Евзельс

1750-е – ?

Хаим

ок. 1783 (Дубровно) – 1850

Берка (Гутин)

до 1780 – до 1838

Невзлин Арон

ок. 1828 – ?

Хава

ок. 1830 – ?

Арон Гутин

ок. 1799 – после 1858

Хая

ок. 1814 – после 1858

Хаим (Соломон)

Невзлин
ок. 1851-1854

Двоша

1851 – ?

Мендель Гутин

ок. 1845 – ?

Янкель Иоффе

после 1854 –
июль 1941

Борис (Борух или Бер)

Невзлин 1870-1922

Песя

1880-1912

Залман

Гутин
? – 1918

Элька Иоффе

1887 –
21 ноября 1951

Иосиф Невзлин

9 марта 1909 (Дубровно) –
3 октября 1985 (Феодосия)

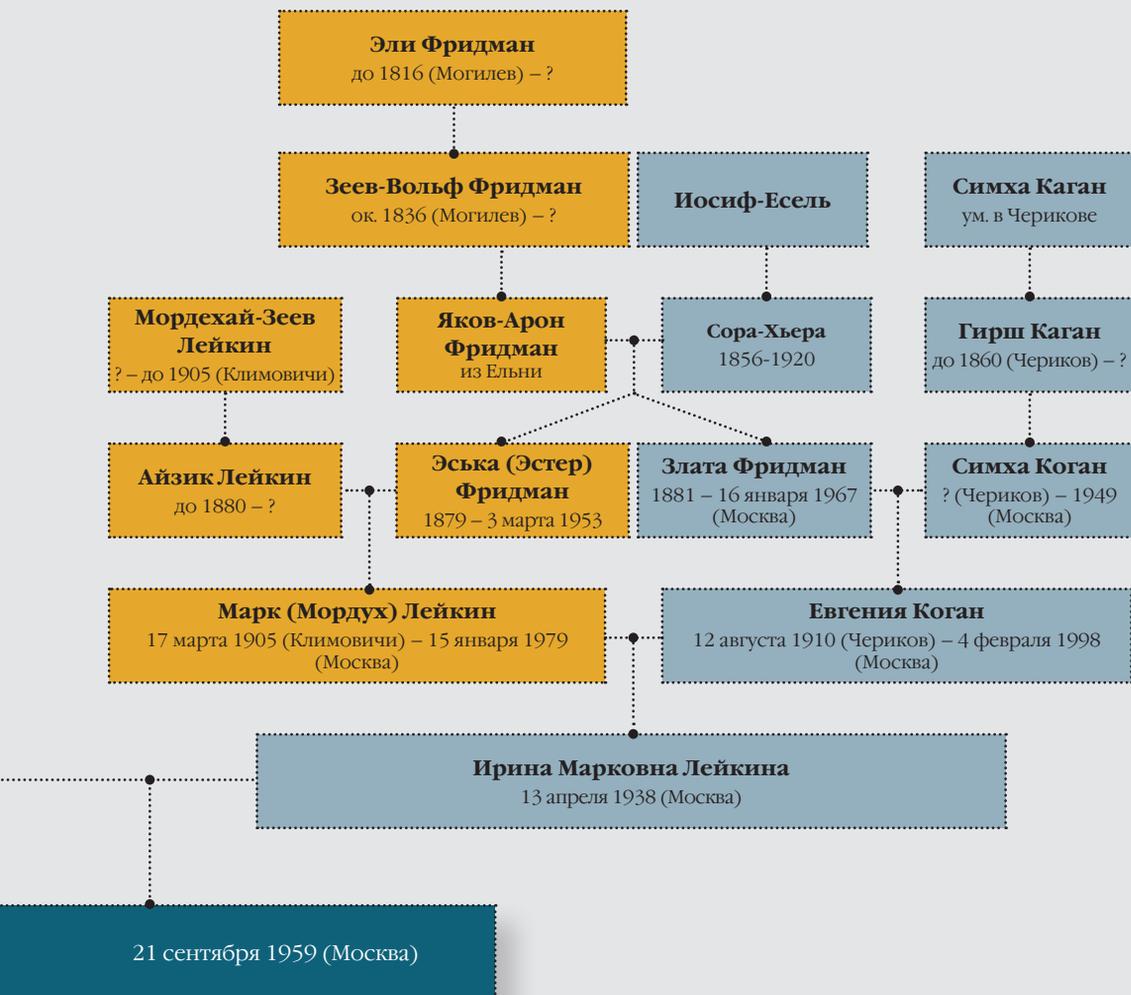
Рахиль Гутина

8 марта 1910 (Дубровно) –
20 июля 1979 (Феодосия)

Борис Иосифович Невзлин

7 октября 1935 (Ленинград)

Леонид Борисович Невзлин

ГЛАВА 2. МАРК, ЖЕНЯ И «КАТЮША»

Дедушку Моню, мамино папу, я помню ровно столько, сколько помню свой мир. В паспорте он был записан так: Мордух Айзикович Лейкин – вот уж точно идишское, местечковое имя! На работе его звали Марк Исаакович, что, может быть, звучит менее местечково, но все равно очень по-еврейски.

Голубоглазый, нос картошкой, волосы светлые, зачесанные назад, – мне именно такими представлялись евреи из местечка. Кому знаком такой еврейский тип, сразу поймет. Кому не знаком, решит, что русский. Хотя русского в нем ничего не было, кроме языка. А говорил он, между прочим, на прекрасном литературном языке и без акцента.

Часто можно слышать: «мой кумир, мой идеал». У меня в жизни никогда никакого кумира или идеала не было. То есть не было в моей жизни человека, которому я был готов слепо верить и поклоняться. Но если говорить о некотором образце человеческих качеств и поведения – то это, несомненно, дед Марк. Есть люди, которых я очень уважаю, с которыми мне интересно и которые занимают в моей душе определенное место. И если строить пирамиду, иллюстрирующую мою оценку людей, то на самой вершине будет мой дедушка.

Мордух Лейкин родился в небольшом белорусском местечке Климовичи. Жизнь в традиционных местечках протекала бедно, скучно и предсказуемо. Вырваться из нее молодому человеку, который не хотел идти по стопам предков, было очень сложно. Особенно тому, кто родом из бедной семьи.

Дедушка Марк (мамин папа) и я

Но в феврале 1917 года в Российской империи произошла революция, после которой все царские законы, ограничивавшие права евреев – а их насчитывалось более ста пятидесяти! – были отменены. Наконец-то евреи получили возможность жить, где хотят, учиться в любых учебных заведениях, работать, где им угодно.

Сразу после окончания школы в 1923 году Марк Лейкин едет в Москву и устраивается на работу грузчиком на Казанском вок-

зале. Потом он три года работает рабочим на деревообрабатывающем заводе. Там же, на заводе, вступает в комсомол.

В 1927 году Марка призывают в Красную армию, и он оказывается за девять тысяч километров от Москвы, в пехотной школе имени Коминтерна во Владивостоке. После демобилизации возвращается в Москву на свой родной завод, а осенью 1929 года поступает на первый курс химического факультета Московского высшего технического училища. В 1932 году Марка вместе со всеми студентами его курса перевели в Военную химическую академию. Хочешь или нет – не спрашивали. Действовали по военному. Так дед, помимо своей воли, начал военную карьеру.

После окончания академии его как военного инженера-химика отправили на Дальний Восток, в Читу. Прослужил он там пять лет, в 1939-м вновь вернулся в Москву и начал работать в той же военной академии. Только называлась она теперь Военная академия химической защиты.

Я не знаю наверняка, но почти уверен в том, что перед войной и во время нее дед Марк занимался разработкой твердого топлива для секретной ракетной установки залпового огня. Эту установку БМ-13 в начале Великой Отечественной солдаты, а потом и все советские люди окрестили «катюшей». Почему именно так, доподлинно неизвестно. По одной из версий, по названию знаменитой песни про девушку, которая ожидала своего возлюбленного, ушедшего на фронт.

Кстати, впервые эта установка была опробована в боевых условиях в июле 1941 года при обороне белорусского города Орши, который находится всего в семнадцати километрах от Дубровно – родины много деда Иосифа Невзлина.

«Катюша» оказалась очень эффективным, передовым оружием. Обычно она использовалась против живой силы противника.

Несколько установок одновременно выпускали большое количество реактивных снарядов, которые оглушительно взрывались на местности. Грохот и огненные смерчи вызывали панику в фашистских войсках. Этот миномет был предметом гордости советских людей. В первые годы войны, когда советская армия терпела поражение, миллионы солдат и офицеров попадали в плен, а фашистские войска стремительно продвигались в глубь СССР, «катюша» вселяла в советских людей надежду на победу. И я всегда гордился, да и сейчас горжусь, что мой дед участвовал в ее разработке.

За «катюшу» он получил орден Красной Звезды, а в 1945 году его произвели в полковники.

После войны Марка Лейкина перевели в ГАУ (Главное артиллерийское управление). Там он получил важное военное задание – перевезти из Германии немецкий завод, производивший жидкое топливо для ракеты «Фау-2». Практика репараций, то есть экономических наказаний страны, проигравшей войну, была общепринятой в XX веке. С производства немецких «Фау-2» русские забрали завод и остатки ракет, а американцы получили разработчика этих ракет Вернера фон Брауна, его команду и чертежи.

В послевоенные годы «борьбы с космополитами», о которых я расскажу подробнее в следующей главе, Марку Лейкину повезло: его не разжаловали, не понизили в звании, не уволили, а просто перевели из ГАУ в военное представительство, и он служил представителем армии на разных предприятиях.

Впрочем, и у него был вполне реальный шанс оказаться в ГУЛАГе. Однажды дед мне рассказал, как чуть не погорел во время сталинских чисток в конце тридцатых годов. Оказывается, как-то раз мой дедушка не удержался и рассказал анекдот про вождя!

Почти мгновенно в органы поступило два заявления на этот счет, но им не дали хода. Возможно, потому, что дед был нужен и не имело смысла сажать его или вызывать на «профилактическую» беседу – выгоднее было забыть о случившемся на время.

Другим везло меньше. Перед войной был арестован сокурсник и друг деда по Академии химзащиты. Он погиб в лагере. Когда во второй половине 50-х годов началась реабилитация несправедливо осужденных, мой дед обратился в прокуратуру, просил о посмертной реабилитации этого человека. Следователь отыскал папку осужденного, полистал ее, затем посмотрел на деда и сказал: «Вот вы просите за него, а ведь он написал на вас донос!» Дед вернулся домой подавленный и расстроенный, рассказал обо всем своей жене – моей бабушке. Они долго сидели в комнате и молчали...

В 1951 году Марк Лейкин начал работать военным представителем Научно-исследовательского института № 94 Министерства химической промышленности. НИИ № 94 специализировался на авиационном и ракетном топливе, в создании которого Марк принимал участие, а также занимался разработками для космоса. В 1957 году Марк Лейкин был награжден орденом Красной Звезды за создание и запуск первого в мире искусственного спутника Земли. В 1967 году ушел в отставку из армии, но не оставил науку. С 1972 года он – уже не военный представитель, а старший инженер этого же НИИ-94. На пенсию он вышел в 1976 году.

Дед Моня был единственным человеком, с которым я мог по долгу ходить, серьезно беседовать, задавать вопросы. Родителям вечно не хватало времени на разговоры со мной. К тому же все остальные взрослые по сравнению с дедом казались мне скучными.

Дед очень много читал и собирал книги. Он хорошо знал идиш, и у нас в доме было много книг на этом языке. А на русском

дедушка собирал все, что касалось евреев, начиная с Шолом-Алейхема, который был сильно цензурирован при переводе. Он очень дорожил своей библиотекой и трепетно к ней относился. После его смерти библиотека перешла к моим родителям, а они незадолго до отъезда в Израиль передали ее в Еврейский культурный центр в Москве.

Другим очень важным аспектом его еврейской самоидентификации, как сказали бы мы сейчас, было отношение к Израилю. Дед любил Израиль и гордился тем, что у евреев есть свое государство. Он интересовался жизнью в Израиле, ему было интересно все, включая кибуцное движение¹⁷. Единственным источником новостей про эту страну была радиостанция «Коль Исраэль» («Голос Израиля»), которую дед слушал регулярно.

Тут стоит сделать небольшое отступление и рассказать, что в СССР все средства массовой информации без исключения: телевидение, радио, газеты, журналы, книги и брошюры – принадлежали государству, которое контролировало абсолютно все – от обязательной публикации сообщений о заседаниях Политбюро КПСС до выпусков прогноза погоды и детской передачи «Спокойной ночи, малыши!». Ни одно слово не могло появиться в СМИ без одобрения соответствующих органов. Целая армия людей, работавших в идеологических отделах КПСС, государства, армии и т.д., следила за тем, чтобы советские граждане получали только идеологически выверенную информацию.

17 Кибуц – сельскохозяйственная коммуна в Израиле, характеризующаяся общностью имущества и равенством в труде и потреблении. На сегодняшний день на территории Израиля находятся 274 кибуца, в которых проживают около 150 тысяч человек.

Естественно, в таких условиях думающие и внутренне свободные люди, к числу которых принадлежал и мой дед, искали источники альтернативной информации о происходящем в мире и в СССР. Практически с самого начала холодной войны, вскоре после окончания Второй мировой, это поняли на Западе и занялись организацией радиовещания на русском языке. Первой на нем заговорила Би-би-си в 1946 году, на следующий год на русском стал вещать «Голос Америки», а с 1 марта 1953 года, почти одновременно со смертью Сталина, в эфире появилось «Радио Освобождение», которое с мая 1959-го стало называться «Радио Свобода». «Голос Израиля» начал вести передачи на русском языке с начала пятидесятых годов.

Советская власть активно боролась с этими «подрывными радиостанциями». Еще с 1948 года в СССР стали глушить передачи «Голоса Америки» – на официальном языке это называлось «радиозащитой» и «радиоэлектронной борьбой». Было построено больше тысячи специализированных станций, которые позволяли заглушать до сорока–шестидесяти процентов трансляций. Страшно подумать, сколько денег и энергии уходило на эту идеологическую борьбу!

Но советские граждане научились пробиваться к этим «вражеским голосам». Например, за городом глушилки работали менее эффективно: их не хватало на всю огромную страну, приходилось концентрироваться на крупных городах. Но и в городах можно было слушать западные радиостанции: выяснилось, что короткие волны – 19, 16, 13, 11 метров – глушить было сложнее, и на них «враждебная пропаганда» звучала достаточно внятно. Правда, в СССР не выпускались приемники с подобным диапазоном, но и здесь был найден выход. Например, самый популярный транзисторный радиоприемник – выпускавшаяся в Риге

«ВЭФ-Спидола» – легко перестраивался или, как тогда говорили, «перематывался» радиомастером или опытным радиолюбителем на нужные диапазоны.

В результате западные передачи слушали миллионы, если не десятки миллионов советских граждан. У моего деда были переносной «ВЭФ-Спидола» и стационарный приемник «Ригонда». Оба он отдавал каким-то мастерам-умельцам «в намотку», после чего качество приема резко улучшилось.

Программу антисоветских передач, конечно, не печатали. Но это никого не останавливало. Дедушка фиксировал расписание или в голове, или в тетрадке. Выстраивал себе график, особенно в выходные, ловил радиоволну и внимательно слушал Би-би-си, «Голос Америки», «Немецкую волну», «Голос Израиля», «Свободу»... Это был ритуал.

Я тоже мог присесть рядом, но старался не мешать и не задавать вопросов. Дед комментариев не давал, кроме одного: надо узнавать новости с разных точек зрения. С особым вниманием дед слушал «Голос Израиля».

Уже само по себе это было отважным поступком. В 1967 году после победы Израиля в Шестидневной войне СССР встал на сторону арабских стран, разорвал дипломатические отношения с Израилем и объявил сионизм страшным врагом человечества.

Но в то же время победа Израиля вдохновила многих советских евреев, большинство которых, несомненно, были законопослушными людьми. Более того, некоторые из них даже захотели уехать из СССР в Израиль! Самые ужасные подозрения советской власти подтвердились. Евреи – особая категория граждан, с которой надо обращаться соответствующим образом. Были придуманы новые секретные правила и распоряжения, с которыми, впрочем, уже пришлось иметь дело не моим дедам, а мне...

Как ко всему этому относился мой дед Марк?

Несомненно, он все понимал и все знал. Возможно, он считал эту антисемитскую мерзость отклонением от коммунистических идеалов, пережитками прошлого, которые со временем исчезнут. Дед был очень чистым и правильным человеком. Он не мог вести двойную жизнь – на работе быть верным коммунистом-ленинцем, а дома тайком на кухне ругать советскую власть. И меня не хотел воспитывать подобным образом. Меня растили абсолютно лояльным системе, потому что боялись, что ребенок по наивности может что-то сболтнуть. Бывало, что дети выносили из дома кухонные разговоры, чем создавали проблемы... Но я был достаточно разумным мальчиком. Сколько себя помню, семья для меня всегда была важнее любой идеологии. И внутренних противоречий после таких сеансов связи с западным миром во мне не возникало.

Мы гуляли с дедом и разговаривали. Разговаривали обо всем. Я задавал вопросы, которые меня тогда интересовали, и получал вполне понятные ответы. Обязательно мы посещали несколько магазинов, и в первую очередь «Кинолюбитель» – если не лучший, то один из лучших фотомагазинов в столице. Там продавали советские фотоаппараты «Зоркий», «ФЭД», «Ленинград» и запчасти к ним. Я не мог оторвать глаз от витрин. Ванночки для проявления, прищепки для развешивания фотопленки, красные лампы, штативы, реактивы, уголки для наклеивания фотографий... Дедушка очень любил фотодело – все-таки профессиональный химик! – и меня приобщал. Темная комната, красный свет, гирлянды фотопленок...

Затем на пути следования были книжные магазины. Мы заходили в них непременно, включая главный для нас с дедом «Букинист». Там продавались настоящие раритеты, изданные

и пятьдесят, и сто лет назад. Они стоили очень дорого. Например, пятьдесят рублей – это половина зарплаты молодого специалиста!

В результате этих походов в «Букинист» и оттого, что дома все читали, у меня тоже появился интерес к книгам. Кроме того, моя мама – учительница русского языка и литературы. Благодаря деду и маме дома была собрана хорошая библиотека, а запретов не было. «Это можно читать, а это нет» – такого я никогда не слышал. Все, что было в доме, можно было читать. Мопассана, например. Один из моих любимых писателей.

Спрашивать дедушку можно было о чем угодно. Правда, не на все вопросы он отвечал из-за подписки о неразглашении государственных тайн. О том, как летают ракеты и кого отправляют в космос, я даже не спрашивал. Зато на другие серьезные темы мы могли разговаривать часами.

Дед Марк был настоящим главой семьи. На нем держался весь дом. Имея звание полковника, он до выхода на пенсию хорошо зарабатывал, да и на пенсии получал больше, чем многие инженеры. Эти деньги были несравнимы с зарплатами мамы и папы, их хватало на всю семью. Обеспеченная интеллигентная семья полковника Лейкина позволяла себе выезды в санатории, пользовалась услугами домработницы, устраивала большие домашние посиделки, собиравшие по тридцать-сорок человек. Приходили его родной брат Иосиф, очень похожий на деда Моню, и племянница с мужем, еще были живы дедушкины дядя и тетя. В этой компании дед не выделялся, но все понимали, кто здесь центр семьи и источник благополучия. Пока дедушка был жив, такие собрания случались часто. Говорили о политике, истории, литературе.

Я до сих пор чувствую связь с ним, некую параллель. Правда, он был более собранным и менее эмоциональным, чем я. Все держал внутри, а внешне оставался спокойным и сдержанным, как и положено настоящему офицеру. Но он всегда умел слушать, и этим я похож на него.

Дед был человеком, который жил для того, чтобы делать хорошо другим. Задача – заботиться в первую очередь о родных и близких, а потом уже о себе – была для него приоритетной. Для бабушки, для дочери, для зятя, для внука – и только потом для себя. Интересы остальных первичны, а себе – то, что останется. Ресурсы его доброты и великодушия были неисчерпаемы. И самое важное, на мой взгляд, то, что дед никогда ничего и никому не прививал. Модель такого общения, или, если хотите, воспитания, – это пример. Личный пример.

Баба Женя (полное имя Геня Симховна Коган), жена деда Мони, была домохозяйкой. То есть на работу она не ходила. В Советском Союзе, как правило, в семьях работали и муж, и жена. Однако в семьях военных жены очень часто не работали, и не только потому, что хватало зарплаты мужа-офицера, но еще и потому, что приходилось переезжать за своим супругом из одной воинской части в другую. В таких условиях находить работу по специальности непросто. Так, в 1937 году она вместе с мужем уехала в Читту, куда отправили служить деда Моню. Там и родилась моя мама.

Естественно, неработающая супруга считала своим долгом содержать дом в чистоте и порядке и воспитывать детей. Иногда приходила женщина помогать бабушке убираться, но все остальное баба Женя делала сама. В том числе и покупки в магазинах. А в Советском Союзе ходить за покупками было настоящим искусством.

Бабушка Женя (мамина мама) и я

В советскую эпоху очень распространенным было слово «дефицит». В стране недоставало всего: еды, одежды, обуви, книг, сигарет, железнодорожных билетов, автомобилей, туалетной бумаги... Всегда в Советском Союзе с его плановой экономикой чего-нибудь не хватало! А в особо тяжелые годы в магазинах не было почти ничего, поэтому самые необходимые товары власть распределяла по специальным карточкам. Мои родители застали эти карточки в военные и послевоенные годы, а я – в конце 80-х.

Важно заметить, что в Советском Союзе товары не только продавали, но и распределяли в соответствии с решениями властей. Например, в Москву и Ленинград направлялось гораздо больше продуктов и товаров, чем в провинциальные города. И не потому, что в Москве проживало больше народу, а потому, что магазины в столице были обязаны демонстрировать всему миру если не изобилие, то хотя бы благополучие. Пусть и весьма относительное.

Поэтому в Москву приезжали за едой и товарами со всего Союза. Например, в наших продуктовых магазинах всегда продавалась недорогая вареная колбаса. Правда, она с каждым годом становилась все менее съедобной, но в других городах и такой не было! Поэтому каждый день, каждый месяц и каждый год в Москву на электричках и поездах прибывали тысячи людей из других городов и окрестных деревень, чтобы скупать здесь «дефицит» – колбасу, а также масло, мясо, сыр, рубашки, сапоги, радиоприемники... Этот список можно продолжать бесконечно.

Но и магазинов, как и товаров, на всех не хватало. Даже в Москве. Поэтому практически всегда надо было стоять в очереди. Надо было ждать. Иногда пять-десять минут, а иногда часами.

Очередь и дефицит, дефицит и очередь были повседневными реалиями советской жизни. Такими же, как памятники Ленину или красные транспаранты с лозунгами «Миру – мир!». Мне страшно представить, сколько сотен и тысяч часов своей жизни растратили люди в очередях за годы советской власти...

Советский человек должен был научиться приспосабливаться к такой жизни. Он должен был уметь ориентироваться в окружающем мире и окружающих магазинах, если хотел найти и «достать» что-то вкусное. Моя бабушка Женя была просто мастером «магазинного ориентирования». Тем более что место, где мы

жили, давало некоторые преимущества: вокруг было чуть больше дорогих торговых точек, в них продукты иногда задерживались на прилавках из-за высокой цены. Например, у нас достаточно часто на столе была дичь, потому что напротив, буквально в нескольких минутах ходьбы, на другой стороне Ленинского проспекта располагался магазин «Центросоюз» с огромной секцией «Дары охоты», а там – перепела, куропатки, тетерева, фазаны, медвежатина, мясо зубра, лосятина, оленина... Для приезжих эти слова были символами сказочного изобилия.

Бабушка Женя и я

Бабушка «выскакивала» в магазин и обратно по несколько раз в день. Она была в очень хорошей форме для этого вида «спорта». Невысокого роста, худощавая, энергичная, всегда очень аккуратная, мало ела, следила за собой. Мы с дедушкой ей помогали, втроем пешком ходили на Черемушкинский ры-

нок – там покупали овощи и фрукты, тащили домой тяжелые сумки.

А на полпути от дома до рынка, на Ломоносовском проспекте, стояла чебуречная «Ингури». Это было типовое двухэтажное здание, такие в народе из-за больших стеклянных окон называли «стекляшками». На втором этаже был кавказский ресторан, казавшийся мне тогда шикарным, а на первом – обычная столовка, где за чебуреками тоже надо было стоять в очереди. Зато отстоял, купил и сразу съел! Какими же вкусными они казались! Спустя годы, уже студентом, я поднимался с друзьями и на второй этаж – в ресторан. Там мы заказывали и чебуреки, и шашлык...

Еще бабушка Женя была носительницей еврейской традиции в нашей семье, как минимум – в приготовлении пищи. Она росла в белорусском местечке, где и научилась кухне восточно-европейских евреев. Гефилте фиш, цимес, гусиное горло, редька с гусиными шкварками, паштет из куриной печени, форшмак. Мое любимое детское блюдо – куриный бульон с клецками из мацы.

Говорят, что когда-то мацу пекла мама бабушки Жени – прабабушка Злата. Но я ее застал уже совсем старенькой. У нее была болезнь Альцгеймера, она тяжело уходила... А мацу я до сих пор обожаю и готов ее есть хоть каждый день!

Бабушка Женя в молодости была красавицей. Мама моя рассказывала, что у бабушки был прекрасный голос, она хорошо пела и даже выступала с хором художественной самодеятельности. Дед всегда смотрел на нее с восторгом. И жили они всю жизнь в любви и согласии. Не помню никаких скандалов, даже голос друг на друга не повышали.

Бабушка, как беспартийная большевичка – так в годы советской власти называли тех, кто в Коммунистическую партию

не вступил, но вполне разделял господствующие в стране идеологические взгляды в повседневной жизни, держалась от политики подальше, вражеские голоса, то есть западные радиостанции, не слушала, совершенно искренне верила в коммунистические идеалы и считала, что человек человеку друг, товарищ и брат. Она всегда была готова поспешить на помощь друзьям и родственникам, навестить больных – дома ли, в больнице... Или оббегать пол-Москвы в поисках нужных лекарств, которые, естественно, тоже были дефицитом.

Баба Женя для меня – образец чистого, бескорыстного человека. И хотя я к тем «коммунистическим идеалам» отношусь скептически, всегда вспоминаю бабушку, когда пытаюсь кому-нибудь помочь...

Смерть деда и бабушки стала для меня настоящей трагедией. В последние годы своей жизни дедушка Моря все больше и больше мучился астмой. Думаю, это следствие профессиональной деятельности. Скорее всего, надышался на испытаниях ракетным топливом, в состав которого входят крайне опасные компоненты. Дед пытался лечиться, но астма прогрессировала. В Москве он задыхался и кашлял, а летом уезжал в Феодосию, где море и степь, и все моментально проходило. Но решиться на окончательный переезд в Крым дед не мог. Сейчас я думаю, ему бы очень подошел иерусалимский воздух. Но тогда даже мечтать об этом было нельзя.

Болезнь не отступала, и в конце концов перешли на лечение гормонами. И те за несколько лет его просто убили. Тогда еще не было современных суперстероидов, лечили его преднизолоном. Начались отеки, одышка. Астма отступила, но из-за гормонального лечения начала развиваться миеломная болезнь – это рак костного мозга. Пытались лечить дома, несколько раз заби-

рали в больницу. Но даже транспортировка кончалась переломами. До сих пор безумно больно вспоминать. Он мучился почти полтора года. Просто уходил на наших глазах. Последние шесть месяцев были самыми мучительными. Когда родилась моя первая дочь Ира, мы не смогли показать ее прадеду. Пятнадцатого января 1979 года он умер, не приходя в сознание...

Бабушке тогда было шестьдесят восемь. По нынешним временам совсем немного. Но после похорон она стала ходить, почти задевая носом землю, будто с грузом на плечах. Уход самого близкого и дорогого ей человека просто согнул ее дугой...

Я сохранил от деда две вещи. Первая – это серебряный портсигар с рельефом Медного всадника на крышке и с дарственной надписью от сослуживцев. А вторая – часы «Полет» на пятидесятилетие – золотые, тонкие, механические, тоже с дарственной надписью. Их я с собой из России увез, а награды и орденские книжки до сих пор в Москве.

ГЛАВА 3. КОМИССАРЫ, ВПЕРЕД!

Мой дед по отцовской линии Иосиф Борисович Невзлин родился в 1909 году в Дубровно. Отец его Борис Соломонович был самым настоящим бедняком: работы постоянной не имел, к тому же был глухонемой. С детства Иосифу приходилось помогать отцу – летом они ремонтировали крыши, а зимой чинили галоши.

На улице соседские мальчишки дразнили Иосифа сыном немного, друзей у него не было. Его мама Песя, Песах, умерла еще в 1912-м, едва ребенку исполнилось три года. В 1922 году скончался отец, и в свои тринадцать Иосиф остался круглым сиротой.

С шести до двенадцати лет Иосиф ходил в традиционную еврейскую школу-хедер, изучал основы еврейской грамоты. Ему пришлось продолжить учебу в детском доме в Смоленске, затем – в детском доме в Вязьме. Но в отличие от Марка Лейкина Иосиф не стал покидать свое местечко, а вернулся в Дубровно и пошел работать на фабрику ткачом. Здесь же началась его партийная карьера. Впрочем, если бы дед слышал такое выражение, то очень обиделся бы: он с детства искренне верил в революцию, в коммунистические идеалы.

После Февральской, а за ней и Октябрьской революции для энергичных молодых евреев – особенно с правильным, пролетарским происхождением – открылись новые пути, новые возможности. Юноши и девушки хлынули из местечек в столицы и крупные города, поступали в советские университеты и институты, устраивались на работу, служили в армии, во флоте, в ми-

лиции и даже в ЧК¹⁸. «Простой русский народ» зачастую с подозрением и неприязнью поглядывал на всех этих выскочек, говоривших со странным акцентом. Но официально евреям не чинилось никаких препятствий: коммунисты провозглашали пролетарскую солидарность и дружбу народов в СССР. Результаты не заставили себя долго ждать: в конце тридцатых годов на многих руководящих постах можно было увидеть молодых энергичных евреев – на производстве, в науке, в армии, в искусстве, в кинематографе... Даже музыку к песне «Широка страна моя родная», в которой были такие слова:

*Я другой такой страны не знаю,
Где так вольно дышит человек!* –
написал еврей с Полтавщины Исаак Дунаевский¹⁹.

На фабрике в Дубровно Иосиф вступил в комсомол, позже стал коммунистом. Работал корреспондентом местной заводской газеты. Здесь же, на фабрике, он встретил свою будущую жену Рахиль.

В конце 1931 года Иосифа призвали в армию, а через год направили в военно-политическую школу в Ленинграде. Там обу-

18 Всероссийская чрезвычайная комиссия по борьбе с контрреволюцией и саботажем при Совете народных комиссаров РСФСР (ВЧК при СНК РСФСР) – специальный орган безопасности Советского государства. Комиссия была создана 7 (20) декабря 1917 года. Упразднена 6 февраля 1922 года с передачей полномочий ГПУ при НКВД РСФСР.

19 Дунаевский Исаак Осипович (1900–1955) – советский композитор и дирижер, музыкальный педагог. Автор одиннадцати оперетт и четырех балетов, музыки к нескольким десяткам кинофильмов, множества популярных советских песен. Народный артист РСФСР. Лауреат двух Сталинских премий. Депутат Верховного Совета РСФСР первого созыва.

чали будущих армейских политических работников, или, как их еще называли, комиссаров.

Армейский комиссар играл очень важную роль. Он должен был воспитывать рядовых бойцов и командиров в коммунистическом духе и объяснять им политику партии. Должность комиссара появилась впервые еще в XVI веке в армиях итальянских республик, когда армии состояли из наемников – комиссары присматривали за их лояльностью нанимателям. В Красной армии эта должность была введена в 1918 году: на сторону большевиков после революции перешло довольно много бывших царских офицеров, вот за ними и присматривали комиссары. И, безусловно, они должны были также идейно вдохновлять бойцов Рабоче-крестьянской армии на борьбу с мировой буржуазией.

В 1920 году таких комиссаров в армии было уже три тысячи человек.

Вот как о них отозвался Лев Троцкий, один из вождей большевиков и создатель Красной армии: «В лице наших комиссаров... мы получили новый коммунистический орден самураев, который – без кастовых привилегий – умеет умирать и учит других умирать за дело рабочего класса».

Звучит романтически возвышенно. Но такими тогда были представления о смерти – и своей, и чужой.

Самурай не самурай, но мой дед принадлежал именно к тем людям, на которых опиралась советская власть все годы своего существования. И сами эти люди считали себя неотделимой частью советского государства.

Дед Иосиф Невзлин встретил Великую Отечественную войну, служа в артиллерийском дивизионе на Ораниенбаумском плацдарме, расположенном на южном берегу Финского

залива и сыгравшем важную роль в защите Ленинграда. И, как и большинство армейских политработников, он вместе с бойцами и командирами прошел через все бомбежки и обстрелы. В 1943 году во время боев его контузило и ранило в ногу. После окончания войны дед вместе со своей частью был передислоцирован в Крым, где занимал партийные должности в различных структурах Черноморского флота.

В 1949 году он получил звание подполковника и вполне мог бы со временем дослужиться до генерала...

Но в годы войны отношение Сталина и его помощников к евреям стало удивительным образом меняться. Парадоксально, но именно в Советском Союзе, который, как утверждалось и утверждается, сыграл решающую роль в разгроме нацистской Германии, уничтожившей миллионы евреев в Холокосте, – начала все более открыто проводиться антисемитская политика. В 1944–1945 годах евреев начали снимать с высших должностей в партии, армии, на производстве, в органах безопасности... В газетах и на радио замалчивались подвиги еврейских солдат и офицеров. Нельзя сказать, что это была официальная кампания. Возможно, причиной было желание угодить разыгравшимся антисемитским настроениям «народных масс»: распространялись слухи, будто евреи не воюют, а отсиживаются в тылу. Бытовой антисемитизм в СССР никуда не делся. Антисемитские стереотипы оказались сильнее объективных фактов: на фронтах Великой Отечественной воевало более полумиллиона евреев, а по количеству боевых орденов и медалей воины-евреи находились на третьем месте после русских и украинцев.

После Победы антисемитизм постепенно стал превращаться в одну из важнейших составляющих идеологических кам-

паний в СССР. Происходило это закономерно, в ходе общего изменения идеологии коммунистического режима. Началось все это еще до войны, когда выяснилось, что идея всемирной революции утратила свое значение. Сталин все реже стал говорить о ней, на смену интернационализму пришли рассуждения о патриотизме, о русском народе как старшем брате. А 24 мая 1945 года на кремлевском банкете в честь победы над Германией глава страны-победительницы произнес знаменитый тост за русский народ:

«Я пью прежде всего за здоровье русского народа потому, что он является наиболее выдающейся нацией из всех наций, входящих в состав Советского Союза. Я поднимаю тост за здоровье русского народа потому, что он заслужил в этой войне, и раньше заслужил, звание, если хотите, руководящей силы нашего Советского Союза среди всех народов нашей страны. Я поднимаю тост за здоровье русского народа не только потому, что он – руководящий народ, но и потому, что у него имеется здравый смысл, общеполитический здравый смысл и терпение».

Этот тост, возвеличивавший русских, было невозможно представить в 20-х или 30-х годах. Он стал своего рода новой парадигмой национальной политики в условиях подготовки к новой мировой войне со вчерашними союзниками – США и Англией. Сталину нужно было мобилизовать страну, при этом одни народы, и прежде всего русских, он выбрал на руководящую роль, другим же – чеченцам, крымским татарам, балкарцам – отвел роль предателей в годы Великой Отечественной, а евреям – роль американских агентов в новых политических условиях.

История Еврейского антифашистского комитета служит наглядной иллюстрацией этой политики. ЕАК был создан в апреле

1942 года при информационно-пропагандистском органе Совинформбюро. Сделано это было по инициативе НКВД и при полной поддержке Сталина. Основной задачей комитета была пропагандистская работа за рубежом. Входившие в него евреи – выдающиеся деятели науки и культуры – выступали по радио, издавали газеты, рассказывали о зверствах фашистов на территории СССР и о подвигах советского народа. Самым активным образом Комитет занимался «фандрайзингом» и собрал десятки миллионов долларов для нужд Красной армии в США, Англии, Канаде, Мексике и даже Палестине.

Но после войны, когда отношения между СССР и Западом стали перерастать в холодную войну, Еврейский антифашистский комитет стал ненужным, более того – подозрительным! Еще в 1946 году начинаются проверки деятельности ЕАК, его обвиняют в «националистических настроениях». В январе 1948-го в Минске агенты МГБ убивают выдающегося театрального режиссера Соломона Михоэлса²⁰ – председателя ЕАК, а через год арестовывают все руководство комитета, которое почти в полном составе будет расстреляно в 1952 году.

В 1949 году в СССР началась кампания по борьбе с «безродными космополитами» – так называли в СССР людей, которым приписывалось преклонение перед Западом, на практике обернувшаяся кампанией против евреев в искусстве, науке и образовании.

20 Михоэлс Соломон Михайлович (1890–1948) – актер и режиссер советского театра на идише, театральный педагог, общественный деятель. С 1929 года – художественный руководитель и главный режиссер Московского государственного еврейского театра (ГОСЕТ). Народный артист СССР. Лауреат Сталинской премии II степени. Кавалер ордена Ленина.

Дедушки Иосиф и Марк

В 1952 году Сталин организовал так называемое «дело врачей»²¹. Газеты запестрели заголовками об агентах «Джойнта»²², убийцах в белых халатах, а по стране поползли слухи о готовящемся массовом переселении евреев в Сибирь для спасения их от народного гнева. Считается, что евреев от этой участи спасла смерть Сталина в марте 1953 года.

21 «Дело врачей» – название шумевшего уголовного дела 1953 года против известных врачей в СССР, шесть из которых были евреями. Врачей обвиняли в заговоре против высокопоставленных лиц ЦК КПСС и убийстве видных членов партии.

22 «Джойнт» (American Jewish Joint Distribution Committee, Американский объединенный еврейский комитет по распределению фондов) – еврейская благотворительная организация, основанная в США в 1914 году.

Я не знаю, как мои деды жили в те годы, что они чувствовали и о чем думали в той атмосфере антисемитизма. Наверное, пытались убедить себя, что члены Антифашистского комитета и в самом деле были шпионами иностранного государства, как об этом писала газета «Правда». Ведь для коммуниста все, что печатали в «Правде», было непререкаемой истиной...

Но в какой-то момент не выдержал даже мой лояльный дед Иосиф.

15 апреля 1951 года в той самой газете «Правда» появился фельетон под названием «Виноградная выжимка», критикующий работника Министерства пищевой промышленности по фамилии Рубин. Иосифу все стало совершенно ясно: это был антисемитский фельетон, представлявший евреев как беспринципных жуликов и проходимцев.

Он не мог поверить своим глазам. Одно дело, когда слышишь антисемитский анекдот на улице, а другое – прочитать его в «Правде»! С газетой в руке он вбежал в политотдел и стал с возмущением говорить своим товарищам-офицерам о том, что «Правда» докатилась до бытового антисемитизма. Он был честным и наивным, мой дед. Он не предполагал, что его «товарищи» тут же донесут на него в особый отдел, следивший за благонадежностью военнослужащих.

Начались дедовы мытарства. Ему пришлось объясняться, оправдываться перед партийными «товарищами» и перед начальством. Как настоящий интернационалист и коммунист, Иосиф пытался доказать, что евреи – неотъемлемая часть советского общества и лояльные строю граждане. Было это гадко и унижительно. В конце концов подполковника Невзлина уволили из армии...

Военная карьера фронтовика завершилась в сорок два года. Но деду здорово повезло: его просто отправили в отставку. Гово-

рят, за него вступился сам адмирал Филипп Октябрьский²³, поэтому дело не передали в МГБ (Министерство государственной безопасности). Чем там могло все кончиться, неизвестно. Скорее всего, посадили бы в тюрьму, как тысячи других невинных людей, арестованных в те годы за «национализм».

После отставки Иосифу Борисовичу пришлось нелегко. Пенсию ему оставили, но на большую семью ее не хватало, да и был тогда Иосиф еще относительно молодым человеком. В маленькой Феодосии непросто было найти работу. В конце концов он устроился на почту, где и трудился до самой пенсии, на которую он вышел в 1966 году.

Но, несмотря ни на что, дед Иосиф так и остался убежденным коммунистом. Нет, Сталина он не любил, но в коммунизм как в идеал человечества верил. И партии верил, и газету «Правда» продолжал читать. Более того, по-прежнему занимал активную жизненную позицию и со временем начал работать лектором-общественником в местном обществе «Знание». Часто, приезжая в Феодосию, я встречал его на набережной, окруженного отдыхающими, которым он читал лекцию о международном положении Советского Союза. Он был хорошим лектором, говорил на хорошем русском языке, умел убеждать и отстаивать свою позицию. Отлично знал историю, много рассказывал про армию и флот. Я понимаю, что если бы дед Иосиф дожил до перестройки и увидел возрождение капитализма и распад Советского Сою-

23 Октябрьский (Иванов) Филипп Сергеевич (1899–1969) – адмирал, в ходе Великой Отечественной войны командующий Черноморским флотом (1939–1943 и 1944–1948), один из руководителей обороны Севастополя в 1941–1942 годах, а также Крымской операции 1944 года. Герой Советского Союза (1958).

за, то, наверное, для него это стало бы крушением идеалов и мечты, в которую он искренне верил.

А с другой стороны, как бы сложилась его судьба, если бы в октябре 1917 года не произошел большевистский переворот и Россия пошла бы по буржуазно-демократическому пути? Какой путь выбрал бы тогда мой дед – пошел бы в армию? Стал офицером? Почему-то представляется мне, что дед Иосиф мог стать раввином. Был в нем извечный еврейский запал поиска истины и правильного пути в жизни. Просто в разные времена этот запал обретает разные формы.

Рахиль, жена деда Иосифа, родилась в Дубровно. В шестнадцать лет она пошла работать ткачихой на местную фабрику «Днепровская мануфактура», там же через год вступила в комсомол и стала общественной активисткой, а вскоре встретила на фабрике другого активиста – еврейского паренька Иосифа – и в 1929 году вышла за него замуж.

Через год у них родилась первая дочь Эра, названная так в честь новой коммунистической эпохи, в которую выпало счастье жить Рахили, Иосифу и их детям. (Впрочем, моя тетя стеснялась своего передового имени и называла себя Галина.)

Вскоре Иосифа призвали в Красную армию, и бабушка осталась одна с маленькой дочкой. При этом она продолжала работать и даже окончила четыре курса рабфака: в те годы по всей стране были созданы так называемые «рабочие факультеты», где молодые пролетарии готовились к поступлению в вузы.

Впрочем, бабушке не удалось поступить в институт. Когда в 1934 году дед Иосиф окончил Военно-политическую школу в Ленинграде и начал служить в фортах Ижорского укреп-района в Ленинградской области, Рахиль переехала к нему. Через

год у них родился Борис – мой будущий папа. С тех пор бабушка Рахиль уже не работала, она стала женой красного командира и так же, как бабушка Женя, занялась домашним хозяйством и воспитанием детей.

Дедушка Иосиф, бабушка Рахиль (родители папы) и я

11 июня 1941 года в семье политкомиссара Иосифа родился третий ребенок – дочка Светлана. Казалось бы, впереди ждала прекрасная жизнь, у главы семьи продвигалась военная карьера, росла семья. Кстати, в те времена трое детей в семье было достаточно редким явлением...

Но через одиннадцать дней СССР вступил в войну с фашистской Германией.

В первые месяцы войны немцы быстро продвигались на восток и уже в начале сентября 1941 года вступили в пригороды Ленинграда, а с 8 сентября началась блокада города – одна из самых

страшных страниц в истории Второй мировой войны. Но дед Иосиф успел в самом конце августа отправить семью в эвакуацию. Он посадил в поезд жену и троих детей: шестилетнего Борю, одиннадцатилетнюю Галю-Эру и двухмесячную Свету. Все они смогли взять с собой в дорогу только один узел с вещами!

Так началось их долгое путешествие на восток. До Ульяновска, города на берегу Волги, куда в мирное время можно было из Ленинграда доехать на поезде за сутки, эшелон с эвакуированными добирался почти два месяца: тащился еле-еле, вперед пропускали поезда с солдатами, военной техникой, на некоторых станциях стояли по несколько дней... Все это время Рахиль должна была заботиться о том, чтобы прокормить детей и саму себя. Только в конце октября они оказались в Ульяновске, но там для них места не нашлось, и тогда Рахиль с детьми и еще несколько семей из эшелона на небольшом пароходе отправились вниз по Волге, до деревни Актуши в Самарской области.

Местные жители разобрали прибывших эвакуированных по домам. Бабушку с тремя детьми приютила семья местного кузнеца, у которого был относительно большой дом в этой деревне, с двумя отдельными входами. В деревне Рахиль пошла работать в колхоз. Вставала затемно, в четыре-пять утра, и уходила в поле до самой темноты. Шестимесячная Светлана и шестилетний Боря оставались на попечении старшей сестры Эры. А работала Рахиль, как и все колхозники тогда, за так называемые трудодни²⁴, то есть практически бесплатно. С поля в дом ничего

24 Трудодень – система оплаты труда колхозников. Заработная плата членам колхозов не начислялась. Учет выполненных работ велся в трудоднях. В СССР действовал обязательный минимум трудодней в год для трудоспособного колхоз-

нельзя было принести. Это считалось страшным преступлением, за которое могли отправить в ГУЛАГ. Как бабушка пережила эти годы в той деревне, до сих не понимаю. Как-то выкручивалась, значит. Да и добрые люди помогали...

Наконец после прорыва блокады Ленинграда в апреле 1944 года за ними приехал дед Иосиф. Красивый, статный, с боевыми наградами на кителе – вся деревня сбегалась посмотреть на него. Он привез свою семью в Ленинград, поселил в одиннадцатиметровой комнатухе в коммунальной квартире и вернулся на фронт. Хотя самые тяжелые блокадные годы уже остались позади, жилось в Ленинграде не легче, чем в эвакуации. Рахиль, как мать троих детей, имела право не работать, но поступила в госпиталь нянечкой, потому что по рабочим продуктовым карточкам хлеба можно было купить больше.

Хлеб в России всегда был главным продуктом питания. Картошка, капуста, каши – тоже очень важные продукты, но хлеб был основой рациона. Однако зерна – пшеницы, ржи, из которых выпекался хлеб, – перестало хватать уже в первые месяцы войны. Поэтому в июле 1941 года правительство ввело карточки, то есть бумажные именные талоны, по которым можно было в магазинах покупать хлеб. Без карточек ни за какие деньги хлеб в магазине нельзя было получить. Потеря карточки становилась настоящей трагедией.

А в Ленинграде положение с хлебом было катастрофическое. Сначала, еще до блокады, по карточкам в сутки можно

ника. В апреле 1942 года, в условиях войны, обязательный минимум трудодней был увеличен и установлена уголовная ответственность за его невыполнение.

было купить 800 граммов хлеба, потом норму сократили до 600, спустя еще какое-то время – до 400 граммов. 20 ноября нормы снизились в очередной раз – и теперь работающие могли купить 250 граммов хлеба, а неработающие – дети, старики, инвалиды – 125 граммов. Ноябрь и декабрь 1941 года были самыми страшными месяцами в истории Ленинграда. Тогда от голода здесь умерло пятьдесят тысяч человек. А сколько всего погибло людей от голода, бомбежек, артобстрелов за почти девятьсот дней блокады Ленинграда, этого точно не знает никто. Когда я учился в школе, нам говорили, что шестьсот тысяч человек, а теперь называются цифры в один миллион жертв и даже больше.

В послеблокадном Ленинграде нормы выдачи хлеба были уже выше, но еды все равно не хватало, и моей бабушке Рахили приходилось покупать то небольшое, что продавалось помимо хлеба в магазине – рыбий жир и дрожжи, – и готовить из этого на сковородке варево с ужасным запахом, которое тем не менее дети съедали до последней капли.

После победы в мае 1945 года Рахиль вместе с детьми поехала к мужу в Мемель, город в Литве, где он окончил войну. А потом следовала за ним и его частью, которую вначале перевели в Бахчисарай, затем в Севастополь и в конце концов – в Феодосию, где они и жили до самого конца.

В Феодосии, куда меня летом привозили на каникулы родители, бабушка Рахиль была опорой дома. У нее болели суставы, и она редко выходила из дома, но была прекрасной хозяйкой и великолепно готовила. Любила собирать за столом всю свою большую семью – все ее дети обзавелись своими семьями – и угощать традиционными еврейскими блюдами, которые она за годы жизни в Крыму немного модернизировала, добавляя

в них местные овощи и пряности. И соседи приходили к ней – кто за советом, кто просто поговорить.

Я любил бабушку Рахиль, но не был с ней так близок, как с бабой Женей, с которой в детстве жил в одной квартире. О том, что ей пришлось пережить в военные годы, бабушка Рахиль не любила рассказывать. Подробности ее жизни в эвакуации, в блокадном Ленинграде я узнал спустя много лет, когда начал собирать и изучать историю своей семьи. Сама же она предпочитала не вспоминать о «тяжелом».

ГЛАВА 4.

МЫ — ОБРАЗЦОВАЯ СОВЕТСКАЯ СЕМЬЯ

Иногда мне кажется, что я родился в примерной советской семье.

Папа – инженер, мама – учительница. Заботливые родители, прекрасные честные люди. Работающие, непьющие. Примерная советская ячейка общества. Я специально выбрал прилагательное «советский», поскольку несмотря на то, что оба родителя были евреями, по самовосприятию они были прежде всего советскими людьми.

Они принадлежат к тому первому поколению советских людей, которые родились в 1920–1930-х годах, войну пережили подростками или молодыми людьми, получили воспитание в советской школе, а профессии обучались в советских институтах.

Если их родители, то есть мои бабушки и дедушки, в детстве и юности жили за чертой оседлости и говорили на идиш, то мой папа родился в Ленинграде, мама – в Чите, а выросла в Москве. Идиш они не знали. Бабушки и дедушки учились в хедере и росли в атмосфере еврейских местечек. У мамы с папой ни о каком еврейском образовании и речи быть не могло, а еврейская атмосфера царила только за семейным столом, и то лишь отчасти. Ведь именно в годы молодости этого поколения советская власть завершила процесс декультизации евреев, закрыв последние еврейские театры, газеты и книжные издательства.

Для моих дедов отказ от затхлой местечковой жизни, от традиций, казавшихся им устаревшими, был во многом осознанным выбором. Они пришли в большие города, чтобы находиться

в гуще событий, строить новую жизнь, о которой каждый день писали в газетах. Мои родители, то есть их дети, родились уже в этой новой жизни. И не могли сравнивать ее с той, что была при царском режиме, потому что никакой другой не знали.

Тем более что их родителям, родившимся до революции и бывшим какое-то время современниками последнего русского царя Николая Второго, достаточно рано объяснили: до революции все было плохо, и вспоминать о том периоде не надо. Потому мои родители практически не слышали ностальгических рассказов про жизнь в белорусских местечках.

Да и вообще в Советском Союзе прошлое было непредсказуемым. Мнения об исторических событиях и персонах менялись в зависимости от партийной линии на данном этапе. Так, если в начале 30-х годов деду Иосифу в военном училище для политработников объясняли, что генералиссимус Суворов был реакционный царский генерал и подавитель восстания Пугачева, то во время Великой Отечественной войны был учрежден орден Суворова, которым за особые заслуги награждали командиров Красной армии.

Тогда все понимали, что прошлое лучше не ворошить, а поисками семейных корней интересовались не сами граждане, а соответствующие органы.

Моя мама Ирина Марковна Лейкина родилась в апреле 1938-го. А 22 июня 1941 года немцы напали на СССР. Через месяц начали бомбить Москву. Вой сирен, взрывы, панические крики, торопливый бег с пятого этажа в бомбоубежище во дворе стали первыми мамиными воспоминаниями. Дед Моня тогда решил, что оставаться в столице слишком опасно, и отослал всю семью к родственникам жены в город Горький на Волге (сейчас

это Нижний Новгород). Но вскоре под бомбежками оказался и Горький. Мама вспоминала, что там не было бомбоубежищ – лишь так называемые «щели»: узкие окопы, выкопанные в земле. Вот в эти самые щели они и прятались. Вскоре, спасаясь от бомбежек, все семейство, к которому присоединилась и двоюродная сестра деда Рива со своим сыном, отправилось на пароходе в Уфу. Там поселились в бараке недалеко от реки Белой. В одной комнате разместились и моя мама, и ее мама, и мамини бабушка с бабушкой.

Вскоре с фронта стали приходить извещения. Извещения о смерти братьев моей бабушки Жени. Их было трое, и все они погибли. До сих пор мама помнит рыдания бабы Жени и бабушки Златы. Звали их Яша, Хоня и Лева Коганы. Мы никогда не узнаем, где они похоронены. Мне больно думать, что их имена останутся только в книгах, описывающих историю моей семьи.

В 1943 году семья деда Марка вернулась в Москву, в комнату в коммунальной квартире на Госпитальном Валу. В 1946-м мама поступила в школу, которую окончила в 1956 году. Любимым ее предметом была литература, поэтому сразу после школы она поступила на филологический факультет Московского областного педагогического института, который окончила по специальности «учитель русского языка и литературы».

Русский язык и литература всегда были одними из самых важных предметов в советской школе. Русскую литературу преподавали с пятого (начиная с 1969 года с четвертого) по десятый, выпускной класс. В школе изучали произведения писателей, написанные до 1917 года, то есть до Октябрьской революции, – это называлось «русской литературой». А также произведения, написанные после революции, – это была «советская литература».

На стене одной из школ, где преподавала мама, красовались барельефы великих русских и советских писателей – Александра Пушкина, Льва Толстого, Максима Горького, Владимира Маяковского... Именно писателей, а не ученых или полководцев. Вот как высоко ценились писатели в Советском Союзе!

Другим доказательством особой роли литературы в СССР было то, что при поступлении в университеты и институты, независимо от их специализации, все абитуриенты были обязаны написать сочинение – некий текст, своего рода эссе, размышления о литературном произведении. При этом проверялась не только грамотность автора сочинения, но и его гражданская позиция.

Советская школа должна была не только давать детям образование, но и воспитывать их образцовыми советскими людьми. А что такое советский человек? Многое здесь можно написать, но, наверное, сейчас я бы дал следующее определение: советский человек – это тот, который любит советское государство; верит ему больше, чем кому бы то ни было, даже своим родителям; который за свою Родину, то есть СССР, готов не задумываясь отдать жизнь.

На эту тему было написано много книг, которые мы разбирали в школе. С детства нас учили тому, что государство и коммунистическая идея важнее всего на свете, даже родителей. Кажется, в третьем классе я услышал историю про пионера Павлика Морозова, который донес на своего отца в НКВД, за что его убили кулаки. Этого мученика Павлика приводили в пример всем советским школьникам, учили брать с него пример, называли героем – ведь он защищал интересы государства, которые для советского человека были выше личных. Сейчас эта история, если не знать настоящих деталей дела, раскрытых уже после распада СССР, звучит совершенно дико и бесчеловечно: сын предал отца – а в детстве казалось, что так и должно быть и Павлик поступил правильно!

Мама, папа и я

Учитель литературы был работником, как тогда говорили, идеологического фронта. Поэтому моя мама довольно рано вступила в Коммунистическую партию. Она занимала «активную жизненную позицию» и с большим удовольствием выполняла различную общественную работу. Была председателем профсоюзного комитета в школе и даже парторгом школьной коммунистической организации. Но в первую очередь, я думаю, мама просто любила русскую литературу. И, что еще важнее, она любила учить детей, а ученики – любили ее. И по прошествии четверти века с того дня, как мама уволилась из школы, со многими из них она продолжает переписываться и перезваниваться.

Рано утром мама убегала на работу, а после пяти вечера возвращалась домой со стопкой тетрадей для проверки. Рабочий

день учителя не заканчивался с последним уроком: дома по вечерам маме приходилось составлять планы занятий, подбирать цитаты, читать методическую литературу... И мое главное детское воспоминание о ней связано как раз с этим: мама сидит, низко склонившись над столом (у нее с ранних лет было слабое зрение), и что-то кропотливо выписывает или вычитывает. А еще мы с папой помогали ей проверять тетради – по природе мы все грамотные, так что у нас получалось неплохо.

Летом мама брала меня в походы со своими учениками, которые, как правило, были старше меня. Маршруты обычно имели идеологический подтекст: ходили, к примеру, по местам боев с фашистами под Москвой в 1941 году. Но бывало, что просто выезжали за город. Мне не очень нравился такой туризм: речка, печеная картошка, песни и танцы у костра до утра... К тому же иногда приходилось идти пешком с тяжелым рюкзаком от станции километров десять. Нет, такие путешествия не доставляли мне особого удовольствия.

А вот ездить в деревню на помощь колхозникам мне очень даже нравилось! Была такая практика в 60–80-е годы. Нам объясняли, что сами крестьяне осенью не справляются, не могут собрать весь выращенный ими богатый урожай картофеля, свеклы, турнепса и т.д., поэтому горожане должны им помогать. Впрочем, весной они почему-то тоже не справлялись, потому что маму вместе с классом посылали в мае на прополку. Иногда мама брала меня с собой на сельскохозяйственные работы. Этот однообразный труд всегда оказывал на меня благотворное воздействие. Я погружался в своего рода медитативное состояние и сорняки выдергивал из земли быстро и аккуратно. Работал даже лучше маминых учеников – подолгу и без перерыва...

Мой папа. На этой фотографии ему 4 года.

Мой папа Боря родился 7 октября 1935 года в Ленинграде. Город этот до революции назывался Санкт-Петербург и был столицей Российской империи. В 1991 году Ленинград вновь переименовали в Санкт-Петербург, но людям поколения моих родителей имя Ленинград гораздо привычнее.

Ленинград перед войной был вторым после Москвы городом по численности населения, по промышленному и научному потенциалу. Там находились всемирно известные музеи, театры, библиотеки, за что его называли «культурной столицей России» – поэтому отец с такой гордостью говорит, что родился в Ленинграде.

Когда началась война, семью деда Иосифа, так же как и семью деда Марка, эвакуировали в тыл. «Эвакуация, эшелон, тыл» – все эти слова хорошо знакомы советским людям.

Советский Союз был самой большой страной в мире, протянувшейся на десять тысяч километров с запада на восток. Ни одна армия мира не могла сразу захватить такую огромную территорию. Это давало возможность спасти от фашистов людей, а также обезопасить промышленные предприятия, НИИ, объекты культурного наследия и т.д. В 1941–1942 годах семнадцать миллионов человек и две с половиной тысячи заводов, фабрик, институтов и других организаций были вывезены в Поволжье, за Урал, в Сибирь, Среднюю Азию, Казахстан...

Эвакуация огромного количества людей и техники не могла проходить быстро и слаженно. Поезда с эвакуированными гражданскими двигались медленно, с долгими остановками, пропускающая военные эшелоны на запад, а эшелоны с заводским оборудованием на восток. Все это время немецкие самолеты бомбили железнодорожные пути, станции, сам поезд... Папа, которого моя бабушка Рахиль везла в эвакуацию в село Актушу, до сих пор помнит разбомбленную станцию, платформы которой были залиты кровью.

Как звучит сирена перед бомбежкой, я узнал в детстве из кино. И очень бы удивился, если бы тогда мне сказали, что и я, и мои родители, и мои дети будем снова слышать сирены – они звучат

в Израиле, предупреждая об обстрелах ХАМАСа. Вот уж поистине ирония еврейской судьбы.

И все же, по словам папы, для него самым страшным воспоминанием были не бомбежки, а постоянное чувство голода. В деревне на Волге семьям эвакуированных еды не хватало катастрофически. В отличие от местных крестьян, у них не было своих огородов, которые спасали колхозников. Для папы таким спасением стал лес, куда с приходом весны он уходил в поисках съедобных трав, корешков и грибов. А еще в лесу водились пчелы, гнездо которых он случайно обнаружил вместе со своим двоюродным братом. Пчелы оказались дикими и злыми, они страшно его покусали, он лежал весь опухший, глаз не было видно, и тихо умирал. К счастью, в это время в деревню с фронта вернулся фельдшер, который сумел спасти маленького Борю.

Когда в апреле 1944 года дед Иосиф забрал свою семью обратно в Ленинград, где все поселились в огромной коммунальной квартире, жизнь легче не стала. Об этом мало кто знает, но в СССР 1946-й и 1947-й стали годами массового голода. По некоторым оценкам, тогда от голода погибло более миллиона человек. Младшая сестра папы Светлана вспоминала, как она прятала кусочки хлеба в шкаф, а потом отдавала Боре.

С тех далеких военных лет мой отец трепетно относится к еде: не позволяет выбрасывать хлеб, старается доедать все до последней крошки... Для него, как и для всех ленинградцев, переживших блокаду, хлеб – это святое.

По словам папы, впервые он наелся только в 1955 году, когда его призвали в армию, а потом, после учебки, отправили служить в часть, дислоцированную в Восточной Германии. Порции там были большие, и каждый день давали мясо и макароны. Имен-

но там, вспоминает он, «я впервые сказал, что наелся, больше не хочу... В первый раз».

Голод был знаком и моим родителям, и моим бабушкам и дедушкам. Мое поколение – первое поколение советских людей, не знавших, что это такое. Хотя я прекрасно помню продуктовый дефицит, да и продуктовые карточки мне довелось увидеть на своем веку.

Мама, папа и тетя Света, папина младшая сестра

В 1955–1957 годах, когда папа служил в ГДР – Германской Демократической Республике, за советскими солдатами следили бдительно. Большую часть времени они проводили на территории военных баз, поодиночке в город не выпускали совсем. К счастью, папе удалось несколько раз побывать на экскурсиях, он видел Потсдам и Лейпциг. Более того, ему в принципе очень повезло в том, что он побывал за границей. Большинство советских людей никогда не выезжали за пре-

дела СССР, и кроме советской жизни, никакой другой не видел.

В общем, Борису было о чем рассказать своей будущей жене Ирине, которую он встретил в Феодосии на танцплощадке в 1958 году.

Вскоре после свадьбы Борис устроился на работу механиком в лабораторию Института нефтехимического синтеза. Помог ему в этом тесть – мой дедушка Моня. Между моими отцом и дедом сложились прекрасные отношения – добрые, доверительные, мужские. Марк Исаакович был во многом авторитетом для моего отца. Думаю, что отец поступил в Институт нефти и газа в 1959 году под влиянием деда, который занимался ракетным топливом. Через восемнадцать лет в этот же институт поступлю и я...

Практически всю свою жизнь отец проработал в Специальном конструкторском бюро автоматизации нефтехимии и нефтепереработки. В каком-то смысле Борис работал, как тогда говорили, «на ответственнойшем участке трудового фронта». С начала 60-х годов в Советском Союзе добыча нефти резко пошла вверх. В 1960 году в СССР добывали в год 119 миллионов тонн нефти, в 1970-м – уже 285, а в 1980-м – 547 миллионов тонн. Нефть нужна была не только для собственной промышленности, армии и транспорта. Все больше и больше нефти и газа Советский Союз продавал за границу, получая взамен валюту, за которую, в свою очередь, покупал пшеницу. Сельское хозяйство огромной страны почему-то никак не могло накормить всех советских людей.

Отец занимался автоматизацией в нефтяной промышленности. Он со своими коллегами разрабатывал и внедрял различные способы автоматизации управления и контроля за установками

и приборами, которые были задействованы в переработке нефти. Для налаживания этих процессов ему часто приходилось ездить в командировки на нефтеперерабатывающие заводы в Беларусь, на Волгу, в Московскую область...

Мой отец был замечательным специалистом и к тому же отличался на редкость хорошим характером: не конфликтовал, умел находить компромиссы и излучал оптимизм. Всегда веселый и энергичный, папа был настоящим трудоголиком: мало того что мотался по всей стране, внедряя на заводах передовые технологии, он еще и стал вторым человеком в партбюро коммунистической организации института и заместителем председателя профсоюзной организации. Дослужился до заместителя начальника отдела, мог бы стать начальником и дальше подниматься по служебной лестнице – но, увы, одно обстоятельство сдерживало его карьерный рост: папа был евреем.

Он, конечно, понимал, что ему «мешает». Но достаточно легко к этому относился. Свое еврейство он воспринимал как некую биологическую данность, запись в паспорте. На жизнь не жаловался и никогда эту тему со мной не обсуждал.

Я не помню в нашем доме разговоров на еврейские темы. Ни про антисемитизм в Советском Союзе, ни про еврейские традиции, ни про Израиль, ни тем более про эмиграцию у нас не говорили. Родители были настолько аккуратны, что в детстве у меня сомнений не возникало: советская власть – самая лучшая в мире, наше государство интернациональное и обращено лицом к народам, а мы – один из этих народов. Взрослые очень осторожно разговаривали на политические темы, даже если речь заходила о репрессиях уже после смерти «отца народов» – Сталина. Боялись, что я необдуманно словом нанесу вред себе и семье. Ведь все думали, что советская власть – навсегда.

Я так подробно описал работу родителей потому, что она была основой их жизни, центральной осью, вокруг которой вращались все события и разговоры. Мама с утра до вечера была в школе, вечером проверяла тетради, на выходных водила учеников в походы. Папа неделями пропадал в командировках. Я часто оставался один и чувствовал, что достаточно далек от этой центральной оси в жизни родителей. Работа поглощала большую часть их времени и энергии – что, кстати, соответствовало представлению о долге советского человека: отдавать все силы государству.

Поскольку я рос послушным ребенком и не поддавался, как тогда говорили, дурному влиянию, родителям казалось, что они уделяют достаточно внимания моему воспитанию. К сожалению, они не водили меня в спортивные секции или какие-то другие кружки. Но зато я достаточно рано почувствовал себя самостоятельным и независимым и во многих практических аспектах тогдашней советской жизни разбирался лучше родителей.

Мне довольно рано пришлось взять на себя многие заботы по дому. С того времени и до сих пор я умею и люблю готовить. Я варил кашу, делал драники, а если мы с отцом приносили из леса лисички, то я мог пожарить их на ужин с картошкой и луком... Любой суп могу сварить, хоть борщ, хоть щи из кислой капусты, а больше всего люблю мясную и рыбную солянку. Салат оливье? Конечно. Котлеты? Да, меня научила бабушка, и я до сих пор помню все пропорции: сколько яиц, сколько лука, и как разбавлять куриный фарш красным мясом, которое в советские времена было дорогим удовольствием. Крабовый салат, жареная рыба навага... Советская кухня была мною изучена и опробована в полном смысле этого слова, а в сталинском издании «Книги о вкусной и здоровой пищи» не осталось, пожалуй, рецептов, с которыми бы я не экспериментировал.

Приходилось решать и более трудные задачи. Например, я знал, в каком магазине какой дефицит «выкинули» на прилавок. И уже лет с пятнадцати умел договориться с продавцами, чтобы они отложили, приберегли для меня дефицитный товар. Этим особым искусством мои образцовые советские родители не владели, так что в какой-то момент я начал ощущать некоторую ответственность за них.

Одним из первых моих «взрослых» успехов стала замена мебели в родительском доме на более современную. Хорошая мебель в СССР была дефицитом, ее нельзя было просто купить даже при наличии денег – ее надо было «достать». С этой целью я пошел в Дом мебели. Этот большой магазин отличался тем, что в нем порой продавалась мебель не только советских фабрик, но и более качественная – производства ГДР, Чехословакии и Болгарии.

Родители хотели стенку, комплект мягкой мебели и журнальный столик. Но в Советском Союзе покупка, на которую люди в любых капиталистических странах тратили от силы час своего времени, занимала несколько недель! За желанным мебельным гарнитуром надо было отстоять не одну, а целых три очереди!

Сначала надо было несколько ночей провести на улице у входа в магазин, невзирая на любую непогоду, в «очереди на запись»: люди ждали лишь того, чтобы их внесли в список реальных покупателей. Отстояв несколько ночей, я получил заветные номера, указывающие, какое у меня место в очереди № 2 – «очереди на покупку». На стенку я был 1142-м! А на мягкую мебель – еще дальше, потому что доставать диваны и кресла было еще труднее.

Этот номер уже давал возможность не проводить ночи у входа, а приходить в магазин и справляться о ситуации. Правда, и в этом случае тебя могли «подвинуть»: когда подходила чья-

то очередь, могли сказать: нет, сейчас «спецпродажа»! – и товар уходил на сторону: начальству, представителям номенклатуры, перекупщикам... Люди не роптали: никто не ссорился с продавцами. В СССР всегда, в любых магазинах прав был продавец, а не покупатель.

Поняв систему, я стал заходить в Дом мебели каждый день, чтобы ускорить свое продвижение: не хотелось ждать три, а то и пять месяцев права купить что-то за собственные деньги! Подружился с грузчиками на заднем дворе (специально выходил к ним покурить) и узнал, кто именно из продавцов сможет «продвинуть меня вперед». И с этими же грузчиками договорился, чтобы не ждать еще и в очереди № 3 – на доставку. В СССР даже уже купленную мебель не всегда сразу удавалось довести до дому, ждать приходилось несколько дней. Но я дал три рубля нужному человеку – и наш гарнитур отгрузили моментально.

Так я, пятнадцатилетний ученик восьмого класса советской школы, помог родителям обзавестись новой мебелью. Учиться ведь никогда не поздно и никогда не рано, не так ли?

В конце 80-х – начале 90-х в стране к дефициту, нехватке продуктов и продовольственным карточкам, которые ввели в 1989–1991 годах, прибавились безработица и невыплата зарплаты. Это было новым явлением, прежде известным только по телевизионным репортажам из капиталистических стран. В Конструкторском бюро автоматизации нефтехимии и нефтепереработки, где работал отец, дела шли все хуже и хуже, его деятельность начала сворачиваться, месяцами не выплачивали зарплату, и он целыми днями сидел дома, пытаясь найти себе хоть какое-то занятие. Смотреть на него – человека еще молодого, полного сил, для которого работа всегда являлась смыслом жизни, – мне было

очень тяжело. Тем более что сам я в то время уже работал с утра до вечера.

Мама, к счастью, продолжала преподавать в школе, но прожить на одну ее зарплату было крайне тяжело. Мне не доставило бы труда взять их на полное обеспечение, но надо знать моих родителей: они никогда меня ни о чем не просили (и меня так же воспитали). Моя «пенсия» была бы для них унизительна. И тогда я нашел выход.

В 1993 году мой партнер по бизнесу Михаил Ходорковский создал в подмосковном Одинцовском районе, в поселке Кораллово, лицей «Подмосковный». Открылся он в 1994 году, а первыми учениками стали дети, чьи отцы погибли в Чеченской войне и в других военных конфликтах. В советскую эпоху здесь был дом отдыха ЦК профсоюзов, но с концом советской власти закончились и профсоюзы, и ЦК, а здание уже несколько лет стояло пустое, приходя вместе с окружающей территорией в упадок. Мы отреставрировали старинную усадьбу, возвели новый учебный корпус на 240 мест, школьные классы снабдили последними технологическими достижениями того времени, построили коттеджи для проживания, бассейн, стадион. Вокруг был разбит прекрасный парк с озером и тихими аллеями. Почти пушкинский лицей!

И вот сюда в 1997 году я предложил переехать своим родителям. Решение это принималось прежде всего ради отца. В Кораллово ему предложили должность инженера, ответственного за работу котельной и электрогенератора. Папа всегда был на все руки мастер и быстро разобрался в новом деле. Он получал небольшую зарплату, но ему нравилась новая работа. Мама к тому времени вышла на пенсию, так что она не преподавала в лицее, но занималась с отстающими учениками после школы.

Дом моих родителей в Кораллово

Жизнь была насыщенной, интересной, и мама была счастлива: наконец-то исполнилась ее мечта жить на природе. Она всегда хотела иметь дачу, но в советское время на зарплату учителя и инженера купить ее было невозможно. А здесь, в Кораллово, они жили в небольшом двухэтажном деревянном домике, о котором мама до сих пор вспоминает с нежностью. С террасы дома открывался вид на сад, пахло свежим деревом. Тишина и покой. Родители Ходорковского тоже жили на территории лицея, деятельностью которого фактически и руководили.

В какой-то момент я предложил родителям построить новый большой дом, но они отказались. Они всегда были скромными и непритязательными.

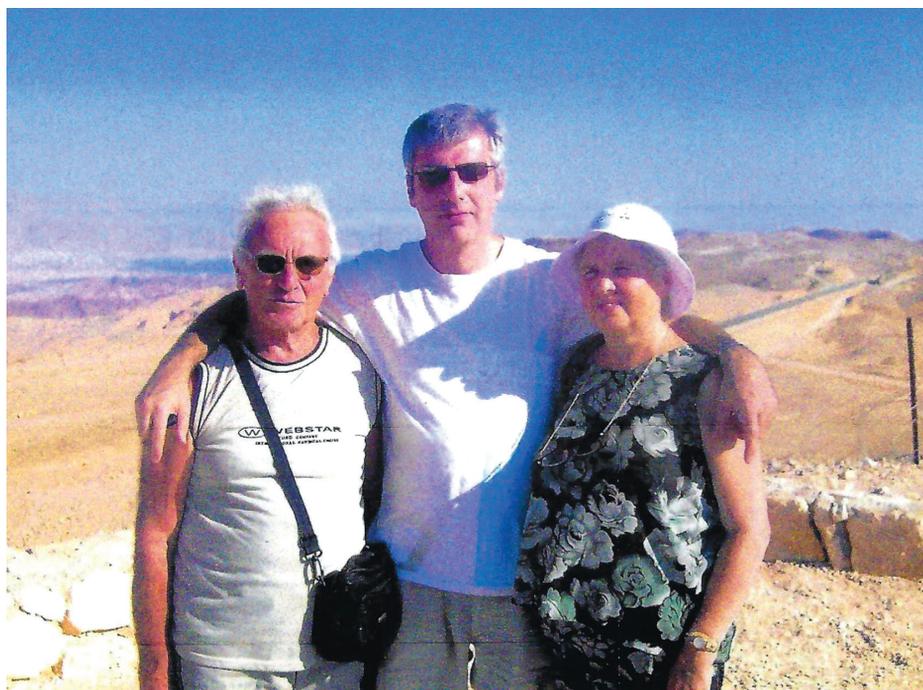
Лицей-интернат, кстати, несмотря на случившееся с ЮКОСом, действует и сегодня. Сейчас в нем безвозмездно учатся около двухсот учеников с пятого по одиннадцатый класс из различных уголков России.

Такая буколическая жизнь продолжалась до конца 2003-го, когда у ЮКОСа начались серьезные проблемы (о них подробнее в следующих главах), а я уехал в Израиль. Когда стало ясно, что мое возвращение откладывается, родители тоже приняли решение переехать. К тому времени они уже несколько раз побывали в Израиле: в 1995 году объехали всю страну от Эйлата до Кинерета. Вернувшись в Москву, мама с восторгом описывала Израиль и признавалась, что здесь она впервые за границей почувствовала себя как дома. Уезжать оттуда в Россию ей не хотелось.

Родители прилетели в Израиль 1 февраля 2004 года. Как туристы, с небольшим количеством вещей. Тогда они еще верили, что после оформления документов и принятия израильского гражданства смогут через несколько месяцев вернуться домой, спокойно собрать оставшиеся вещи, которые хотелось бы перевезти в Израиль... Сначала они еще планировали, что будут регулярно ездить в Москву, жить в своей новой квартире на Покровском бульваре, которую я им подарил за пару лет до отъезда.

Но, как часто бывает, судьба распорядилась по-своему. Ни в Россию, ни в Москву родители больше не возвращались. А из вещей, которые остались в московской квартире, мама жалеет о старом медном подсвечнике, оставшемся от ее бабушки Эси – она в семье была хранительницей еврейских традиций – и о своем свадебном платье из креп-сатина с набивными цветами и нижней юбкой.

Зато по какой-то необъяснимой причине мама прихватила с собой в поездку бирку из родильного дома, которую привязывали к руке новорожденного Лени с указанием фамилии, веса и роста.

С родителями на экскурсии

Вот уже шестнадцать лет родители живут в Нетании. У них квартира в высотном доме, с балкона двадцатого этажа открывается вид на Средиземное море.

Отец с мамой гуляют по городу, где русская речь звучит не реже, чем иврит. У них здесь друзья, знакомые, да и родственников немало проживает в Израиле. Мама совершенствует свой иврит и шефствует, по моей просьбе, над нашими многочисленными родственниками: находится с ними в постоянном контакте, помогает с решением врачебных вопросов, да и деньгами достаточно часто. В 2015 году она написала и издала книгу «Мой сын Леонид Невзлин». Многим нравится.

Отец смотрит израильское телевидение на русском языке, следит по мере сил за израильской политикой. Ходит по магазинам, предпочитая «русские».

Когда мы все по праздникам или семейным торжествам собираемся за одним столом, я испытываю чувство покоя и какого-то внутреннего удовлетворения. Потомки обитателей белорусских местечек постепенно собираются в Израиле, их дети говорят на иврите, а внуки рождаются на Земле обетованной (за эти годы у моих родителей появились шесть внучек и два правнука) – все это предстает зримым воплощением пророчества о возрождении еврейского народа.

С мамой и папой мы созваниваемся каждый вечер.

ГЛАВА 5. «БЫТЬ ЕВРЕЕМ — В ЭТОМ НЕТ НИЧЕГО СТРАШНОГО»

Я родился 21 сентября 1959 года. И почти две недели пребывал безымянным. Родители долго перебирали имена, но никак не могли выбрать. Моей маме нравилось имя Александр. Но называли меня Леонидом по просьбе моей бабушки Жени – в память о ее старшем сыне, умершем в младенчестве.

После свадьбы мои родители остались жить у маминих родителей в коммунальной квартире на Ленинском проспекте в Москве.

Что такое коммунальная квартира? В Советском Союзе всегда не хватало жилья: квартир, комнат, домов и т.д. Просто так взять и купить квартиру было невозможно, даже если у тебя были деньги. Жилье распределяло государство. Только оно решало, где и как должны и могут жить советские люди.

Отдельные, собственные квартиры получали немногие: начальники, большие ученые, знаменитые артисты и писатели... Простые люди в городах жили чаще всего в коммунальных квартирах, в которых кухня и ванная комната, совмещенная с туалетом, были общими, а в каждой комнате поселялись отдельные граждане или целые семьи. Так же и мой дедушка Моня, мамин папа Марк Исаакович, долгое время жил в одной небольшой комнате на Госпитальном Валу вместе с женой, дочкой и тещей (моей прабабушкой Златой). Когда в 1958 году государство разрешило ему «улучшить жилищные условия», он со всей семьей переехал уже в две комнаты в четырехкомнатной коммунальной квартире – а в двух других комнатах жила еще одна семья.

Маленький я и мама

Сейчас трудно представить, как можно жить вчетвером в такой тесноте, да еще и делить кухню с посторонними людьми. Но в то время это считалось совершенно нормальным. С соседями дедушке повезло, они оказались очень симпатичными людьми. В отличие от множества жильцов других коммунальных квартир, между ними никогда не было ссор.

Когда я родился, в этих двух комнатах стали жить уже шестеро: в одной комнате, площадью одиннадцать квадратных метров, – я и мои родители, а в другой – дедушка Моня, бабушка Женья и прабабушка Злата.

Для дедушки и бабушки было очень важно, чтобы их дочь и зять хорошо учились, окончили институты и получили специальность. О том, чтобы молодой маме уйти из института, сидеть дома и воспитывать ребенка, не могло быть и речи – для большинства еврейских семей в Советском Союзе одной из главных целей в жизни было дать своим детям высшее образование.

Поэтому дедушка с бабушкой всеми силами старались поддерживать дочь и зятя. К счастью, бабушка не работала и могла сидеть со мной днем, а дед-полковник получал достаточно, чтобы помогать молодой семье, как тогда говорили, «материально».

В детский сад я начал ходить в три года. Мне кажется, что атмосфера в нем во многом сформировала мой характер и будущее мировосприятие.

Сад располагался в том же доме, где мы жили, только в другом подъезде, на первом этаже. Там были грубые воспитательницы, криком приучавшие нас к дисциплине. Они заставляли нас все делать вместе: послушно идти на обед, на прогулку, ложиться спать, петь хором, играть... Мне не нравился и сам садик, и дети в нем, за редким исключением. Тогда я еще не знал слова «бесцеремонность», но уже мучился из-за того, что они пренебрегают правилами приличия. Я же всегда хотел сохранять некую дистанцию между собой и посторонними людьми. Сейчас я бы сказал, что одной из главных ценностей в моей жизни с самых ранних лет была приватность. Но во времена моего советского детства такого понятия просто не существовало! Да и большинству детей в детском саду это понятие было совершенно чуждо. Они с удовольствием выхватывали чужие игрушки, начинали возиться и пихаться с другими детьми без приглашения.

Конечно, не все были такими грубыми и развязными, с некоторыми я находил общий язык и даже с удовольствием вместе играл. Первая любовь у меня тоже случилась в детском саду. Было мне тогда лет шесть. Девочку звали Нина Разина. Мы жили в одном доме, вместе ходили в детский сад, вместе гуляли во дворе, и одним из моих любимых развлечений было подойти к Нине, обнять ее сзади и оторвать от земли, демонстрируя

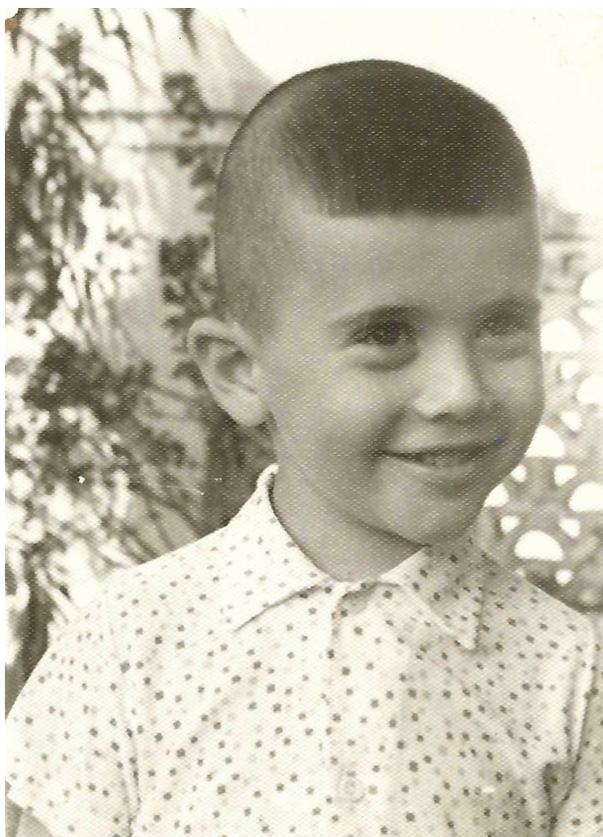
свои богатырские силы. Увы, молодецкие забавы плохо кончились: у меня развилась паховая грыжа. Меня отвезли в больницу, сделали операцию и продержали там в одиночестве несколько дней. В те годы в советских больницах не разрешали родителям находиться вместе с детьми – они могли приходить только в приемные часы! Родители до сих пор вспоминают, как смотрели на меня через больничное окно, а я лежал на узкой больничной постели после операции, маленький, одинокий, и со слезами на глазах.

Так любовь у меня стала во многом ассоциироваться с болезнями и страданиями.

Кроме того, из-за походов в детский сад я уже с трех лет начал часто простужаться, болеть разными «острыми респираторными заболеваниями». Зато, когда я болел, не надо было ходить в садик, и я оставался дома с любящей бабушкой. Но к пяти годам все эти простуды переросли в хронический тонзиллит, который пребывал со мной еще долгие годы и серьезно отравлял мне жизнь.

В саду же открылась и другая особенность моего мировосприятия: я с самого раннего возраста испытывал отвращение к беспорядку, грязи, дурным запахам. Я до сих пор помню запахи капустного супа и подгоревшей манной каши, вонь в туалете... Большинство детей это не беспокоило, они просто не замечали ни грязи, ни запахов, а мне это все причиняло не просто дискомфорт, но почти физическую боль. Это качество моей природы осталось со мной навсегда. Мне трудно объяснить это свойство... Может быть, в нем проявилось мое стремление к некоему идеальному чистому и благоустроенному миру?

В общем, детский сад я не любил. И тем не менее ходил в него, тихо и беспрекословно. Не устраивал истерик, не кричал, не плакал. С детства я был послушным и не хотел огорчать родителей.

Маленький я

В книге очерков М.Е. Салтыкова-Щедрина «За рубежом» передается воображаемый диалог между русским мальчиком без штанов и немецким мальчиком в штанах. Про немецкого мальчика сказано, что «он стоит под деревом и размышляет о том, как ему прожить на свете, не огорчая своих родителей». Полагаю, что и для меня с самого раннего детства было очень важно не огорчать родителей, в том числе слезами и капризами. Впрочем, сейчас я иногда жалею, что в юные годы бывал слишком покладистым – эдаким послушным еврейским мальчиком в штанишках. Иногда стоит позволять детям проявлять бунтарские качества и выражать искренний протест против нелюбимых вещей.

Кстати, тогда я не знал, что я «еврейский мальчик». И слова такого не знал.

Прочитав позже в классном журнале, что я еврей, я сначала испугался. Сейчас я пытаюсь вспомнить, почему это слово – «еврей» – вызвало у меня такую реакцию. Возможно, я его уже слышал – может быть, в детском саду или во дворе? И дети, наверное, использовали его в каком-то негативном контексте? Кстати, слово «жид» я к тому времени уже слышал, но всегда думал, что это просто обидное прозвище жадного человека.

И я плакал, что я другой. Как быть дальше? С вопросами я пошел к дедушке Марку – и от него узнал, что в Советском Союзе живут люди разных национальностей – русские, украинцы, грузины... И есть национальность – евреи. Но все мы советские люди, и все национальности равны, и обижать человека только потому, что он другой национальности, нельзя ни в коем случае, и стесняться своей национальности тоже не надо.

Здесь я должен сделать небольшое отступление для иностранного читателя. За границей под словом «национальность» (nationality) подразумевается прежде всего гражданство. Сейчас, когда я заполняю любой бланк, в графе «nationality» я с удовольствием пишу «Israeli». Но в СССР под этим подразумевалась этничность.

В России порой можно услышать: «чистокровный русак» или «чистокровный еврей». В шестнадцать лет, когда подросток получал паспорт, он должен был определить свою национальность. Естественно, если оба его родители были русскими или евреями, то его записывали, соответственно, русским или евреем. Эта запись оставалась на всю жизнь. Но если ребенок происходил из смешанной семьи – например, папа еврей, а мама русская – тогда он мог «выбрать» себе национальность.

Потом на протяжении многих лет дед Моня рассказывал мне и про Палестину, и про Государство Израиль. Он говорил, что были такие люди – евреи. Они жили в Палестине, а потом из-за войн и прочих обстоятельств разбрелись по всему миру, но продолжают сохранять свою национальность и называются евреями, независимо от страны, в которой живут. Все это дед рассказывал со сдержанной гордостью за свое происхождение.

А тогда, после нашего первого разговора, я еще долго ощущал себя не в своей тарелке. Само разграничение в классном журнале вызвало во мне подозрение, что гордиться тут особенно нечем. Достаточно быстро это подтвердилось особым отношением ко мне одноклассников. Я почувствовал, что моя национальность – не знак качества, а скорее наоборот. Не плюс, а минус в биографии. Я не могу вспомнить, когда конкретно пришло понимание, будто есть во мне какой-то недостаток, какая-то ущербность, что ли. Наверно, началось с анекдотов, которые ребята рассказывали в классе, в том числе и при мне: просто держали за своего, забывали, что я еврей. Про чукчей, правда, тоже рассказывали. Чукчей было быть, наверно, еще хуже, потому что «чукча – дурак».

Вот, например, анекдот про чукчей:

Сидит чукча на ветке дерева и пилит ее.

Мимо проходит русский геолог и говорит:

– Чукча, ты сейчас допилишь сук и свалишься с дерева.

Чукча не обращает на геолога внимания и продолжает пилить. Допиливает ветку и, естественно, падает с дерева. Тут же вскакивает и, показывая пальцем в сторону ушедшего геолога, восторженно-удивленно кричит:

– О, ШАМАН, ШАМАН!!!

Короче, чукча простой и наивный как ребенок. А еврей из анекдота — или хитрый, или жадный, или лживый. Не дурак, но приятного тоже мало. Например:

Еврей устраивается на работу дворником и говорит:

— Есть у вас метелка с моторчиком?

— Где вы видели метелку с моторчиком?

— А где вы видели еврея с метелкой?

То есть не трудяги эти евреи, не как все: сидят только на непьющих и денежных местах и не хотят быть рабочим классом!

К еврейскому вопросу мы будем возвращаться в этой книге еще много раз, а пока отмечу, что история моего открытия своего еврейства достаточно типична для еврейских мальчиков и девочек, живших в Советском Союзе. Почти все мои ровесники-евреи узнавали о своей принадлежности к еврейскому народу, когда на улице, или в детском саду, или в школе их обзывали «жидом» или «евреем». И они, как и я, шли к родителям и спрашивали, что значит это слово. А в ответ, как правило, с ними проводили беседу про «национальности» и объясняли, что «быть евреем — в этом нет ничего страшного!».

Я допускаю, что быть единственным, скажем, грузинским мальчиком, который учился в московской школе, тоже совсем не просто. Он и внешне отличается от других детей, да и кавказцы в России имеют репутацию торгашей и жуликов. И тем не менее в семье такого мальчика родители почти наверняка говорили на родном языке, на стенах висели фотографии Тбилиси, летом он ездил в Грузию к дедушкам и бабушкам, с детства был знаком с острой грузинской кухней. И веру свою православную грузины ревностно сохраняли... Короче, быть грузином — это понятно и зримо.

А каково быть еврейским мальчиком в 60-х годах? Родители мои уже не знали идиш. Дедушки и бабушки знали, но предпочитали при мне говорить по-русски. На каникулы я ездил в Крым или на Украину. Еврейская религия вообще была для предков чем-то чуждым и далеким. Так что единственное, что намекало на еврейские корни, – имена дедушек и бабушек, еврейские кушанья несколько раз в год да ощущение чужой-своей крови.

Американским евреям, не говоря уже об израильянах, вопрос «Когда ты узнал, что ты еврей?» непонятен. «Что значит когда? – отвечают они. – Всю жизнь знал».

Как правило, к дверному косяку квартиры американского еврея прикреплена мезуза²⁵ – а я в молодости никогда и нигде не видел мезузу, даже слова такого не знал. В доме американских евреев, даже нерелигиозных, почти обязательно найдется ханукия²⁶, шаббатный бокал, подсвечники, израильские сувениры – предметы, мне тогда неизвестные. Советскому еврею держать дома такие вещи было небезопасно. Даже фотографию со Стеной Плача или с видом Иерусалима советский еврей не мог повесить открыто на стену у себя дома – из страха, что сочтут это сионистской пропагандой. Про еврейские детские сады, школы, празднования бар-мицвы я и не говорю – их просто не существовало в Советском Союзе. Даже обрезание большинству еврейских мальчиков родители не делали.

25 Мезуза (буквально «дверной косяк») – прикрепляемый к внешнему косяку двери в еврейском доме свиток пергамента, содержащий часть стихов молитвы Шма.

26 Ханукия – светильник, который зажигают в течение восьми дней праздника Ханука.

Конечно, семья может сама, дома дать еврейское образование детям. Но большинство советских евреев этого и не умели, и не хотели. Разве что в семьях отказников²⁷ в те годы пытались детей учить ивриту, отмечать еврейские праздники, рассказывали про Израиль. А подавляющее число евреев, особенно в больших городах, чьи предки перед Великой Отечественной войной покинули свои местечки, прежде всего желали дать своим детям хорошее образование, и отнюдь не еврейское.

Да и выделяться особенно никто не хотел. Поэтому, к примеру, я довольно поздно узнал, что маца – это еврейская пицца, хотя с моих юных лет она каждую весну появлялась у нас в доме.

Меня удивляет до сих пор, что ни родители, ни бабушки-бабушки не объяснили мне, что на самом деле происходило в Советском Союзе. Боялись, видимо, что правда меня обескуражит. Они все время играли в добропорядочных граждан и даже в хороших коммунистов.

В то время играли все. Лишь те, кто шел против правил, становились отказниками – диссидентами. Целые семьи страдали, но зато двигались в верном направлении – свободы и поиска корней. А для других, типа меня, это все было где-то за гранью добра и зла. Я не знал, что существуют такие люди, не знал, что есть мыслящие иначе. Я потерял время в поисках «своей» среды.

Наверное, в том возрасте – двенадцати-тринадцати лет и старше – идеи независимости народа, платы за Холокост, земли предков могли бы сильно меня увлечь и абсолютно изменить

27 Отказники – неофициальный термин, в 1970–1980-х годах в СССР использовавшийся для обозначения советских граждан, получивших от властей отказ в разрешении на выезд из СССР.

мою жизнь. Другая система ценностей и приоритетов определила бы иной род деятельности. Но благожелательные родственники аккуратно уводили меня от всех возможных «негативных» – диссидентских и сионистских – контактов и связанных с ними последствий. Я не следил за еврейской темой, не знал никого из этого круга и сейчас считаю это большим пробелом в воспитании.

Со второго по девятый класс я учился в школе № 611 недалеко от новой квартиры родителей на улице Новаторов. Учиться мне нравилось. А еще я старался не пропускать ни одного научно-познавательного фильма, которые показывали по телевизору, хоть и не так часто. В те годы в Москве по телевизору можно было смотреть только три телеканала. Никто даже не мог себе представить, что может существовать телевидение с десятками каналов, не говоря о специализированных, тематических, вроде Animal World, National Geographic или Discovery.

Просматривая напечатанную в газете телепрограмму на неделю, я заранее отмечал для себя передачи про животных, подводный мир или медицину. В результате классу к восьмому в области естествознания я обладал более обширными познаниями, чем мои одноклассники. Мама до сих пор вспоминает, как во время нашей поездки в Ленинград мы зашли в Зоологический музей, и там я провел для нее настоящую экскурсию, хотя сам видел все экспонаты впервые в жизни. Почему-то для мамы подобная осведомленность ее сына явилась полным сюрпризом.

Но, как мы знаем, любая школа – это не только учеба. Это еще и взаимоотношения с одноклассниками, учителями, а также общественная работа.

И здесь я должен признаться, что не был примерным учеником. Дисциплину не любил, часто опаздывал, болтал на уро-

ках, а в пятом классе, когда мне было двенадцать лет, совершил страшный проступок – курил в лесопарке рядом со школой! Об этом стало известно классной руководительнице, она пожаловалась на меня маме, та ужаснулась и рассказала папе, а отец взъярился и решил меня выпороть!

Сейчас, когда ребенок защищен законом, а ударить его – уголовное преступление, трудно поверить, что в мои годы подобная практика считалась совершенно обычной, а иногда даже желательной. К детям с достаточно раннего возраста применяли физическое воздействие: давали оплеухи, тумачи, подзатыльники, били по попе, пороли ремнем. Существовало много специфических выражений для описаний этого процесса.

Меня до этого никогда подобным образом не наказывали. Наверное, потому, что я просто не совершал чего-то настолько ужасного, что заслуживало бы порки. И вот теперь – курение в столь нежном возрасте! Впрочем, порки не получилось. Папа пытался уложить меня на диван, но я кричал, рыдал, извивался, вырывался, и папе в результате этой мучительной экзекуции всего один раз удалось задеть меня ремнем. Впрочем, и этого было достаточно: я лежал и горько плакал от унижения и обиды, а папа, кажется, ушел плакать на кухню от жалости ко мне.

К счастью, в моей жизни это был единственный опыт такого brutального воспитания.

Отношения с другими детьми в школе у меня, в принципе, сложились весьма дружественные. До шестнадцати лет я был маленьким, щуплым мальчиком, часто болел и из-за этого редко ходил на физкультуру. Когда приходил в спортзал и всех учеников моего класса выстраивали в шеренгу по росту, я становился в самый конец – третьим или вторым с краю. Ну хотя бы не последним...

А ведь я был еще и еврей. Хотя в своей 611-й школе не помню ни шуток, ни оскорблений в свой адрес на эту тему. С кем я хотел общаться – дружил, а разных школьных хулиганов и сорвиголов обходил стороной. Если же в классе появлялся еще один такой, как я, то мы как-то сразу сближались. Без обсуждения «сходства» – просто между нами не чувствовалось барьеров и всегда было о чем поговорить.

У меня были друзья, хорошие и верные товарищи – Тимур Басаев, Дима Остальский, Саша Злотников. Вместе мы играли во дворе, ходили по магазинам и в кино. С некоторыми меня связывали общие увлечения, например сборка радиоаппаратуры. Мы редко ссорились. Жаль, что с ними всеми я потерял связь.

К сожалению, после восьмого класса мне пришлось с ними расстаться: я перешел в новую школу. Которая разительно отличалась от моей старой – знакомой и относительно комфортной. Это была так называемая пролетарская школа. Ученики росли в рабочих семьях, с юных лет начинали курить, пить и – совсем ужас! – «вступать в интимные отношения». Понятно, что еврейский интеллигентный мальчик был для них бельмом в глазу. И пусть директором той школы была еврейка, хотя и с русской фамилией Баранова, да и в классе со мной учился еще один еврейский мальчик, Володя Пинскер, с которым мы впоследствии подружились, – я-то был новичком!

Поэтому вскоре мои новые одноклассники решили указать мне мое место. Причем довольно подлым способом: договорились с восьмиклассниками, те подкараулили меня после школы, отвели в соседний лесок и, объяснив, что я еврей, а значит, должен быть битым, стукнули несколько раз. Я пожаловался родителям, мама прибежала в школу, устроила скандал, после чего меня

оставили в покое. А в десятом классе я учился по свободному графику и в школу почти не ходил, так что свел свои контакты с юными антисемитами к минимуму.

ГЛАВА 6. ПУТЕВКА В ЖИЗНЬ

В СССР лето после окончания школы было самым важным и решающим периодом в жизни каждого молодого человека. Школа заканчивалась в конце июня, а в июле-августе начинались вступительные экзамены в высшие учебные заведения. Там юноши и девушки в течение, как правило, пяти лет «овладевали знаниями» и получали профессию, которая во многом определяла всю их дальнейшую судьбу.

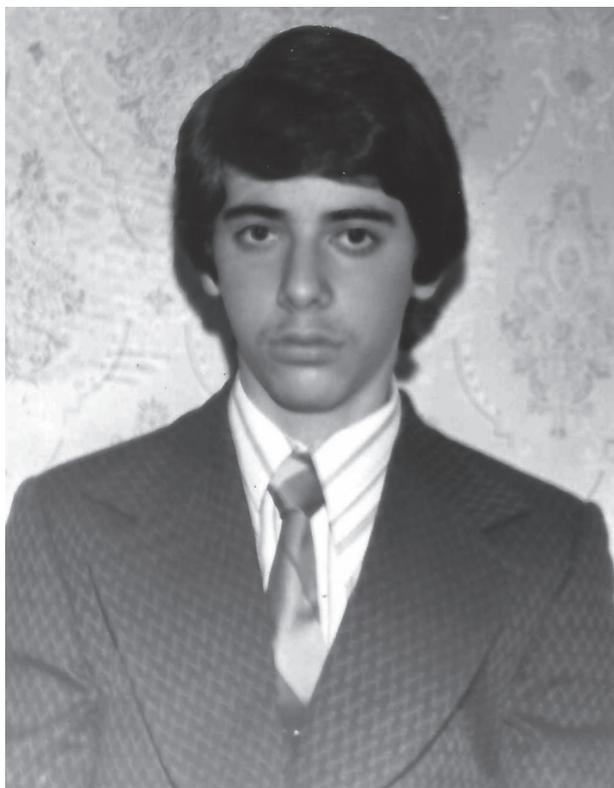
Корреспондент «Нью-Йорк таймс» в Москве Хедрик Смит в своей книге «Русские», вышедшей в свет в 1977 году, проводил сравнение между молодым человеком в США и в СССР, каждый из которых выбирает свой жизненный путь.

С его точки зрения, американскому молодому человеку будущая жизнь представляется в виде бескрайнего поля, по которому он сам должен проложить свою дорогу, чтобы достичь желанной цели. А для советского человека жизнь – это, скорее, вокзал, где он должен выбрать свою платформу, сесть в тот или иной поезд, а дальше он уже сам повезет от станции к станции.

Сейчас любят вспоминать, что в СССР высшее образование было доступно всем. Для этого якобы достаточно было только хорошо сдать вступительные экзамены – и учись на здоровье! По сути, это было именно так, но в действительности, увы, далеко не все вузы были открыты для всех желающих.

В СССР существовали негласные квоты, или процентные нормы, определяющие, в какие вузы можно принимать евреев и сколько, а в какие – на порог не пускать. Практически закры-

тыми для евреев были, например, Московский институт международных отношений или физический факультет МГУ. В то же время были институты, куда «лица еврейской национальности» принимались почти без ограничений.

Я в старших классах

Естественно, официально это нигде и никогда не декларировалось, никто в приемной комиссии не говорил еврейскому юноше или девушке: «Уходи отсюда, здесь евреям не место!» – ведь это противоречило бы официальной политике интернационализма. Но существовали другие, более деликатные способы не допускать евреев в вуз. Например, можно было задать на экзамене особо сложные, нестандартные

вопросы. Или снизить оценку за сочинение, написав «тема не раскрыта».

Я начал задумываться о выборе будущей профессии примерно лет с тринадцати. Учился я в школе хорошо, на четверки и пятерки, но не все предметы любил одинаково. Математика всегда была мне чужда, а физика интересна; очень нравилась химия, но я не испытывал особого желания работать в этой области. Заодно, приблизительно в том же возрасте, я занимался радиотехникой, шахматами и, конечно, учил английский язык (это увлечение английским сохранилось до сих пор).

Но настоящей любовью для меня стала биология, особенно зоология. Если другие хобби, например радиodelo, приходили и уходили, то биологию я полюбил сразу и навсегда. Стремился узнать о ней как можно больше и подробнее, с удовольствием читал специальную литературу.

И в четырнадцать лет решил, что стану врачом.

Я пришел к родителям и поделился с ними своей идеей. Увы, они были вынуждены охладить мой порыв. Мама осторожно, подбирая правильные слова, объяснила, что поскольку я – еврей, далеко не все двери московских вузов будут передо мной распахнуты. И что медицинские институты в Москве евреев практически не принимают.

Удивительно, но этот факт не сильно меня травмировал. Возможно, открытие в семилетнем возрасте того, что я – еврей, заранее приучило меня к мысли, что из-за этой своей инаковости я обречен в будущем на неприятные сюрпризы.

Я принял эту информацию к сведению. Но, поскольку с ранних лет был достаточно самостоятельным человеком, решил услышать отказ от тех, кто по-настоящему хорошо разбирается

в этом вопросе. Еще за год до поступления я начал ходить в различные приемные комиссии: разговаривал с преподавателями, общался и со студентами, и с теми ребятами, которые только готовились поступать. Тогда же познакомился с одним интеллигентным профессором – членом приемной комиссии МГУ на физфаке. Мы долго и искренне беседовали о вступительных экзаменах и о конкурсе. Я до сих пор помню, как он выглядел.

И он откровенно спросил:

– У тебя в семье есть академики?

– Нет, – ответил я.

– А члены ЦК?

– Нет.

– Ну а секретари райкомов партии?

– Нет, конечно, – ответил я.

И вот тогда он мне очень по-доброму сказал:

– Не трепли себе нервы, все равно не получится.

Этому человеку я поверил безоговорочно.

Таким образом, к десятому классу я прекрасно изучил карту московских вузов, знал, сколько институтов существует, в какие из них принимают евреев и какие там лучшие специальности. Точно понимая, что я – не математик, искал специальность, в которой этой самой математики было бы меньше всего. Главное, чтобы без черчения и сопротивления материалов: сопромат меня совсем не интересовал.

И когда папа предложил поступать в тот же вуз, который он оканчивал в 60-х годах – Московский институт нефтехимической и газовой промышленности (ныне Российский государственный университет нефти и газа имени И.М. Губкина), – то оказалось, что именно это мне и было нужно. Для меня этот вариант был лучшим из худших.

В семидесятых годах МИНХ и ГП считался одним из ведущих учебных заведений, где готовили специалистов для работы в нефтяной и газовой промышленности. Хотя студенты ласково-пренебрежительно называли свою альма-матер «Керосинкой», институт этот имел стратегическое значение: уже тогда экспорт нефти и газа стал одной из основ советской экономики.

Этот институт имел еще одно очень важное преимущество: там была военная кафедра, благодаря которой можно было избежать двух или трех лет службы в армии в качестве рядового. В Израиле, где служат практически все – и юноши, и девушки, – подобное желание не характеризовало бы меня с лучшей стороны. Но советская армия в корне отличалась от израильской. Для большинства интеллигентных еврейских мальчиков советская армия была не «школой мужества», а местом постоянных унижений и издевательств, да еще и бессмысленной тратой драгоценного времени. Для меня пойти в армию было равносильно тому, чтобы сознательно заключить себя в тюрьму.

Армейской повинности в еврейских семьях сопротивлялись до последнего. Лучший способ избежать ее – поступление в высшее учебное заведение сразу после школы. Эта цель оправдывала компромисс, на который родители толкали умных мальчиков из приличных семей. Отправляли их учиться только туда, куда абитуриента с подозрительным «пятым пунктом»²⁸ еще могли взять.

28 Пятая графа, или пятый пункт, – выражение, употребляемое в переносном смысле, означающее указание в документах национальности как факта принадлежности к определенной этнической общности. В Советском Союзе указание национальности в паспорте и других удостоверяющих личность документах носило обязательный характер. В СССР графа номер 5 для указания национальности

Для нашей семьи Губкинский институт был родным и близким. Мой дед был химиком, отец окончил этот вуз, а потом преподавал там в свободное от основной работы время. Так что я пришел на вступительные экзамены не с улицы. Но поступал по-честному. Во-первых, в течение всего десятого класса я с репетиторами изучал предметы, по которым сдавали экзамены в этот институт. Во-вторых, у меня были очень хорошие оценки в школьном аттестате (средний балл 4,75), что давало мне право сдать не четыре, а два вступительных экзамена. Сочинение я написал на «отлично», а математику сдал на четыре.

Я был зачислен на факультет автоматике и вычислительной техники по специальности «автоматизированные системы управления». Этот выбор определил на много лет вперед мою дальнейшую судьбу. И все же...

Однажды меня спросили: если бы я мог отправиться в прошлое на машине времени и у меня появилась бы возможность свободно поступить в Первый медицинский, то захотел бы я стать врачом? Я без колебаний ответил: да, выбрал бы медицинский институт, а не «Керосинку». Для меня профессия врача – одна из самых прекрасных в мире. Мне кажется, что это наглядное воплощение еврейского идеала «тикун олям» – стремление исправить, улучшить наш мир.

Но машин времени еще не придумали, и прошедшую реальность не изменить.

была в формуляре личного листка по учету кадров паспортных органов МВД СССР, на основании которого оформлялся паспорт; а также в таких же листках отделов и управлений кадров всех государственных организаций.

Кстати, в Институте нефти и газа я сразу почувствовал себя уверенно и в меру комфортно. В Губкинском чуть ли не каждый второй оказался евреем. Мне очень хорошо запомнилось, как, читая списки, я видел: еврейская фамилия, еврейская фамилия, еврейская фамилия... Таких фамилий в списке было тринадцать!

Среди студентов быть евреем считалось не стыдным, а даже модным. Да и среди преподавателей хватало евреев. Впрочем, сами они не афишировали свои «этнические корни». Например, на кафедре автоматизированных систем управления (АСУ) я подрабатывал лаборантом у старшего преподавателя Саши, который имел совершенно русскую фамилию Ермолаев. Но в какой-то момент он намекнул, что мы с ним одной крови.

Студенты-евреи держались вместе, получалось это как-то само собой, очень естественно. Я заметил, что мальчики и девочки из провинции лучше разбирались в еврейской традиции, чем я: знали еврейские праздники и отмечали их, а некоторые даже ходили в синагогу на Песах или Рош ха-Шана²⁹ – это было необычно, удивительно и вызывало уважение. По тем временам за такой смелый поступок могли отчислить из института. Ведь комсомолец (а мы все были комсомольцами) не должен ходить ни в церковь, ни в мечеть, ни в синагогу.

В институте в еврейских компаниях велись разговоры на еврейские темы, безбоязненно рассказывались анекдоты – политические и еврейские (кто ж обвинит еврея в антисемитизме?),

29 Песах и Рош ха-Шана – традиционные еврейские праздники, отмечаемые весной и осенью соответственно.

пелись еврейские песни. А вот разговоров про Израиль и эмиграцию из СССР я не припомню.

Я с большим удовольствием вспоминаю годы, проведенные в «Керосинке». Наверное, именно там, оказавшись среди «своих», я начал избавляться от комплекса чужеродности. С первой минуты ты начинаешь говорить с человеком, как со старым знакомым. Потом, спустя много лет, когда я выезжал за границу, уже будучи президентом Российского еврейского конгресса, я вновь открыл для себя это чувство взаимоузнаваемости и открытости. Уровень доверия сразу становится выше, взаимопонимание лучше, нет барьеров в общении.

Конечно, я не начал делить весь мир на своих и чужих, но я осознал, что наиболее комфортно и естественно чувствую себя среди евреев. Наверное, тогда и начали у меня стихийно формироваться мое еврейское самосознание и ощущение принадлежности к еврейскому народу – чувство, которое по-английски называется Peoplehood.

ГЛАВА 7. ДЕНЬГИ И СВОБОДА

В детстве, юности, да и в более поздние годы я никогда не думал о богатстве. Тем более что в Советском Союзе оно не было мерилom успеха. Даже сама тема денег в СССР наряду с темами секса и смерти считалась неприличной. Невозможно представить себе советского школьника, который бы заявил, что он хочет выбрать ту профессию, которая принесет ему много денег. Ведь официально в Советском Союзе не было ни бедных, ни богатых. Как пел Владимир Высоцкий³⁰:

*Все жили вровень, скромно так –
Система коридорная:
На тридцать восемь комнаток –
Всего одна уборная.*

Но это – официально. А неофициально многим советским людям не хватало зарплаты, чтобы прожить, и они тратили массу времени и усилий на получение дополнительного заработка, а потом теряли еще больше времени и сил в поисках «дефицита» всех видов: от туалетной бумаги до билетов в цирк.

Бесклассовое советское общество, с точки зрения его граждан, неофициально делилось на несколько классов: на «честных

30 Владимир Высоцкий Семенович (1938–1980) – советский поэт, актер театра и кино, автор-исполнитель песен (бард); автор прозаических произведений и сценариев. Самый популярный и значимый поэт позднесоветской эпохи.

работяг», к которым принадлежало большинство населения страны; на «торгашей» – людей, которые работали в торговле и системе услуг, в силу чего обладали допуском к вожделенному дефициту; на «начальство», или «номенклатуру», – партийно-административную верхушку, которая имела собственную систему обслуживания и снабжения. Причем в этой системе сами по себе деньги мало значили – гораздо важнее были связи, которые позволяли на эти деньги покупать тот самый дефицит.

Моя семья по определению принадлежала к прослойке так называемой советской интеллигенции, а по сути – к тем же работягам, не имеющим ни особых связей, ни привилегий. В семье к деньгам относились с уважением, но культ из них не делали.

Мама и папа много работали, еще и дед, получавший пенсию как полковник в отставке, помогал нам, но денег все равно постоянно не хватало. При этом родители не были скопидомами, не тряслись над каждой копейкой. Приглашали гостей, иногда ходили с друзьями в ресторан, часто посещали театры. Но деньги приходилось считать и искать дополнительные подработки.

Когда мне было шесть лет, со мной произошла история, во многом определившая мое отношение к деньгам и их месту в нашей жизни.

У меня с раннего детства была способность находить деньги на улице. Я ходил, внимательно смотря себе под ноги, и почти всегда находил то копейки, то двушки, то пятачки, а порой и более крупные – десяти-, пятнадцати-, двадцатикопеечные монетки... Иногда попадались даже полтинники (пятьдесят копеек).

Как-то по дороге в Крым – мы с родителями ехали в отпуск – я увидел на перроне одной из станций копеечку. Но мы уже спешили к нашему вагону, потому я не стал подбирать ее. Это меня расстроило, и я решил рассказать папе. Выслушав меня, он сказал:

– Копейка вроде бы ерунда, много на нее не купишь: коробок спичек, стакан газировки без сиропа. Но вдруг так сложится, что надо будет купить что-то очень нужное и важное, а именно копеечки и не хватит?

Слова эти произвели на меня оглушительное впечатление. Я испытал одновременно и чувство ответственности, и ощущение взаимосвязи между разными предметами и событиями в нашей жизни, и, конечно же, чувство вины. Впрочем, последнее прошло довольно быстро – я нашел валявшуюся на платформе копейку и торжественно вручил ее папе.

Конечно, родители давали мне карманные деньги – сначала десять, а потом пятнадцать копеек на завтрак. Но их я оставлял в буфете, покупая булочки и чай. А на свои удовольствия я, можно сказать, зарабатывал сам. Помимо поисков монет на земле, были и другие способы обзавестись деньгами. Например, можно было сдавать пустые бутылки или стеклянные банки в приемный пункт. Или отнести в магазин «Букинист» старую книгу.

К заработанным деньгам я относился достаточно легко, никогда не копил их, а если и собирал, то лишь для покупки определенной вещи. Больше любил тратить, чувствуя себя при этом взрослым и самостоятельным.

Я женился в восемнадцать лет на своей одногруппнице Анне, вскоре родилась дочь, и так я в очень юном возрасте, когда большинство моих сверстников наслаждались студенческой жизнью, взвалил на свои плечи ответственность за семью. Я был обязан учиться только на пятерки, чтобы получать повышенную стипендию – пятьдесят шесть рублей (а не обычную в сорок), а со второго курса еще и устроился на полставки лаборантом на двух институтских кафедрах одновременно. Выходило во-

семьдесят рублей плюс к стипендии. Но этого все равно было мало для содержания семьи.

И тогда я начал «крутиться». Со мной в группе училась девочка, Люся Пахомова, у которой обнаружился блестящий талант к шитью. На Западе в то время вошли в моду свитера-«толстовки». В Союзе такие не продавались, а многим хотелось. И мы стали их производить сами, из отрезов байковой плотной ткани. Люся шила, а я ездил «на точки» и продавал.

В Москве были «точки» для продажи-покупки разных товаров. Например, в определенном месте в ГУМе³¹: со стороны посмотреть – просто люди толпятся, подходят и уходят. Но на самом деле тут «толкуются» по поводу радиодеталей. В другом месте – собрались ради джинсов, а вон там, поодаль, еще какой-то товар можно купить, виниловые пластинки, например.

Кто-то продавал свое – «самострок», как у нас с Люсей, кто-то перепродавал привезенное с Запада.

Потом мы стали производить «джинсы»: находили ткань, по структуре похожую на джинсовую, и основательно, в несколько этапов, проваривали ее в краске, чтобы краситель абсорбировался и ткань не линяла при стирке. «Фирменные» пуговицы, заклепки и прочую фурнитуру заказывали в лавках, где делали ключи и «молнии», а заготовки я покупал в магазине «1000 мелочей» рядом с домом. Мы зарабатывали на каждой вещи от двадцати до шестидесяти рублей. А вот с валютными операциями

31 ГУМ (аббревиатура от «Государственный универсальный магазин») – в советскую эпоху самый знаменитый универсальный магазин (торговый комплекс) в центре Москвы, который занимает целый квартал Китай-города и выходит главным фасадом на Красную площадь.

я никогда не связывался: это было уже сугубо уголовным, криминальным промыслом, к тому же за него мог грозить расстрел.

После окончания института меня распределили в «Зарубежгеологию»³². Я стал типичным инженером советского образца. Про таких, как я, Борис Гребенщиков³³ тогда написал песню «Я инженер на сотню рублей и больше не получу». Правда, моя первая зарплата составляла сто двадцать рублей в месяц. Впереди маячил обычный путь, которым всю жизнь шли мои родители. В конце этого пути светила максимальная зарплата в двести–двести двадцать рублей и тридцать процентов квартальной премии... Если бы Советский Союз не рухнул, так бы все и сложилось. Разве что, может быть, я прошел бы этот путь быстрее других, потому что очень старался.

Я знал, что должен работать хорошо. Семья у меня уже была вторая по счету, и мне вдруг пришлось содержать сразу троих детей. Я платил алименты дочери от первого брака, а в новой семье, вдобавок к сыну жены Татьяны, родилась наша дочка Марина. Было невероятно тяжело. Иногда я просто недоедал.

Будучи убежденным трудоголиком, я видел только один путь к процветанию: надо идти вперед и много работать – тогда в конце концов тебя заметят и оценят. Меня хвалили, выписывали квартальную премию, часто – повышенную. Я точно помню все цифры, потому что, когда Марина родилась, мы считали каж-

32 Всероссийский научно-исследовательский институт геологии зарубежных стран, находился в Москве.

33 Гребенщиков Борис Борисович (1953) – советский и российский поэт и музыкант, композитор, певец и гитарист рок-группы «Аквариум», один из родоначальников рок-музыки на русском языке.

дую копейку, каждый рубль буквально. Если я забирал один рубль в день, а мне надо было и пообедать, и перекусить, потому что работал допоздна, то у жены на двоих детей после всех других расходов оставалось меньше рубля на еду. Надо было искать, что подешевле, а в магазинах почти ничего не было. Так что каждые пять рублей к зарплате были критически важны. Я за них бился на собраниях, когда делили премии, я торговался, я не мог иначе, потому что знал, что без этих пяти рублей у меня будет не восемьдесят копеек на обед, а семьдесят пять или семьдесят.

Но даже в тех условиях крайней бедности я никогда не считал себя вправе попросить у кого-то деньги. Хотя бы и у родителей, тем более что они ничем особенно помочь не могли. Заработать и рассчитаться – да, а просто взять, чтобы не возвращать, – нет. Не было случая, чтобы я пожаловался кому-нибудь: мне не хватает на еду или на ребенка, дайте мне денег.

Я снова стал «крутиться». Постоянно искал подработки – брал дипломников, например. Оказалось, это законный и необременительный вид заработка! Встречи со студентом за полгода до выпуска, проверка дипломной работы, практика на предприятии. За руководство дипломным проектом через какое-то время после защиты платили сорок-пятьдесят рублей. Шефство над студентами доставалось не каждому, но мне доверяли сразу двух-трех выпускников – я был на хорошем счету в своем институте.

И все равно на жизнь не хватало. Я занялся программистскими халтурами – так тогда на сленге называлась подработка, побочный заработок, работа, выполняемая помимо или за счет основной: адаптировал программный продукт, сделанный для нашей организации, для других по специальным договорам. Не везде были свои программисты, так что работа по совместительству считалась легальной и приносила дополнительные сто

рублей в месяц. Это было очень много, но за эти деньги надо было как минимум четыре бессонные ночи проводить в другом вычислительном центре, а к утру возвращаться в свою «Зарубежгеологию».

Вскоре я открыл для себя, что круглосуточные умственные нагрузки изнурительнее, чем физический труд по ночам, потому что если работаешь не головой, а руками, то это хоть какая-то смена деятельности. Грузчики той стране были нужнее, чем программисты. И я начал по ночам подрабатывать в новой сфере. Искусство состояло в том, чтобы оказаться в правильном месте в правильное время. Раз в неделю вечером я появлялся перед воротами мясокомбината или овощебазы – и в пять утра гарантированно получал свои десять рублей.

А в 1983 году к нам в «Зарубежгеологию» пришел Миша Брудно. Мы с ним до сих пор дружим. Сошлись быстро: у нас было много общего. Вдвоем стало легче. Теперь мы могли рассчитывать друг на друга. Наша взаимопомощь давала большую свободу маневра: один мог заменять второго, выполняя его задания на работе, а другой в это время – подрабатывать на стороне.

Когда началась перестройка, мы решили попробовать себя в торговле – квас в ларьке продавать. Летом хорошо этим заниматься, когда жарко. Работы много: с утра до вечера заказываешь, получаешь, торгуешь. Квас брали бидонами на окрошку и из кружек пили на месте. При этом деньги мы получали каждый день и наличными. Мы все отпускное время потратили на сменную работу в квасной палатке и заработали более четырех тысяч рублей на двоих. Это были громадные деньги! Но не только в деньгах счастье. В то квасное лето 1987 года мы подружались со всеми продавцами окружающих магазинов. Так что достать горячий хлеб или спиртное в неположенное время (а это был период оче-

редной государственной антиалкогольной кампании) для нас перестало быть проблемой. Мы стали своими среди «торгашей»!

Тем временем перестройка, объявленная в 1987 году новым генеральным секретарем ЦК КПСС Михаилом Сергеевичем Горбачевым, начинала набирать обороты. Вначале я не воспринял всерьез провозглашаемые им понятия «ускорение», «развитие ленинских принципов демократического централизма» и т.п. – это казалось знакомой идеологической шелухой, за которой ничего не стояло. Хотя сам Горбачев тогда вызывал симпатию. После дряхлых шамкающих предшественников любой генсек, способный произносить речи без бумажки, изумлял и вселял некоторую надежду. Помню анекдот той эпохи: «Слыхали, Горбачева в Политбюро никто не поддерживает. – Как так? – Да, он сам ходит, его никто не поддерживает».

Но постепенно общие речи начали претворяться в конкретные законы и распоряжения, и в конце июня 1987 года был принят Закон СССР «О государственном предприятии (объединении)».

По новому закону работники предприятия могли выбирать своих руководителей, но, что еще более важно, были сняты ограничения на перевод безналичных денег в наличные.

В Советском Союзе существовала двойная система финансовых расчетов. Между собой предприятия рассчитывались безналично, через Центральный банк, а зарплату работникам выдавали наличными деньгами. Размеры наличных и безналичных фондов определялись сверху, и путать их категорически запрещалось.

Тогда я еще не представлял, что этот закон положит начало колоссальным изменениям в экономике СССР, а заодно повлияет на мою судьбу.

Осенью 1987 года мы с Брудно наткнулись на объявление в газете «Вечерняя Москва»: «Центр научно-технического творчества молодежи Фрунзенского района ищет молодых и талантливых программистов». Такие центры были созданы постановлением Совета Министров и комсомола.

В сущности, этот Центр НТТМ был своего рода государственным посредническим бюро между молодыми людьми, которые умели что-то делать хорошо – например, писать компьютерные программы, – и государственными предприятиями, которые нуждались в таких работах. При этом госпредприятие могло расплачиваться с центром безналичными средствами, а центр переводил безнал в живые деньги, которые и получали молодые программисты. Центр искал новые идеи и проекты, находил на них покупателя, постоянно расширял круг клиентов. Это еще не было бизнесом, потому что официально бизнеса как такового в советской стране просто не существовало. Но, с другой стороны, этот опыт можно было назвать первым прототипом бизнеса в СССР.

Этим Центром НТТМ руководил Михаил Ходорковский.

Идея, с которой мы пришли в центр, соответствовала его задачам. Тот продукт, который мы с Брудно предложили, потенциально мог понадобиться ста организациям в одной только Москве.

Идея заключалась в следующем. Любая организация планирует свою работу как минимум на год вперед: поставки, выполнение договоренностей, финансовые и бюджетные обязательства. Этим занимается обычно множество людей, в том числе и бухгалтерия. А мы с Мишей Брудно эту работу автоматизировали и могли свою программу предложить тем организациям, которые по виду деятельности были схожи с нашим объединением «Зарубежгеология».

Миша Ходорковский и я в НТТМ

Через три месяца мы с Брудно получили в центре Ходорковского, если не ошибаюсь, по четыре тысячи рублей на руки. И я сразу стал богатым. Значит, подумали мы с Мишей, система, придуманная Ходорковским, работает! Никто нас не обманул, заказчики исправно платили. Если на квасе за лето я заработал две тысячи рублей, что по тем временам тоже было очень много, то эти деньги, полученные за свою идею, были принципиально другими.

Какое-то время мы продолжали сотрудничать с Центром НТТМ как с посредником, но вскоре я понял, что прежняя работа не приносит удовлетворения. И не только в деньгах было дело. Я стал осознавать, что работать с таким человеком, как Ходорковский, в окружении умных молодых людей мне интереснее, чем ходить в «Зарубежгеологию». Хотя в тот момент было бы выгоднее сидеть на двух стульях. К тому же я по природе консер-

вативен, и менять работу мне тяжело. Более того, в своей организации я уже был допущен к загранице! В Монголии побывал, не исключена была Болгария, а дальше, чем черт не шутит, и капстрана!³⁴

Я интуитивно чувствовал, что именно центр располагал огромным потенциалом роста. И когда Михаил Ходорковский предложил мне с ним работать, я согласился сразу. Мне было с ним интересно. Для меня в выборе пути это – определяющий фактор. Как применительно к делу, которое надо делать, так и в человеческих отношениях.

Сначала я получил должность ведущего инженера, потом начальника отдела. Больших денег они не приносили. Зарплаты росли, но не сильно, все контролировалось государством. Но я не ошибся ни в материальном, ни в профессиональном, ни в чисто человеческом смысле. Первое время, я полагаю, у Ходорковского были пусть и весьма амбициозные, но вполне советские планы. Я помню, что он хотел превратить Центр НТТМ в большое научно-производственное объединение, чтобы самому стать его гендиректором с соответствующим положением и зарплатой. Впрочем, для него зарплата никогда не была самым главным. Важнее был личностный и профессиональный рост.

Но вскоре наши заработки стали кардинально меняться. Толчком к развитию бизнеса послужил Закон «О кооперации в СССР», который был принят 26 мая 1988 года. Он содержал множество ограничений – но те, кто хотел заниматься коопе-

34 Как правило, в Советском Союзе прежде, чем гражданин допускался к поездке в капиталистическую страну, он должен был съездить в «страну народной демократии»: Болгарию, Польшу или Монголию, как в моем случае.

рацией, а говоря проще, бизнесом, обходили запреты, причем легально, поскольку сам нормативный акт содержал неточности и лазейки. Самым же главным было то, что закон установил низкий налог на деятельность кооперативов – всего три процента!

Я был одним из первых в Москве, кто организовал кооператив: при Центре НТТМ возник кооператив вычислительной техники и программирования «Нигма». Вначале хотел назвать его «Сигма», но выяснил, что фирма под таким названием уже зарегистрирована в Москве, поэтому я взял букву «Н» из своей фамилии и получил поэтичное слово «Нигма».

Позже, в 1989 году, на базе Центра НТТМ и кооператива «Нигма» мы создали объединение МЕНАТЕП (Межотраслевые научно-технические программы), с которым были готовы сотрудничать государственные институты, не имевшие права покупать вычислительную технику за границей. Сотрудничество с нами помогало им обходить этот барьер. У них было более чем достаточно безналичных денег, и мы сосредоточились на поставке им компьютерных комплексов и программного обеспечения, став пионерами в этой области, хотя вскоре в Москве появились и другие фирмы, следовавшие по нашему пути.

Скоро наши доходы стали исчисляться уже десятками, а то и сотнями тысяч рублей в месяц. Инфляционный механизм еще не запустился, это были настоящие деньги. Именно тогда, в конце 1988 года, я впервые почувствовал себя богатым человеком.

Самое важное ощущение, которое пришло вместе с богатством, – я свободен! Я все могу. Я не должен унижаться, чтобы добыть бананы или палку сырокопченой колбасы. Я не должен стоять в очередях за детским питанием или туалетной бумагой. Я могу купить за деньги, которые заработал, все, что хочу! Тем

более что в 1988 году в Москве стали открываться первые кооперативные рестораны, кооперативные магазины, из-за границы стали привозить самые разные товары. Для нас это был прорыв в новую жизнь.

Роль и место еды в жизни советского человека всегда были определяющими. Но по-настоящему я до этого никогда не пробовал изысканных ресторанных блюд. Я не знал в жизни ничего вкуснее эскалопа и жареной картошки с луком и грибами. Самыми желанными лакомствами моего детства были салат из редиски со сметаной, полукопченая колбаса и черный хлеб.

И тут вдруг на нас обрушилось изобилие меню и кухонь. Многие блюда еще год назад можно было представить себе лишь на столах самых высокопоставленных начальников. Про другие мы либо читали в книгах русских классиков, либо видели их в кино про «старую жизнь». А теперь мы сами ходили в очень хорошие рестораны! Позволить себе такое могли разве что бандиты и кооператоры. Бандиты, как правило, еще и шумели, а мы тихо, «культурно» обедали.

Позже я полюбил ходить в ресторан «Метрополь», который открылся в 1991 году после многолетней реставрации. Я часто обедал в этом историческом заведении, славящемся своей русской кухней. В результате потолстел, раздался почти в два раза. Это, пожалуй, самое негативное последствие быстрого роста благосостояния.

Вскоре мы с Ходорковским решили улучшить наши жилищные условия и арендовали небольшой двухэтажный деревянный дом в правительственном поселке на Успенке (Рублево-Успенское шоссе). Место закрытое, престижное, но жилье достаточно скромное. Ходорковские жили на первом этаже, а я с семьей на втором. И на природе, и до работы недалеко.

А в 1988 году я получил водительские права и осуществил мечту каждого советского человека – приобрел автомобиль!

Первая машина была «Лада-2108» цвета «валентина» (синий металлик). За ней я специально поехал в Воронеж, где местный передовой рабочий, получивший ее в порядке очереди (в СССР надо было ждать годами, чтобы купить машину), с радостью уступил ее мне за две цены. Из Воронежа я возвращался в Москву уже на новом авто. Впрочем, «восьмерка» продержалась недолго: я начал часто менять машины, а в 1990 году купил первую заграничную – «Опель Корса».

Это был маленький четырехдверный автомобиль шоколадного цвета, оснащенный автоматической коробкой передач и гидроусилителем руля, что по сравнению с советской машиной делало его просто чудом. Садись – он сразу заводится и едет! Хотя к тому времени мой «Опель» пробегал уже двенадцать лет, тогда я впервые почувствовал, какое же это удовольствие – ездить на хорошей машине.

Но самое главное – после многих лет поездок в переполненном общественном транспорте машина давала ощущение независимости и свободы. Забитые людьми вагоны метро, троллейбусы, автобусы, трамваи унижают достоинство человека. Такси для меня – тоже не то. А на машине весь мир для тебя. Тогда в Москве проблем с парковкой не было никаких. У любого бордюра кинул и пошел. Отказаться от личного автомобиля стало уже невозможно.

А вообще после того, как у меня появились настоящие деньги, для первичного удовлетворения моих потребностей понадобилось несколько месяцев. Еда, одежда, квартиры, машины – список желаний закончился довольно быстро. И стало ясно, что больше денег для себя не нужно. Впрочем, у меня не было никогда потре-

бительского ража. Я всегда недоумевал: ведь всего же хватает, все есть, ну что еще? Чего я действительно хочу от жизни? Чем дальше, тем больше – не моя формула. Пусть другие накапливают больше, больше, больше, пусть живут «роскошной жизнью». Если мое состояние позволяет мне пойти, поехать, посмотреть, купить, что я хочу, и слетать на выходные в Париж – все, вопрос решен.

Кстати, о Париже. Своя машина давала возможность путешествовать за границу. У нас сложилась компания туристов, которая ездила через Польшу и Словакию в Венгрию и Югославию. Свободный выезд за границу уже сам по себе казался тогда фантастикой! Раньше для этого приходилось получать разрешение от начальства – административного, партийного, профсоюзного, заполнять кучу анкет...

Анкеты – особая тема для каждого советского еврея. В Советском Союзе очень любили анкетирование. Устраиваешься ли ты на работу, поступаешь ли в школу, претендуешь ли на какую-либо должность или просто в санаторий отправляешься – бери бланк и заполняй.

Были анкеты простые и сложные, были анкеты-автобиографии – этикие странички в линейку. И в каждой обязательно был каверзный вопрос: «Есть ли у вас родственники за границей?» Тут-то я задумывался над бумажкой в тихом ужасе. Ведь я – еврей, значит, вполне вероятно, у меня родственники за границей есть! Но как благовоспитанный советский гражданин я честно писал: «Родственников за границей нет». Нет! Пишу и сам думаю: а может, я вру? Может, они на самом деле есть, но я просто этого не знаю? И мне было так неудобно врать и даже предполагать, что я мог соврать!..

Когда возникал следующий вопрос: «Были ли у вас родственники на оккупированных территориях?» – мой мозг закипал

от двусмысленности ситуации. Еще мало зная тогда о Холокосте, я понимал, что на оккупированных территориях могли быть мои родственники, которые, например, там и погибли. От бабушки с дедушкой урывками я что-то такое слышал. Но всегда писал: «Родственников на оккупированной территории не было». Писал и думал: «Я, наверное, вру – но я же не знаю! А если узнают, что мне будет за это? Вдруг у меня были родственники на оккупированных территориях?»

А потом вдруг стало можно без всяких анкет с одним только загранпаспортом сесть в машину и поехать, скажем, в Загреб, а уже оттуда, переночевав в отеле, за четыре часа можно добраться до прекрасного города Риека на Адриатическом море. После Москвы в Хорватии шокировали чистота, доброжелательность людей, улыбки. И все было вкусное. Я пребывал в другом мире и не хотел возвращаться домой. Но возвращаться было надо. Мы искренне верили, что строим новую жизнь и что рано или поздно в Союзе станет, как на Западе. Мы мечтали о том, чтобы СССР стал такой же цивилизованной страной.

ГЛАВА 8. МАРШ ЭНТУЗИАСТОВ

В своих мечтах мы были не одиноки. В те годы в СМИ начали выходить в большом количестве статьи экономистов и социологов, которые объясняли, что для построения нового общества, где не будет никакого дефицита, надо сломать «командно-административную систему», которая была основой экономики в СССР, и разрешить частную предпринимательскую деятельность. Статьи эти были популярны не менее исторических материалов о преступлениях сталинизма или печатавшихся на страницах журналов еще недавно запрещенные произведения Солженицына³⁵, Шаламова³⁶, Аксенова³⁷...

Конец 80-х годов в СССР был эпохой информационного потопа, обвала, водопада. Практически во всех журналах, газе-

35 Солженицын Александр Исаевич (1918–2008) – русский писатель, драматург, эссеист-публицист, поэт, общественный и политический деятель, живший и работавший в СССР, Швейцарии, США и России. Основные сочинения – «Архипелаг ГУЛАГ», «В круге первом», «Красное колесо», «Матренин двор», «Один день Ивана Денисовича» (первое официально опубликованное в СССР произведение о сталинских репрессиях), «Раковый корпус».

36 Шаламов Варлам Тихонович (1907–1982) – русский советский прозаик и поэт, наиболее известный как автор цикла рассказов и очерков «Колымские рассказы», повествующих о жизни заключенных советских исправительно-трудовых лагерей в 1930–1950-е годы.

37 Аксенов Василий Павлович (1932–2009) – русский писатель, драматург и сценарист, переводчик, педагог. В 1980 году был лишен советского гражданства. Автор множества произведений, наиболее популярным из которых стал фантастический роман с элементами политической сатиры «Остров Крым» (1979), описывающий альтернативную историю и географию России после 1917 года.

тах, на телевидении, радиостанциях (в том числе и иностранных, которые перестали глушить) каждый день появлялась новая и сенсационная для советских граждан информация из области истории, социологии, экономики, искусства, литературы. Удивительно, но в последние годы коммунистического режима средства массовой информации стали просветителями советского народа, замордованного многолетней пропагандой. Не то что сейчас в России, когда телевидение и газеты превратились в пропагандистскую машину путинского режима, доходящую в своей промывке мозгов до настоящего мракобесия.

Жить было очень интересно, и хотя я работал с утра до вечера, но всегда старался прочитывать хотя бы самые интересные статьи и следил за переводами деловой литературы. Тогда же я открыл для себя новую профессию – паблик рилейшнз, которую теперь мы также знаем как «связи с общественностью», а тогда таких понятий вообще не существовало.

Но между массовым читателем этих разоблачительных и просветительских статей и нами была большая разница. Они читали, изумлялись, негодовали и... оставались в своих организациях и институтах, но мы-то работали! И, в отличие от популярных авторов, считали себя не теоретиками, а практиками, на деле ломающими ту самую командно-административную систему и строящими новое общество изобилия. То, что в процессе этого слома мы богатели, лишь подтверждало выводы экономистов об эффективности частного предпринимательства.

Увы, частный бизнес не стал уделом многих. Дела в стране ухудшались.

Все началось с благих намерений. В январе 1986 года Горбачев объявил о начале антиалкогольной кампании. Алко-

голизм действительно был страшной проблемой Советского Союза, и с этим надо было что-то делать. Но, как говорил российский премьер-министр Виктор Степанович Черномырдин в 1990-е, «хотели как лучше, а получилось как всегда». Чем труднее становилось купить водку и вино, тем больше самогона начал производить находчивый советский человек. И с полок магазинов стали исчезать продукты, из которых его можно было «гнать». Сначала исчез сахар, потом сахаросодержащие продукты, а затем – самые неожиданные товары, из которых уж точно нельзя было производить спиртное, например мыло и сигареты. С 1989 года в СССР впервые за много лет стали вновь вводить талоны – на водку, сахар, сигареты и многое другое.

Но дефицит продуктов был не единственной проблемой. В «братских» советских республиках, как тогда именовались все входящие в состав СССР республики, начали стихийно зарождаться национальные движения. В Прибалтике народные фронты выступали за отделение этих республик от СССР, а на Кавказе и в Средней Азии мирные демонстрации стали перерастать в погромы, резню и локальные войны.

«Дружба народов» и «пролетарский интернационализм» превращались в фикцию.

Появилось свое русское националистическое движение и в России – общество «Память». Формально оно возникло в 1980 году и сначала декларировало приверженность защите памятников русской культуры, но в 1986–1987 годах лозунги за возрождение русской культуры быстро сменились откровенной антисемитской пропагандой. Популярность «Памяти» росла, и в 1988 году по Москве и Ленинграду поползли слухи о готовящихся еврейских погромах.

Лично я относился и к этим слухам, и к самой «Памяти» достаточно спокойно. Считал ее активистов маргиналами, а происходящее – закономерными издержками гласности и перестройки. Так и должно быть при свободе слова. Но многие мои соплеменники были явно напуганы, благо перед глазами стояли кадры армянской резни в азербайджанских Баку и Сумгаите, и они начали собираться в дорогу: кто в Израиль, кто в США... Впрочем, для большинства советских евреев было не так важно куда, главное – чтобы поскорее отсюда.

К осени-зиме 1989 года еврейская эмиграция стала массовой, ее волной уже были захвачены мои друзья по институту, просто знакомые и дальние родственники. Но я даже не рассматривал такой вариант. Искренне верил, что мое место здесь, а наше дело, которому я служу, будет только расти и развиваться.

В конце 1988 года Ходорковский выступил с новой, совершенно революционной по тем временам инициативой: он предложил нам создать банк! Идея всем понравилась, но, когда уже в 1989 году мы начали ее вплотную обдумывать, оказалось, что денег, которые принадлежали свежееобразованному объединению МЕНАТЕП, не хватало для этого. Тогда Ходорковский собрал топ-менеджеров компании и предложил тем, кто готов был рискнуть, вложить свои собственные средства, а тем, кто не готов, – забрать свою долю из МЕНАТЕПа и покинуть его с миром. Половина нашей команды, включая меня, решила рискнуть, и мы вложили в будущий банк все свои сбережения. Другие забрали свои доли и отправились в одиночное плавание.

Так появился один из первых фактически частных «Коммерческий инновационный банк научно-технического прогресса (КИБ НТП)». И начал зарабатывать: мы размещали у себя счета предприятий, выдавали кредиты, получили разрешения

на валютные операции, финансировали торговлю компьютерами.

Через полтора года с момента возникновения у Михаила идеи о банке, 14 мая 1990-го, в Исполкоме Моссовета было зарегистрировано Межбанковское объединение «МЕНАТЕП». Генеральным директором объединения стал двадцатисемилетний Михаил Ходорковский. К концу 1990 года капитал банка превысил миллиард рублей.

По мере того как наше объединение росло, расширялось и приобретало репутацию солидного предприятия, менялся и наш личный статус. Полагаю, что партийной номенклатуре, выступавшей за кардинальные изменения страны, мы казались олицетворением нового поколения строителей будущей жизни. Вскоре, в том же 1990 году, Ходорковский и я стали советниками Ивана Силаева, занимавшего тогда пост премьер-министра РСФСР.

Несомненно, это была история подлинного успеха – и экономического, и политического. Мы начали встречаться с элитой СССР, я лично познакомился с Борисом Николаевичем Ельциным, который произвел на меня огромное впечатление и своей харизмой, и нетипичным для номенклатуры умением выслушивать собеседника. Ходорковский один раз ходил с идеей экономической реформы к Горбачеву, понравился ему. Михаил Сергеевич сказал: «Умный парень». Мы бывали в Верховном Совете СССР, в 1989 году присутствовали на Первом Съезде народных депутатов СССР, который стал одним из главных политических событий того времени и своего рода кузницей кадров новой России. Именно там сложилась Межрегиональная группа депутатов, представлявшая фактически оппозицию старому режиму. Мы познакомились с лидерами перестройки – Юрием Афана-

сьевым³⁸, Гавриилом Поповым³⁹, Андреем Дмитриевичем Сахаровым⁴⁰, Анатолием Собчаком⁴¹ и многими другими, чьи имена были на слуху у каждого. Позже со многими из них мы стали друзьями и коллегами, как с Поповым и Афанасьевым. А вот к академику Сахарову я так и не рискнул подойти. Я понимал масштаб этого человека, испытывал к нему чувство глубочайшего уважения, и мне до сих пор стыдно вспоминать, как Горбачев фактически поддерживал травлю Сахарова со стороны разных номенклатурщиков.

Естественно, политически мы считали своими союзниками «прорабов перестройки». Когда 19 августа 1991 года по телевидению объявили о введении в СССР чрезвычайного положения, а по существу – об отстранении президента РСФСР Ельцина и его правительства от власти и возвращении в коммунистическое

38 Афанасьев Юрий Николаевич (1934–2015) – советский и российский политик и историк. Доктор исторических наук, профессор. Ректор Московского государственного историко-архивного института, впоследствии Российского государственного гуманитарного университета. Один из создателей и сопредседатель движения «Демократическая Россия». Один из создателей и лидеров межреспубликанского «Демократического конгресса».

39 Попов Гавриил Харитонович (род. 1936) – советский экономист и российский политик. Один из видных лидеров демократического движения в СССР и России в конце 1980-х – начале 1990-х годов. Председатель Московского городского Совета народных депутатов, первый мэр Москвы. Доктор экономических наук, профессор.

40 Сахаров Андрей Дмитриевич (1921–1989) – советский физик-теоретик, академик АН СССР, один из создателей первой советской водородной бомбы. Общественный деятель, диссидент и правозащитник. Лауреат Нобелевской премии мира за 1975 год за сохранение мира.

41 Собчак Анатолий Александрович (1937–2000) – советский и российский ученый-правовед, доктор юридических наук, профессор, политический деятель, первый и единственный мэр Санкт-Петербурга. Один из создателей Движения демократических реформ.

прошлое, мы с Ходорковским без колебаний поехали в штаб Ельцина, который возглавил борьбу с ГКЧП⁴² в Белом доме⁴³, и провели там все три дня – до завершения фарсового путча. Мы были уверены, что должны находиться именно там.

Кстати, мы очень хорошо представляли, что могли сделать с нами гэкачеписты⁴⁴, если бы путч удался. Не стоило забывать, что хотя в СССР уже несколько лет де-факто существовал «бизнес», до 5 декабря 1991 года в Уголовном кодексе сохранялась статья 153, по которой «частнопредпринимательская деятельность» могла быть наказана ссылкой или лишением свободы на срок до пяти лет с конфискацией имущества. Мы это знали с первых дней существования МЕНАТЕПа, но продолжали работать. Когда было объявлено чрезвычайное положение, мы трезво рассудили, что нас могут использовать как пешек в будущем суде над демократами: дескать, вот они, союзники и советники «демократов» – банкиры и нувориши, а по существу, обычные уголовники! Нам было известно, что на нас уже собрали целое досье. Кого тогда волновало бы, что за свою работу в правительстве мы не получили ни копейки и не просили от него никакой финансовой поддержки?

42 ГКЧП (Государственный комитет по чрезвычайному положению в СССР) – самозваный орган власти в СССР, просуществовавший с 18 по 21 августа 1991 года. Включал в себя ряд высокопоставленных должностных лиц советского правительства.

43 Белый дом (Дом Правительства Российской Федерации) – административное здание в Москве на Краснопресненской набережной.

44 Члены ГКЧП. Выступили против проводившейся президентом СССР М.С. Горбачевым политики перестройки, а также против подписания нового союзного договора и преобразования СССР в конфедеративный Союз Суверенных Государств, куда планировали войти только девять из пятнадцати союзных республик.

Так что победа Ельцина в борьбе с консерваторами, без сомнения, стала и нашей победой. Мне кажется, что первые дни после путча были лучшими в истории России.

Мы чувствовали себя триумфаторами, мы гордились собой за то, что не испугались танков, и гордились танкистами, которые не стали в нас стрелять. Ведь из всей многомиллионной армии коммунистов никто, ни один человек не вышел защищать коммунистический режим! Значит, сама история была на нашей стороне.

Но впереди была постоянно меняющаяся и приносящая все новые сюрпризы жизнь. В начале декабря 1991 года мы узнали о соглашении, подписанном в Беловежской пуще тремя лидерами – РСФСР, Украины и Белоруссии, – о роспуске СССР и создании Содружества Независимых Государств. Конечно, это не было полной неожиданностью, к тому все шло довольно давно: прибалтийские республики официально говорили об отделении еще с 1989 года, а Грузия не могла простить разгон демонстрации в Тбилиси в 1988-м, когда против митингующих применили саперные лопатки... И все же известие об этом вызвало у меня какую-то горечь и досаду. Опять, подумалось мне, начальство все решило междусобойчиком, запершись от народа в какой-то партийной здравнице-резиденции. Хотя на мартовском референдуме 1991 года более семидесяти пяти процентов принимавших в нем участие проголосовали за сохранение Советского Союза!

25 декабря 1991 года Горбачев выступил по телевизору и заявил о прекращении своей деятельности на посту президента. На следующий день страна, в которой я родился и вырос, за которую сражались мои деды и на которую честно трудились мои родители, перестала существовать. Надо признаться, что ни я, ни большинство населения теперь уже бывшего СССР не вос-

приняли это как «крупнейшую геополитическую катастрофу XX века»⁴⁵. Просто не до того было. Дело надо было делать.

В 1992 году в РСФСР началась приватизация, и мы решили попробовать свои силы в новой для нас области. Мы начали приобретать заводы и фабрики. Мы становились настоящими капиталистами. Такую возможность мы получили потому, что имели деньги для приобретения приватизационных ваучеров⁴⁶ и желание реформировать социалистические предприятия в рыночные.

В том же году в июне вышла в свет небольшая книжка «Человек с рублем». Появилась она потому, что я к тому времени решил изложить наше видение тогдашнего положения страны, представление о перспективах и путях ее развития. Я пригласил журналиста газеты «Правда» Геннадия Вохмянина, который провел серию интервью с Ходорковским и со мной на самые животрепещущие темы той революционной эпохи и подготовил эту публикацию. Читатель того времени однозначно воспринимал название книги как аллюзию на старый советский фильм «Человек с ружьем» – о революционном солдате, олицетворявшем новый класс, пришедший к власти под руководством большеви-

45 В 2005 году в послании Федеральному собранию Путин охарактеризовал распад СССР как крупнейшую геополитическую катастрофу прошлого века.

46 Ваучер – приватизационный чек, государственная ценная бумага целевого назначения, которая могла быть использована при приватизации объектов государственной и муниципальной собственности, жилищного фонда, земельных участков, а также при приобретении акций инвестиционных фондов. Каждый гражданин РФ, в том числе ребенок, имел право получить один приватизационный чек и имел право использовать приватизационные чеки в качестве средства платежа при приобретении в частную собственность объектов приватизации (официально передавался бесплатно, но взималась плата за оформление в размере 25 рублей).

ков в 1917 году. Теперь, в 1992 году, после распада СССР, мы себя ощущали новым классом, призванным строить новую Россию. Вот как отозвалась бизнес-газета «Коммерсантъ», появившаяся в стране только в 1989 году, на эту книгу: «Неортодоксальная идеология авторов, будоражащая невиданной доселе апологетикой капитализма, бросает вызов инертному общественному мнению».

Книга эта представляла собой настоящий гимн капитализму, своего рода либеральный манифест. И в то же время это был рассказ о том, как менялись наше мировоззрение и наша идентичность. Позволю себе привести две цитаты:

«Мы оба прозревали трудно. Оба технари, привыкшие к доказанности и красоте формул. А коммунистические убеждения из логики не выводились, зачастую противоречили и ей, и опытным фактам. Тем более – тезис о преимуществе социализма перед капитализмом. Это была гипотеза, без доказательств, переведенная приказным порядком в ранг аксиом. И гипотеза не выдержала проверки практикой».

«Богатство дает свободу выбора, богатство раскрепощает. Богатство позволяет выбраться из плена обезличенности, иметь то, что отвечает твоим индивидуальным склонностям».

Я прекрасно понимаю, какую злобу и раздражение могла вызвать эта книга в том же 1992 году. В России никогда не любили богатых. При царе не любили купцов, банкиров, зажиточных крестьян, предприимчивых сограждан. В глазах обывателей они были мироедами, жуликами, разбогатевшими на обмане доверчивых обывателей.

Старая русская пословица «от трудов праведных не наживешь палат каменных» точно отражала отношение русского народа и к чужому богатству.

Пословица эта родилась до революции, а в Советском Союзе гражданам десятилетиями внушалось, что богатые люди – идеологические враги, что быть богатым – стыдно. Более того, практически все формы предпринимательства считались уголовными преступлениями. За перепродажу джинсов можно было угодить в тюрьму на несколько лет.

Капиталистическое общество, каким его представляли коммунисты, было миром зла и эксплуатации человека человеком, источником всех войн и бедствий на планете. Это был уходящий реакционный мир, на смену которому шло прогрессивное социалистическое общество. В будущем капитализму не было места!

Еще совсем недавно, в 1987 году, вообще никто не говорил об отмене социализма – провозглашалась необходимость возрождения «ленинских норм», в крайнем случае проведение реформ, подобных послереволюционному НЭПу⁴⁷, и расширение кооперативного движения. И вдруг, буквально спустя пару лет, все поменялось! Привычная картина мира перевернулась: раньше мы строили коммунизм и соревновались с капиталистическим обществом – и вдруг теперь строим капитализм! Только стройка эта выходит боком миллионам бывших советских граждан, которые искренне верили, что как только уйдут коммунисты, то со свободой придет и изобилие. И вот свобода настала,

47 Новая экономическая политика (НЭП) была принята весной 1921 года на X съезде РКП (б). Она сменила политику военного коммунизма и была рассчитана на восстановление народного хозяйства и последующий переход к социализму. Главное содержание: замена продразверстки продналогом в деревне; использование рынка, различных форм собственности; привлечение иностранного капитала (концессии), проведение денежной реформы (1922–1924 годы), приведшей к превращению рубля в конвертируемую валюту. Новая политика быстро привела к восстановлению разрушенного войной народного хозяйства.

но вместо изобилия пришли гиперинфляция, безработица, бандиты и «новые русские»⁴⁸.

Экономические реформы правительства Гайдара⁴⁹ тяжело ударили по большей части населения России.

Сейчас, по прошествии тридцати лет, легко называть 90-е годы «лихими», ругать правительство Гайдара за черствость и невнимание к нуждам простых людей, за ошибки в проведении приватизации и многое-многое другое. Но при этом нельзя забывать, что перед новым поколением реформаторов, а я отношу и себя к таковым, стояла колоссальная задача слома старого, ржавого, неэффективного экономического механизма и построения нового. Буквально на ходу. И этот процесс перехода от социализма к капитализму в 1990-х оказался гораздо менее кровавым, чем революция и Гражданская война в период 1917–1922 годов.

После проведения первых реформ законы капитализма заработали достаточно быстро. В магазинах и киосках появилась еда, за которой совсем недавно граждане стояли в диких очередях, сжимая в руках талоны-карточки. Впервые за много деся-

48 Новый русский (новые русские) – клише, обозначающее представителей социального класса СНГ, сделавших большое состояние в 1990-е годы, после распада Советского Союза. По одной из версий, автором этого выражения был Хедрик Смит, книгу которого «The Russians» (1976) я упоминал ранее. В 1990-м он опубликовал вторую книгу – «New Russians» («Новые русские»).

49 Гайдар Егор Тимурович (1956–2009) – российский либеральный реформатор, государственный и политический деятель, экономист, доктор экономических наук. Один из основных руководителей и идеологов экономических реформ начала 1990-х годов в России. В июне-декабре 1992 года был и.о. председателя Правительства РФ. Под руководством Гайдара начался переход от плановой к рыночной экономике, были проведены либерализация цен, реорганизация налоговой системы, либерализация внешней торговли, начата приватизация.

тилетий открылись границы и можно было ехать куда хочешь, не спрашивая разрешения в райкоме партии. Была проведена приватизация государственного жилья, и миллионы граждан стали обладателями недвижимости. Для меня это было временем свободы, когда (в отличие от нынешней России) каждый день что-то разрешалось, а не запрещалось.

Недавно я перечитывал «Человека с рублем». Конечно, во многом тот манифест был эмоциональным, наивным, а порой и эгоистичным, но ведь это был своего рода опыт откровенного самоанализа нашего нового «я». И, если на то пошло, за прошедшие с того времени почти тридцать лет мои убеждения не сильно изменились. Мой последующий жизненный опыт только укрепил меня в вере в приоритет свободы личности. Несомненно, сегодня я гораздо лучше понимаю многогранность жизни и вряд ли был бы столь же категоричен в некоторых высказываниях. Но я по-прежнему считаю, что смысл жизни – в том, чтобы жить свободно.

ГЛАВА 9. КАК НЕ СТАТЬ «ОЛИГАРХОМ»

В конце 1995 года банк МЕНАТЕП принял участие в приватизации ЮКОСа. К концу 1996 года основные акционеры банка МЕНАТЕП через подконтрольные и связанные с ними компании приобрели мажоритарный пакет акций ЮКОСа. Начался новый этап в истории компании и в нашей судьбе.

ЮКОС не был первым промышленным предприятием, акции которого МЕНАТЕП приобрел в рамках приватизации. Еще до этого под контролем банка МЕНАТЕП было около ста заводов. Построив банк, Ходорковский решил создавать многоотраслевой холдинг. Банк МЕНАТЕП покупал предприятия, но далеко не все подряд, отбор проходил весьма строго. В портфеле активов были предприятия, производившие трубы, титан, стекло, удобрения, цветные металлы. Они играли важнейшую роль в российской промышленности.

Но в самом начале 1990-х о приватизации предприятий, добывающих нефть и газ – стратегическое сырье, никто и не думал. Эти компании составляли сам фундамент российской экономики. Тем не менее году еще в 1994-м один из сотрудников МЕНАТЕПа убедил меня в том, что это случится обязательно и мы должны быть готовы войти в нефтянку.

На предложение обсудить такую возможность Михаил Борисович Ходорковский отреагировал коротко: «Никогда этого не произойдет!» – однако дал добро на разработку такого варианта. Скепсис МБХ объяснялся просто: парламент, в котором тогда коммунисты играли первую скрипку, блокировал дальней-

шую полную приватизацию предприятий в ключевых отраслях промышленности. А отдать частникам вроде нас такие средства производства, как нефтяная промышленность, и вовсе казалось жутким преступлением и бредовой идеей.

К тому времени многие красные директора⁵⁰, фактически управлявшие фабриками и заводами еще с доперестроечных времен, вошли в союз с криминальным миром, и доходы этих предприятий не шли в государственную кассу, а оседали в карманах мафии и местного начальства. Рабочие по полгода не получали зарплату. В бюджете образовалась такая дыра, что у президента Ельцина не оставалось выбора, кроме как одобрить проведение залоговых аукционов в обход Думы. Политически это было равносильно самоубийству, но на другой чаше весов оказалась перспектива банкротства страны. Когда меня сейчас спрашивают: «Ельцин пошел на это, чтобы вы ему помогли на выборах в девяносто шестом году?», я отвечаю: «Нет. Во-первых, тогда он не знал, как мы можем помочь. Во-вторых, это было задолго до выборов».

Сейчас слово «нефтянка» (нефтяная промышленность) ассоциируется с огромными доходами, баснословными зарплатами сотрудников и вообще шикарной жизнью. Но тогда компания ЮКОС находилась в весьма плачевном состоянии: устаревшее оборудование, разваливающаяся инфраструктура, воровство на местах... Да и нефть тогда стоила не 90–150 долларов за баррель, как в 2007–2014 годах, а 17–19 долларов.

50 Красные директора – термин в советской, постсоветской и российской экономике и политике, в настоящее время обозначающий выходцев из советской промышленной и управленческой элиты, директоров предприятий, занявших руководящие должности в советскую эпоху и оставшихся на них после перехода России и стран СНГ к рыночной экономике.

Но самое главное – вместе с огромной компанией мы унаследовали и людей, трудившихся в ней. В зоне нашей ответственности оказались судьбы десятков тысяч рабочих и инженеров и их семей. Мы начали понимать, что такое социальная ответственность предпринимателей. С одной стороны, мы, как владельцы, должны были в самые короткие сроки превратить ЮКОС в эффективную и прибыльную компанию – для чего, среди прочего, приходилось увольнять многих работников. А с другой стороны, мы вынуждены были взять на себя заботу о социальной поддержке целых городов, зависящих от ЮКОСа.

Возьмем тот же Нефтеюганск – своего рода столицу ЮКОСа. Стотысячный город, расположенный в Западной Сибири, в юго-восточной части Ханты-Мансийского автономного округа, на островной территории между двух рукавов Оби. Зимой солнце появляется всего на пару часов и морозы случаются до минус пятидесяти, а летом жара может доходить до плюс тридцати. Вокруг сплошные болота, летом в воздухе висит мошкара. Большие проблемы с качеством водопроводной воды. При Сталине главными строителями подобных городов и фабрик были заключенные ГУЛАГа, потом их сменили энтузиасты и работяги, привлекаемые высокими зарплатами и северными надбавками.

Официальный год рождения Нефтеюганска – 1967-й, хотя первые строения появились тут вместе с первым фонтаном Усть-Балыкского месторождения в самом начале 60-х. При этом советская власть особо не заботилась о качестве жизни людей, добывающих для нее черное золото. Даже в конце 90-х в Нефтеюганске многие семьи нефтяников продолжали ютиться в «балках» – домишках, построенных из двух слоев тонких досочек. А некоторые жили в «бочках» – железных вагончиках, оставшихся с тех же шестидесятых.

Первые годы были очень тяжелыми. Нам приходилось перестраивать производство: закупать новое оборудование, приглашать иностранных специалистов, снижать зарплаты, увольнять людей тысячами – а также брать на себя содержание детских садов, школ и больниц. При этом мы платили муниципальные налоги, но местным властям их всегда не хватало.

В 1998 году, когда случился кризис, нефть подешевела до девяти долларов за баррель. Резко упали доходы бюджета, зарплаты не выплачивались, государство занимало деньги у всех подряд под огромные проценты. Банки не могли выдавать кредиты, и в какой-то момент Россия перестала выполнять не только внутренние, но и внешние финансовые обязательства. Был объявлен дефолт платежей, банки обанкротились, МЕНАТЕП в том числе.

Мы встали перед тяжелой дилеммой: что сохранять – банк или ЮКОС? Тут не платили зарплаты, там налоги. Колоссальные долги как перед сотрудниками, так и перед государством. Для того чтобы спасти и банк, и ЮКОС, у акционеров не было достаточно средств, и ситуация на рынке не позволяла их привлечь. Нам пришлось пойти на банкротство МЕНАТЕПа. В сентябре 1999 года банк был официально признан банкротом. И тем не менее Ходорковский принял принципиальное решение постепенно выплатить все деньги всем вкладчикам разорившегося МЕНАТЕПа – и выплатил. В течение последующих нескольких лет деньги назад получили и государство, и акционеры – физические лица, и вкладчики, что по тогдашним временам было абсолютно беспрецедентно.

Как обычно в таких случаях, в стране была отпущена инфляция. Она стимулировала производство и рост экспорта, цена на нефть поднялась... ЮКОС в течение года выправился, стал прибыльным, начал расти и развиваться. Он приобрел Восточ-

ную нефтяную компанию, которая вошла в его состав. Мы стали богатеть, богатеть, богатеть, и в принципе конца этому росту не было видно. Если бы Ходорковский сохранил нейтрально-позитивные отношения с Путиным, ЮКОС сегодня мог бы стоить сотни миллиардов долларов. Сравнить МБХ с другими олигархами было бы просто смешно. Он мог бы стать гиперолигархом, но предпочел другой путь.

Миша и я

Кстати, о слове «олигарх». Впервые в общественный дискурс оно было запущено в 1997 году Борисом Немцовым. Слово это как-то очень быстро прижилось. Сначала им обозначали «капитанов индустрии» – крупнейших банкиров и предпринимателей: Березовского, Потанина, Фридмана, Гусинского, Ходорковского и других. Потом олигархами стали называть просто богатых людей. В каждой области, в каждом городе появились свои, местные олигархи. Меня до сих пор называют олигархом, но я не люблю этот термин.

Во-первых, по моему убеждению, в России в точном смысле этого слова олигархов не было. Конечно, были очень богатые люди, которые стремились достичь влияния в правительстве и администрации президента. Некоторые, как Березовский, делали все, чтобы засветиться в компании Ельцина, другие, как Ходорковский, в политику особенно не лезли, хотя, безусловно, лоббировали свои интересы легальными способами. Но по большому счету власть в России всегда оставалась в руках новой номенклатуры, административно-бюрократического аппарата.

Во-вторых, я просто как человек не люблю обобщающих терминов и ярлыков, которые на тебя пытаются навесить извне. При слове «олигарх» люди начинают смотреть на тебя как на денежный мешок, как на мага и волшебника, способного исполнить их любые желания.

В июле 1997 года журнал Forbes оценил состояние Ходорковского в 2,4 миллиарда долларов и поместил его во вторую сотню богатейших людей планеты.

Однако, работая вместе с МБХ, я при этом не чувствовал в себе никаких изменений. Я не считал, что мы перешли в категорию небожителей и сверхлюдей, обитателей Олимпа. Я прежде всего воспринимал себя членом суперкреативной команды, которая решает сверхсложные экономические задачи и строит новую Россию. Да и внешне наш образ жизни не особенно изменился. У нас не было дворцов, личных самолетов, яхт. Мы не становились героями светских хроник, с наслаждением прожигающими жизнь.

У нас была своя, последовательная и достаточно жесткая, корпоративная этика. Ни я, ни Ходорковский никогда не любили роскоши. И я всегда верил, что кичиться своим богатством, демонстрировать его – просто неприлично и аморально. Я пом-

нил, что мы вышли из страны, в которой на протяжении многих лет большая часть населения голодала, где под фанфары о социальной справедливости нищенствовали и страдали люди, обделенные всем, даже лекарствами. Мне казалось, да я и сейчас так считаю, что человек должен иметь личные нравственные ограничители потребления.

ГЛАВА 10. ПРОФЕССИЯ: ФИЛАНТРОП

Если бы меня сейчас попросили определить мою нынешнюю профессию, я бы ответил: профессиональный филантроп. Это именно то, чем я занимаюсь «на полную ставку» последние пятнадцать лет. Но так было далеко не всегда. И даже в начале 90-х, когда я уже стал долларовым миллионером, благотворительность не была существенной частью моей жизни. Конечно, я всегда помогал родным и близким. В качестве члена команды МЕНАТЕП участвовал в некоторых наших благотворительных проектах. В частности, я упоминал уже созданный по инициативе Михаила Ходорковского в 1994 году лицей-интернат «Подмосковный», в котором учились дети военнослужащих, погибших в военных конфликтах.

Осознание необходимости быть вовлеченным в общественную деятельность пришло постепенно. Очевидно, вместе с осознанием того, что капитализм сам по себе не может разрешить многие социальные проблемы, да еще и в коррумпированном государстве. Наверное, пересмотреть свое мировоззрение меня подтолкнула наша деятельность, связанная с переустройством ЮКОСа и внедряемыми в связи с этим социальными программами.

Но по-настоящему, на личном уровне я почувствовал необходимость благотворительной деятельности в конце 1990-х – начале 2000-х годов. И стал заниматься благотворительностью не вообще, а именно еврейской. Цдака – благотворительность, филантропия – является одной из основ и главных ценностей иудаизма. А также важной частью еврейской общинной жизни. Нет смысла напоминать о многочисленных заповедях в Библии

о помощи вдовам, сиротам, беднякам. Еврейские мудрецы много рассуждали о том, как их правильно исполнять. Мне очень близко учение Рамбама⁵¹ о восьми ступенях благотворительности в Мишне Тора⁵². Согласно его учению, высшая ступень – это помочь человеку, когда он еще не в нужде, а только на пороге ее. И тогда лучше всего дать ему ссуду или подарок, помочь найти работу, пригласить в компаньоны. Но это сейчас я могу цитировать Рамбама, а тогда приходилось всему учиться с нуля.

В Советском Союзе слово «благотворительность» считалось неприличным. Филантропия, объясняли нам, это своего рода подачка, которой капиталисты откупаются от ограбленного ими же пролетариата. В СССР все проблемы должно было решать справедливое и заботливое государство. Хотя в России в XIX – начале XX века были известны свои великие филантропы – и русские, и еврейские – и существовали традиции благотворительности на самых разных уровнях и в самых разных областях жизни, за годы советской власти эта деятельность была полностью искоренена.

А еврейской общинной жизни в СССР практически не существовало.

Стоит сделать небольшое отступление, чтобы рассказать о возрождении еврейской жизни в России в 90-х годах.

51 Рамбам – акроним от словосочетания «раббену Моше бен Маймон». Маймон (Маймонид, 1138, Кордова, – 1204, Фостат) – крупнейший раввинистический авторитет и кодификатор Галахи, философ, ученый и врач; самый прославленный ученый послеталмудической эпохи.

52 Мишне Тора («Повторение Закона») – один из основных трактатов Рамбама, посвященный галахическому (религиозный закон) кодексу, над которым тот работал в течение десяти лет.

Известно, что община на протяжении веков и тысячелетий была основной формой существования евреев в диаспоре. Каждая община представляла собой сложный социальный феномен со своими институтами, традициями, обычаями и т.д. Именно община на протяжении веков позволяла сохраняться еврейскому народу и еврейской культуре в изгнании. Она же выступала посредником между индивидуумом и внешним миром.

Начиная с XIX века община начала утрачивать свою власть над отдельным человеком, но в демократических странах и сейчас, в новое либеральное время, обновленная еврейская община остается важным фактором сохранения еврейского народа.

А в стране, где вырос я и жили миллионы евреев, еврейская община отсутствовала! Советская власть долго и последовательно уничтожала общинную жизнь.

Некоторые элементы общинной жизни можно было найти у грузинских, горских и бухарских евреев, но в целом, кроме синагог и еврейских кладбищ, еврейского в СССР в мое время не было ничего! Ни еврейских школ, ни еврейских культурных центров, ни еврейских театров, ни спортивного общества «Маккаби». Да и синагог в 70-х годах на весь Союз насчитывалось всего шестьдесят две (а в России – семнадцать).

Когда в конце 80-х годов в СССР началась перестройка и контроль государства над религиозной жизнью ослаб, для советских евреев вопрос о возрождении общины еще не был актуален. Большинство из них в те годы не ринулись строить синагоги и создавать культурные центры, а стали паковать чемоданы и уезжать из разваливающегося Союза. В 1989–1990 годах в Израиль репатриировались более двухсот тысяч бывших советских граждан, при этом лишь за декабрь 1990 года сюда прибыло тридцать пять тысяч человек.

Тогда казалось, что пройдет еще несколько лет, и евреев совсем не останется в России! Работники «Сохнута»⁵³ и «Натива»⁵⁴, занимавшиеся репатриацией евреев из СССР, шутили: «Последний еврей должен погасить за собой свет». Казалось, что будущее советских евреев есть только в Израиле (тем более что в конце 1988 года Америка закрыла двери перед массовой еврейской эмиграцией из СССР).

Но, как это часто бывает в истории, прямолинейные экстраполяции и арифметические расчеты не сработали.

Действительно, в некоторых частях бывшего СССР евреев практически не осталось. Прежде всего в так называемых горячих точках: Таджикистане, Абхазии, Чечне. Но в России, на Украине, в странах Прибалтики жизнь постепенно стабилизировалась. Начала улучшаться не только экономическая ситуация, но, что не менее важно, политическая. Эти страны становились демократическими и капиталистическими. На практике это означало, что все больше и больше людей начинали заниматься частным предпринимательством: открывали свои маленькие фирмы, шли на службу в филиалы иностранных компаний, инвестировали в ценные бумаги. Открылись границы, и те евреи, которые еще в 1989 году провожали своих друзей и родственников в Израиль без надежды

53 «Сохнут» – Еврейское агентство (Ха-Сохнут ха-иехудит ле-Эрец-Исраэль), международная организация, осуществляющая связь между евреями Эрец-Исраэль и стран рассеяния в деле развития и заселения страны.

54 «Натив» – израильское государственное учреждение, подчиняющееся министерству главы правительства (другое название – Лишкат ха-кешер – «Бюро по связям»), созданное по инициативе Давида Бен-Гуриона в 1952 году для связи с евреями Советского Союза и стран Восточной Европы, координации борьбы за их право на репатриацию и организации их выезда в Израиль.

на скорую встречу, всего через два-три года начали ездить к ним в гости. Проведя в Израиле пару недель, они возвращались, нагруженные подарками и сувенирами. Появилось ощущение, что такая свободная жизнь – всерьез и надолго.

Кроме того, выяснилось, что в бывшем Советском Союзе остается довольно много евреев, которым просто нравится жить в России, на Украине и в других республиках. Они привыкли к своему быту, были тяжелы на подъем, не хотели покидать знакомую с детства среду, тем более что в начале 1990-х из Израиля приходили вести о безработице, дорогом жилье, жаре и арабском терроре.

И тогда лидерами и активистами стали не отказники и сионисты – те покинули СССР еще в конце 80-х, – а евреи, которые верили, что в новой демократической России можно сохранить национальную идентичность и свободно жить еврейской жизнью. Такие энтузиасты нашлись практически во всех крупных городах бывшего Советского Союза. Некоторые из них занимались еврейской деятельностью еще в советские годы в подполье или в полуподполье. Например, в Москве с 1981 года действовала Еврейская историко-этнографическая комиссия, в которую входили Мика Членов⁵⁵,

⁵⁵ Членов Михаил Анатольевич (1940) – советский и российский этнограф, востоковед и общественный деятель. Кандидат исторических наук, профессор, декан филологического факультета Государственной классической еврейской академии имени Маймонида в Москве; заместитель директора Центра иудаики и еврейской цивилизации при Институте стран Азии и Африки МГУ им. М. В. Ломоносова.

Лев Минц⁵⁶, Рашид Капланов⁵⁷, Абрам Торпусман⁵⁸... Другие увлеклись еврейской историей, культурой, традициями уже тогда, когда это стало безопасно и не влекло никаких административных последствий. Так по всему бывшему Советскому Союзу стали появляться еврейские культурные центры, еврейские библиотеки, еврейские журналы и газеты, еврейские детские сады и еврейские школы. В 1991 году новички и ветераны еврейского движения в СССР собрались в Москве на Первый съезд Ассоциации еврейских организаций и общин (ВААД). Главный вопрос звучал так: уезжать или оставаться? Многие участники того съезда, даже те, кто призывал к отъезду в Израиль, так и остались в республиках бывшего Союза.

Вначале все выглядело более чем скромно и полюбительски. Но постепенно о возрождении еврейской жизни в СНГ узнали западные организации и фонды, прежде всего JDC («Джойнт»), The AVI CHAI Foundation (фонд «Авихай»⁵⁹),

56 Минц Лев Миронович (1937–2011) – советский и российский этнограф, педагог, журналист и писатель. Кандидат исторических наук.

57 Капланов Рашид Мурадович (1949–2007) – российский историк, этнограф, лингвист, преподаватель. Председатель Российского еврейского исторического общества, президент Европейской ассоциации иудаики, сотрудник Института всеобщей истории РАН. Во времена СССР входил в полулегальную Еврейскую историко-этнографическую комиссию.

58 Торпусман Абрам Наумович (1940) – советский и израильский филолог, историк, антропонимист. Автор гипотезы о славянских именах в Киевском письме. С 1969 по 1985 год работал библиографом во Всесоюзной книжной палате. Участвовал в нелегальной еврейской и сионистской деятельности, был одним из создателей Еврейской историко-этнографической комиссии.

59 Avi Chai Foundation – крупнейший частный фонд, созданный в 1984 году известным успешным инвестором Залманом Бернштейном.

UJA-Federation of New York (Федерация еврейских общин Нью-Йорка)⁶⁰ и многие-многие другие. Иностранные организации приносили с собой не только деньги, но и опыт, а также свое видение того, как устраивать еврейскую общинную жизнь. Чертежи этой жизни создавались, как правило, с нуля, импровизационно и с вдохновением. В условиях, когда за плечами нескольких поколений советских евреев стояли десятилетия гонений, ограничений и декультуризации, зачастую российские евреи сами не знали, что им нужно. Некоторые проекты, как, например, благотворительное общество Хэсэд, созданное при поддержке «Джойнта», оказались очень успешными. Другие, в частности еврейские школы, довольно энергично возникавшие в 90-х годах, со временем утратили свою популярность.

То есть еврейская жизнь начала бурлить, становиться разнообразной и даже отчасти модной, престижной и интересной не только для еврейских интеллигентов, но и для новых еврейских предпринимателей. У общины стали появляться свои филантропы и свои лидеры.

Здесь стоит отметить огромную заслугу Владимира Гусинского, тогда – одного из самых богатых людей России, медиамагната, владельца популярнейшего телеканала НТВ. В 1996 году он создал Российский еврейский конгресс (РЕК). Цель этой организации была объединить еврейских лидеров, деятелей куль-

60 UJA-Federation of New York (United Jewish Appeal) – одна из крупнейших благотворительных организаций в мире, создана в 1986 году. Предоставляет финансирование для поддержки сети из почти ста медицинских, социальных, образовательных и общественных агентств, а также десятков грантополучателей в Нью-Йорке, Израиле и семидесяти других странах.

туры и искусства и еврейских предпринимателей для развития и укрепления всех форм общинной жизни.

Одним из первых проектов Российского еврейского конгресса стало возведение в 1996 году еврейского мемориального комплекса на Поклонной горе в Москве, где расположен Парк Победы, посвященный победе Советского Союза в Великой Отечественной войне. В этом парке находятся православный храм Георгия Победоносца, Мемориальная мечеть, а также Мемориальная синагога – в память о шести миллионах евреев, уничтоженных во время той войны. В цокольном этаже синагоги разместился первый в современной России музей еврейской истории – Музей еврейского наследия и Холокоста. В его экспозиции хранятся уникальные экспонаты, переданные многими российскими музеями и архивами.

Это было очень правильным решением – именно память о Холокосте и интерес к еврейской истории определяли еврейскую коллективную идентичность в те годы. Строительство еврейского мемориального комплекса полностью финансировал Российский еврейский конгресс. Мемориальный комплекс построили менее чем за два года, и на его торжественное открытие прибыл президент РФ Борис Ельцин. Учреждение РЕКа, который сразу же реализовал такой знаковый проект, стало важным этапом в истории российских евреев и своего рода качественным преобразованием еврейской общины. Но это я понимаю сейчас, а в 1995 году, когда Володя Гусинский пригласил меня стать вице-президентом, я вежливо отказался. И не потому, что мне не нравилась идея быть вторым номером, а просто на тот момент эта деятельность мне еще не казалась привлекательной и актуальной. Да и времени на общественную работу особого не было: мы только что приобрели ЮКОС и решали одновременно тысячи неотложных проблем.

Отдельно надо сказать о раввинах, которые с конца 80-х – начала 90-х начали прибывать в Советский Союз, вскоре ставший бывшим. Советские евреи в подавляющем большинстве своей религией не интересовались. Еврейской историей, культурой, искусством, Израилем – да. Но вера, исполнение религиозных предписаний (мицвот), диетарных законов (кашрут) и заповедей о Субботе (шаббат) – все это было чуждым, ограничивающим свободу, чем-то из другой, давно ушедшей жизни.

Более того, можно отметить удивительный феномен того времени. Довольно много евреев в новой, демократической, обеспечивающей свободу вероисповедания России выбрали для себя не иудаизм, а христианство. Возможно, это объясняется любовью к классической русской литературе и искусству, пронизанным православием, а возможно, желанием полностью приобщиться к жизни в новой России – своего рода выражением преданности стране, которая в начале 90-х отменила в паспортах ненавистную «пятую графу» – национальность. Я хочу напомнить, что в СССР «национальность» являлась практически расовой категорией. В царской России таковой не существовало, в паспортах указывалось вероисповедание, и если еврей переходил в православие, он формально становился равноправным гражданином. Но если в Советском Союзе еврей принимал крещение, он не только оставался евреем, но и становился «верующим», то есть еще более подозрительным гражданином с точки зрения властей.

В новой России, пожалуй, впервые в истории выбор религии, веры, образа жизни стал свободным правом каждого человека. Я был знаком со многими евреями, которые сознательно выбрали православие. Например, в конце 80-х многие связанные с IT знали Сеню Соколовского – одного из лучших программистов Москвы. Еще Сеня был знаменит как астролог, точнеешим образом опи-

сывающий характер человека и даже предсказывающий его судьбу посредством разработанной им компьютерной программы. И вдруг Сеня пропал. Через какое-то время я узнал, что он забросил и компьютеры, и астрологию, окончил православную семинарию и теперь служит в деревенской церкви далеко от Москвы.

Другой пример – это Борис Березовский⁶¹, олицетворявший для миллионов образ пробивного еврея, который тем не менее называл себя православным и иногда посещал церковь.

Так вот, вернемся к раввинам. Очевидно, им страны СНГ, в которых на начало 90-х еще проживало около миллиона евреев, представлялись чем-то вроде «дикого Востока», где местных евреев следует если не покорять, то просвещать и привлекать к еврейской жизни.

И тогда в Россию начали прибывать раввины – из Израиля, США, Италии, Швейцарии – отовсюду. Как правило, это были молодые энергичные люди, готовые нести служение в тяжелых условиях российского быта. Причем многие из них рассматривали свой визит не как временную командировку, а как переезд на постоянное место жительства. Так, нынешний главный раввин Хабада Берл Лазар начинал свою службу в синагоге в Марьиной Роще, когда ему едва исполнилось двадцать шесть лет. В таком же возрасте приехал в Москву в 1989 году из израильского города Нацрат-Илит Пинхас Гольдшмидт, ставший потом главным раввином

61 Березовский Борис Абрамович (1946–1913) – советский и российский предприниматель, государственный и политический деятель, ученый-математик, физик, автор ряда научных трудов и монографий, доктор технических наук, профессор. Был близок к окружению президента России Бориса Ельцина. С осени 2000 года стал выступать открытым политическим оппонентом Путина и был вынужден покинуть Россию, утратив контроль над своими российскими активами.

Москвы и председателем раввинского суда. Эти молодые люди сумели установить хорошие контакты и с местными евреями, и с администрацией на самых разных уровнях. Вместе с активистами они добивались возвращения синагог, закрытых советской властью и превращенных в склады и спортзалы. Они разворачивали вокруг синагог общественную деятельность: открывали детские сады, проводили благотворительные мероприятия, привлекая все больше и больше «прихожан». Нет, большинство, если не сказать подавляющее большинство российских евреев так и не стали соблюдать заповеди – но тем не менее всего за десять лет в России появилось более двухсот еврейских религиозных общин! Правда, как часто случается в еврейском мире, объединились они не в одну федерацию, а в две. Общины, связанные с Хабадом, – в ФЕОР (Федерацию еврейских общин России), во главе которой стоит нынешний главный раввин России Берл Лазар, а общины ортодоксального толка – в КЕРООР (Конгресс еврейских религиозных организаций и объединений в России), который возглавляет другой главный раввин России – Адольф Шаевич.

Я считал существование двух «конкурирующих» организаций положительным фактором, дающим верующим евреям свободу выбора. Мне казалось, что «должны расцвести все цветы». Что в России обязательно должны быть не только ортодоксальные иудеи, но и представители современных течений в иудаизме – реформисты и консерваторы.

Но именно благодаря высокой активности ортодоксальных еврейских организаций в нынешней России появился «новый старый» стереотип еврея – не застенчивый очкарик с характерным носом, а лихой танцующий хасид.

В 2000 году ко мне пришли главный раввин России Адольф Шаевич и раввин Пинхас Гольдшмидт, которые представляли

Конгресс еврейских религиозных организаций и объединений в России. КЕРООР был первым объединением еврейских религиозных общин в стране, ему предшествовал созданный еще в 1989 году Всесоюзный совет еврейских религиозных общин (ВСЕРО), который возглавлял главный раввин СССР Адольф Шаевич. Про Шаевича я знал еще с перестроечных времен, а вот Пинхаса Гольдшмидта увидел впервые.

Где я и где синагога? В советскую эпоху я не встречал ни одного религиозного еврея, никогда не бывал в синагоге, а вся еврейская традиция в семье сводилась к маце. Но гости произвели на меня самое благоприятное впечатление. Беседу они вели достойно, не заискивали, объяснили, какие задачи стоят перед конгрессом. Я увидел настоящих профессионалов, озабоченных не собственным благополучием, а процветанием общины. Мне предложили возглавить КЕРООР. Я подумал и согласился. А в апреле 2000 года в КЕРООР прошли выборы и меня избрали председателем Координационного совета.

При этом я не хотел быть свадебным генералом и богатым благодетелем. Я начал изучать Тору, традиции, различные течения в иудаизме, иногда ходил в синагогу и старался быть в курсе деятельности конгресса.

Главной задачей того времени было воспитание кадров. За первое десятилетие с начала перестройки количество зарегистрированных еврейских общин в России резко выросло, а вот раввинов, да еще и говорящих по-русски, катастрофически не хватало. В самой России тогда было совсем немного иешив, а при советской власти их совсем не было: Шаевич, к примеру, получил еврейское образование в Раввинской семинарии в Будапеште в конце 70-х годов. Выход был найден в привлечении к раввинской службе бывших советских граждан, которые со-

вершили репатриацию (алию) в Израиль, получили там религиозное образование и даже успели послужить в местных синагогах. Подход оказался верным.

Парадокс: эмиграция в Израиль способствовала возрождению еврейской религиозной жизни в России. С моей точки зрения, это – прекрасная иллюстрация того, насколько взаимоотношения между Израилем и диаспорой нелинейные и многогранные.

Так сложилось, что многие олигархи были евреями. Да и не только олигархи. «Еврейскую составляющую» можно было легко обнаружить и у многих реформаторов того времени: Явлинского⁶², Чубайса⁶³, Немцова⁶⁴, Гайдара. Естественно, антисемиты, например, из газеты «Завтра», просто вибрировали от злобы, печатали антисемитские карикатуры и с ненавистью писали о мировом еврейском заговоре, о России, распродаваемой инородцами, и тому подобную чушь. Но в 90-е годы эти люди представляли собой достаточно маргинальную группу,

62 Явлинский Григорий Алексеевич (1952) – советский и российский государственный и политический деятель, экономист, бывший депутат Государственной думы. Занимал ряд самых высоких государственных постов еще во времена СССР. Лидер политической партии «Яблоко». Доктор экономических наук.

63 Чубайс Анатолий Борисович (1955) – советский и российский политический, государственный и хозяйственный деятель, экономист. С ноября 1991 года с небольшими перерывами занимал различные ключевые посты в российском государстве и государственных компаниях. Один из идеологов и руководителей экономических реформ в России 1990-х годов и реформы российской электроэнергетической системы в 2000-х годах.

64 Немцов Борис Ефимович (1959–2015) – российский политик, государственный и общественный деятель, бизнесмен. Член Бюро Федерального политсовета Объединенного демократического движения «Солидарность», сопредседатель политической партии «Республиканская партия России – Партия народной свободы», член Координационного совета российской оппозиции.

не находившую поддержки ни в администрации президента, ни в правительственных кругах. Да и народу было не до рассуждений о коварных евреях.

Самое главное, что государственного антисемитизма, этого невидимого пресса, с которым каждый из нас был хорошо знаком с детства, больше не существовало! Слова «еврей» и «еврейский» перестали быть неприличными. Впервые за много десятилетий мы стали ощущать себя равными гражданами России. И тот факт, что в условиях демократии и базовых свобод именно евреи так быстро достигли зримых успехов, был самым убедительным для меня доказательством таланта и пассионарности еврейского народа, которые раскрылись в новой свободной стране. Тогда я верил, что так теперь будет всегда.

Но уже в конце 90-х понемногу, незаметно в стране начались кардинальные перемены, которые тогда еще не воспринимались как начало пути по построению вновь тоталитарного государства.

Первой жертвой этой политики стал президент РЕКа Владимир Гусинский. Я не хочу сказать, что его преследовали и что ему пришлось бежать из страны из-за своей национальности. Володя не устраивал «семью»⁶⁵ не только из-за своего неуживчивого характера, непредсказуемого поведения и неспособности договариваться. Главное, что Гусинский располагал бесценным информационным ресурсом – самым популярным и авторитетным

65 Так называли узкую группу лиц, приближенную к дочери Ельцина Татьяне Дьяченко и имеющую реальное влияние на все решения, принимаемые президентом. С 1996 года «семья» практически подменила собой Ельцина – больного, недееспособного, пьющего.

телеканалом НТВ. А власть на примере выборов 1996 и 2000 годов прекрасно понимала, каким мощным оружием являются медиа. Поэтому и было решено сосредоточить их в одних руках, под полным контролем государства.

Следующим пострадал Борис Березовский.

О ползучем процессе тоталитаризации я расскажу дальше, а здесь отмечу, что с середины 2000 года Российский еврейский конгресс остался без своего президента и фактически без главного спонсора.

Такое странное положение продолжалось больше полугода, никто из Совета директоров РЕКа не хотел занимать эту должность. А в феврале 2001-го ко мне пришел совладелец консорциума «Альфа-Групп» Михаил Фридман⁶⁶ и предложил баллотироваться на этот пост. Я подумал, посоветовался с Ходорковским и согласился, прекрасно сознавая, во что ввязываюсь. Тем более что к тому времени у меня уже накопился некий опыт еврейской общественной деятельности в КЕРООРе, я участвовал в нескольких заседаниях РЕКа и у меня уже постепенно стал даже складываться план преобразований этой организации.

В марте 2001 года меня избрали исполняющим обязанности президента РЕКа, а чуть позже утвердили президентом.

РЕК действовал по простой схеме: состоятельные филантропы, входившие в бюро президиума, регулярно вносили деньги на развитие общинной жизни в России. В президиум

66 Фридман Михаил Маратович (1957) – российский предприниматель, миллиардер. Совладелец и председатель наблюдательного совета консорциума «Альфа-Групп», член наблюдательного совета VimpelCom Ltd., член бюро правления Российского союза промышленников и предпринимателей, учредитель и член бюро президиума Российского еврейского конгресса.

входили несколько самых богатых и успешных российских евреев: Борис Хаит⁶⁷, Виталий Малкин⁶⁸, Михаил Фридман и другие, чей вклад в бюджет РЕК выражался в достаточно серьезных суммах. Но главным спонсором бюджета конгресса, который в 2001 году составлял более пяти миллионов долларов, являлся его президент. Так было заведено Гусинским, и я продолжил эту традицию.

Помимо состоятельных людей в органы правления входили многие известные ученые, артисты, адвокаты, журналисты и раввины. Чем филантропическая деятельность привлекала всех этих людей? Конечно, так они получали возможность устанавливать связи и знакомства с новой элитой страны. Но думаю, это было не главное. Прежде всего они хотели почувствовать себя причастными к некоему еврейскому братству, о котором многие слышали, но с которым практически никто не сталкивался в своей жизни. Ведь одним из последствий уничтожения еврейской общины в СССР стала разобщенность советских евреев, их изоляция, не было ощущения солидарности и братства, хотя именно в этом «тайном сговоре» антисемиты всегда обвиняют евреев. Иногда мне кажется, что советские евреи впервые увидели массовое скопление сво-

67 Хаит Борис Григорьевич (1951) – российский предприниматель, член совета директоров ОАО «СГ Спасские ворота», вице-президент Российского еврейского конгресса.

68 Малкин Виталий Борисович (1952) – российский государственный и политический деятель. Бывший член Совета Федерации, занимал ряд высоких государственных должностей. Член совета Ассоциации российских банков, бывший президент ОАО «Банк «Российский кредит»», основной владелец ОАО «Импекс-банк». Создатель благотворительного фонда «Эра». В настоящее время не занимается политической деятельностью и проживает за пределами России.

их собратьев в одном месте в конце 80-х годов – в огромной очереди в голландское посольство, которое выдавало визы в Израиль.

Советский еврей инстинктивно старался не выпячивать свою национальность и избегал разговоров на еврейские темы. И вдруг в 90-х годах все изменилось: больше не было стыдно быть евреем! Более того, это даже стало престижным – ведь именно евреи могли запросто получить визу в Израиль, который вскоре стал какой-то братской республикой России: казалось, что уже у каждого в Израиле живут или родственники, или друзья.

РЕК тогда играл очень важную роль именно в повышении самосознания евреев, в легитимации и укреплении еврейской позитивной идентификации. Торжественные публичные мероприятия с участием первых лиц страны и столицы, концерты, фестивали и спектакли в лучших залах Москвы – все это должно было транслировать одно послание: не стесняйтесь быть евреями, не сидите в одиночестве, приходите к нам.

Во многом именно эта миссия конгресса – стать институцией, меняющей представление российских евреев о себе и своем месте в новой России, – и определяла его деятельность.

Я не буду перечислять все проекты, которые реализовал РЕК в 2001 году, – у меня сохранился список программ и мероприятий, который занимает более двадцати страниц. Мы действительно много работали, и спектр нашей деятельности был очень широк – от поддержки еврейских общин, школ и детских садов до издания книг о еврейской культуре и истории и поддержки знаменитого Хора Турецкого. Особое место занимали проекты, связанные с увековечиванием памяти жертв Холокоста и праведников мира. Российским евреям тема Холокоста и подвига в Великой Отечественной войне, которая

практически замалчивалась при советской власти, была особенно близка. В каждой еврейской семье кто-то либо воевал, либо был в эвакуации, либо погиб в Катастрофе. Да и моя семья не была исключением.

Отдельно хочу рассказать о реставрации Московской хоральной синагоги. С этим проектом я был связан еще в КЕРО-ОРе и продолжил им заниматься в РЕКе. Реставрация исторического облика хоральной синагоги, начавшаяся в феврале 2001 года, была совместным проектом РЕКа, «Джойнта» и Еврейской общины Москвы.

Синагогу в Спасоглинищевском переулке начали строить в 1887 году, и ее оригинальный проект предполагал купол в стиле европейских синагог XIX века. Рассказывают, что как-то мимо проезжал генерал-губернатор Москвы князь В. А. Долгоруков. Он увидел купол, сослепу решил, что это православная церковь, и перекрестился. И долго потом плевался, когда ему объяснили, что это была совсем не церковь.

Впрочем, это, скорее всего, анекдот. А вот исторический факт. После «жалобы» обер-прокурора Святейшего синода Константина Победоносцева на то, что синагога с куполом оскорбляет чувства верующих (кстати, кто бы мог подумать, что в 2013 году в «свободной» России будет принят закон «о противодействии оскорблению религиозных убеждений и чувств граждан»!), купол был разобран, а заодно с фронтона здания убрали изображение скрижалей Завета.

Хоральная синагога продолжала существовать все годы советской власти, хотя еще в 1923 году Еврейский комиссариат (был и такой) издал указ о ее закрытии. С ней связано одно очень важное событие в истории российских евреев. 11 сентября 1948 года ее посетила первый посол Израиля в СССР

Голда Меир⁶⁹. В тот день сотни восторженных московских евреев окружили Голду – этот исторический момент был зафиксирован на десятишекелевых купюрах, которые сегодня, к сожалению, уже выведены из обращения. Считается, что эта демонстрация еврейской солидарности разгневала товарища Сталина и послужила одним из поводов для антисемитских кампаний, проводившихся им в 1948–1953 годах... В 2001 году зданию синагоги был возвращен купол, увенчанный звездой Давида, а на одной из скамей в молельном зале появилась табличка, сообщавшая, что это – место Голды Меир.

Но большинство проектов, которые я упомянул ранее, были продолжением деятельности, начатой еще при Гусинском. Я же пришел со своим видением развития и расширения деятельности РЕКа и всей российской еврейской общины.

Я считал, что мы должны изменить и свою роль, и свое место среди глобального еврейского народа. Надо признать, что в 90-х годах большая часть средств, направляемых на развитие еврейской жизни в СНГ, поступала из-за границы – из Израиля, США, Англии. В России появилась новая «еврейская профессия» – написание запросов на гранты (proposals), составление отчетов и благодарственных писем, главным образом на английском языке. Каждый еврейский профессионал знал, что такое «фандрайзинг». Но я верил в то, что мы должны перестать выглядеть бедными родственниками и объектами иностранной благотворительности.

69 Меир Голда (1898–1978) – израильский политический и государственный деятель, четвертый премьер-министр Израиля, министр внутренних дел Израиля, министр иностранных дел Израиля, министр труда и социального обеспечения Израиля.

Вместе с Ариэлем Шароном, премьер-министром Израиля с 2001 по 2006 год

Создание Российского еврейского конгресса стало важным шагом в этом направлении. Но это было лишь начало. Я мечтал о том, чтобы российские евреи чувствовали себя частью всего еврейского народа. Я считал, что мы, российские еврейские лидеры, должны развивать партнерские отношения с Израилем, международными еврейскими организациями и нашими коллегами в США, Великобритании и других странах. Я верил, что российские евреи становятся достаточно богатыми, чтобы не просто давать деньги на синагоги и школы в России, но и инициировать и финансировать международные проекты в Израиле и не только.

Именно на расширение связей между российским еврейством и еврейским народом была направлена моя деятельность как президента РЕКа.

Я очень хорошо помню свой первый визит в Израиль в качестве нового президента конгресса. Я встречался со многими

официальными лицами, но особенно мне запомнились встречи с премьер-министром Ариэлем Шароном и с Салаем Меридором – председателем Еврейского агентства «Сохнут».

В самом начале нашей встречи Шарон попросил меня перейти на русский язык, который он прекрасно понимал, но предпочитал на нем не говорить. Он мне объяснил, что слышал в своем доме русскую речь с самого детства, что мама пела ему русские колыбельные и он любит саму мелодику русской речи. Тогда меня приятно удивил неформальный характер нашего общения. Шарон искренне интересовался происходящим в еврейской общине в России, подробно расспрашивал меня о проблемах безопасности, об эмиграционных настроениях, о планах конгресса. Вскоре мне выпала честь принимать Шарона и его сыновей в Москве у себя, в Российском еврейском конгрессе.

Салай Меридор произвел на меня не менее яркое впечатление. Я увидел настоящего визионера и в какой-то степени родственную душу. Салай считал главной задачей не только Еврейского агентства «Сохнут», но и вообще всех еврейских лидеров способствовать укреплению связей между еврейскими общинами и Израилем. Он мне подробно рассказал о новых международных проектах, инициированных «Сохнутом», и я стал одним из первых спонсоров программ «Таглит», «Маса» и «Натив»⁷⁰. Позже он меня вовлек в деятельность учрежденного им Института планирования политики еврейского народа (JPPI).

70 Программы для еврейской молодежи в Израиле и за рубежом. О программе «Таглит» (Taglit-Birthright) более подробно на следующих страницах; «Маса» (Masa Israel Journey) – программа обучения иностранных студентов в израильских вузах; «Натив» – программа подготовки военнослужащих-неевреев Израильской армии обороны к переходу в иудаизм.

Эти встречи очень повлияли на меня. В Израиле я увидел не ловких политиков, а настоящих государственных деятелей со своими убеждениями, не циничных, а искренне верящих в дело, которому они служат. Разница между многими российскими политиками, которых я хорошо изучил, и этими людьми была огромной. Возможно, я тогда был немного наивен в своей восторженности, но я и сейчас считаю, что такие люди, как Ариэль Шарон, Шимон Перес⁷¹, Салай Меридор, и некоторые другие, с которыми я здесь познакомился, принадлежали к уходящей эпохе. Увы, в нынешней израильской политике таких почти не осталось.

Из Израиля я вернулся вдохновленный и полный новых планов. Я установил партнерские отношения с агентством «Джойнт», с которым мы начали строительство еврейского общинного центра на Никитской. В том же 2001 году я открыл московское представительство Керен ха-Йесод⁷², а после встречи в Москве с делегацией Иерусалимского университета, возглавляемой профессором Менахемом Бен-Сасоном, открыл и возглавил Общество друзей Иерусалимского университета.

Как президент Российского еврейского конгресса я начал общаться и с мировыми еврейскими лидерами из разных стран. Особенно мне запомнилась встреча в США, на которой присутствовали ведущие еврейские филантропы и руководители

71 Перес Шимон (1923–2016) – израильский политик и государственный деятель. Девятый президент Государства Израиль.

72 Керен ха-Йесод (дословно «Учредительный фонд») – главный финансовый орган Всемирной сионистской организации и Еврейского агентства, собирающий пожертвования для Израиля и действующий в сорока пяти странах. Учрежден на Всемирном сионистском конгрессе в 1920 году. Фонд взял на себя функцию, связанную с заселением Земли Израиля.

крупнейших еврейских организаций – Эдгар Бронфман⁷³, Рон Лаудер⁷⁴, Ашер Острин⁷⁵, Израэль Зингер⁷⁶ и многие другие. С первой минуты между нами установились теплые доверительные отношения. Я сразу почувствовал не просто симпатию с их стороны, а отношение к себе как к некоему символу того, что их многолетняя борьба за советских евреев не прошла зря. В конце концов антисемитский и антиссионистский Советский Союз перестал существовать, те, кто хотел уехать в Израиль, уехали, а те евреи, что решили остаться в России, строят свою общину и даже выдвигают из своей среды новых лидеров и филантропов.

Сейчас я понимаю, что Российский конгресс давал некую легитимацию и самим еврейским лидерам в США, показывая, что в свободном демократическом государстве можно быть евреем и сионистом, поддерживая Израиль, но продолжая жить в другой стране. А во мне то ощущение международного еврейского братства и поддержки со стороны еврейских лидеров лишь усиливало уверенность, что я правильно выбрал стратегию конгресса на расширение международного партнерства.

73 Бронфман Эдгар (1929–2013) – американско-канадский бизнесмен и филантроп. Президент Всемирного еврейского конгресса (World Jewish Congress, 1981–2007). Принимал активное участие в борьбе за право советских евреев на выезд в Израиль, а также выступал за возрождение еврейской жизни в бывшем Советском Союзе.

74 Лаудер Рональд (1944) – американский предприниматель, еврейский общественный деятель и филантроп. С 2007 года – президент Всемирного еврейского конгресса. В 2012 году вошел в состав бюро президиума Российского еврейского конгресса.

75 Острин Ашер – директор программ «Джойнта» в странах бывшего Советского Союза.

76 Зингер Израэль (1942) – генеральный секретарь Всемирного еврейского конгресса (WJC) с 1986 по 2007 год.

К сожалению, моя международная активность шла вразрез с предыдущей идеологией и установившейся политикой РЕКа. Гусинский и его замы, крупные бизнесмены, предпочитали за свои деньги делать проекты для своих и в России, а курс на вовлеченность в еврейские дела по всему миру особого отклика в их душах не вызывал.

Ярким примером такого подхода к благотворительности был Евгений Сатановский⁷⁷, который в 2001 году сменил меня на посту президента РЕКа. Сатановский пользовался репутацией просвещенного в еврейской науке человека, отвечал за академические проекты РЕКа, которые считал своей вотчиной. Раз в год он приносил в бухгалтерию РЕКа дипломат с пачками долларов, показывал эти доллары бухгалтеру, называл сумму содержимого, просил зачислить эту сумму на счета конгресса, после чего... закрывал свой чемоданчик и уносил его с собой.

Мое видение деятельности конгресса требовало дополнительного финансирования на проекты, которые они не считали первоочередными. А я не верил, что в России можно по-новому выстраивать общинную жизнь в изоляции, игнорируя партнерство с Израилем и международными еврейскими организациями. Именно такое партнерство на равных должно было послужить толчком к изменению потребительской и иждивенческой ментальности, которая, увы, столь присуща многим российским евреям.

77 Сатановский Евгений Янович (1959) – российский ученый-востоковед и экономист, один из ведущих экспертов в области политики и экономики Израиля, а также других стран Ближнего Востока. Основатель и президент научного центра «Институт Ближнего Востока». Кандидат экономических наук, профессор.

Кроме всего прочего, курс общественного развития начал меняться. Путин – это не Ельцин. Постепенное сворачивание свобод в России привело меня к мысли, что евреи все-таки должны жить в Израиле или в странах с развитой демократией, а заниматься развитием еврейской жизни в недемократической стране – значит подвергать своих соплеменников ненужным рискам. Нести персональную ответственность за коллективные действия членов конгресса мне уже не хотелось, и меньше чем через год мы разошлись, оставшись друзьями.

...Прошло восемнадцать лет, как я ушел с поста президента Российского еврейского конгресса. Сколько сейчас живет евреев в Российской Федерации, никто точно не знает. Согласно переписи 2010 года их там проживало 157,8 тысячи. Можно предположить, что по прошествии десяти лет осталось меньше ста тысяч⁷⁸.

Пожилые люди уходят в мир иной, а молодые уезжают – в Израиль, США, Германию, не важно куда, лишь бы подальше от путинского режима. Впрочем, на активности еврейских организаций и их руководителей это никак не сказывается. В своих интервью они рассказывают о многочисленных синагогах и благотворительных акциях, о еврейских музеях и мероприятиях по увековечиванию памяти жертв Холокоста. Многие из еврейских олигархов жертвуют большие суммы на проекты в Израиле. Казалось бы, все замечательно и я должен испытывать удовлетворение от того, что община жива и даже реализу-

78 Число евреев в России сокращалось с 570,5 тысячи по переписи 1989 года до 233,6 тысячи по переписи 2002 года и до 157,8 тысячи по переписи 2010-го.

ются некоторые мои планы. Увы, это не так. Я знаю, что в России фактически так и не была построена живая, динамичная еврейская община. Существует, конечно, определенная категория верующих евреев в крупных городах, таких как Москва и Санкт-Петербург. Но большинство российских евреев совсем не определяют себя в терминах общинной принадлежности, они не ходят в синагоги и не посещают еврейские мероприятия. И не потому, что опять стало опасно быть евреем, – нет, просто им неинтересно.

Возможно, поэтому в России за последние годы не появилось крупных еврейских писателей, мыслителей, исследователей мирового класса в области еврейской истории и культуры. Нет настоящих лидеров, пользующихся духовным авторитетом у своего народа. А есть так называемые общинные лидеры, которые вписались в путинскую вертикаль и стали чем-то вроде Евсекции⁷⁹ при администрации президента. Они занимают демонстративно провластную позицию, никогда не позволяют себе критиковать нынешний режим, а на еврейских международных форумах и в еврейских международных организациях делают все, чтобы оправдать внутреннюю и внешнюю политику России.

Их самый главный аргумент в доказательство отсутствия антисемитизма в России – то, что лично Путин не антисемит и сре-

79 Евсекция – название еврейских коммунистических секций РКП(б), созданных в советское время наряду с другими национальными секциями. Главной задачей таких национальных секций являлось распространение коммунистической идеологии в среде национальных меньшинств на их родном языке и вовлечение их в «строительство социалистического общества». Одной из специфических целей Евсекции являлась борьба с «Бундом» и другими еврейскими социалистическими партиями, а также с сионизмом.

ди его ближайших друзей есть евреи. Всерьез спорить с этими доводами просто смешно. Я уверен, что любой антилиберальный и авторитарный режим неизбежно приводит к антисемитизму. «Православный и патриотический», сложившийся в путинской России, точно не является исключением. И никакие личные связи придворных евреев не смогут воспрепятствовать очередной волне антисемитизма в России. Увы, опять становятся актуальными слова моего любимого поэта Александра Галича⁸⁰ из песни «Предостережение»: «Так не шейте ж вы ливреи, евреи!»

80 Галич Александр Аркадьевич (1918–1977) – поэт, сценарист, драматург, прозаик, автор и исполнитель собственных песен. Член Народно-трудового союза российских солидаристов, член-корреспондент диссидентского Комитета прав человека в СССР. Участник петиционных кампаний.

ГЛАВА 11.

СЕНАТОР ОТ МОРДОВИИ И ЕВРЕЙСКОЕ ПРОСВЕЩЕНИЕ

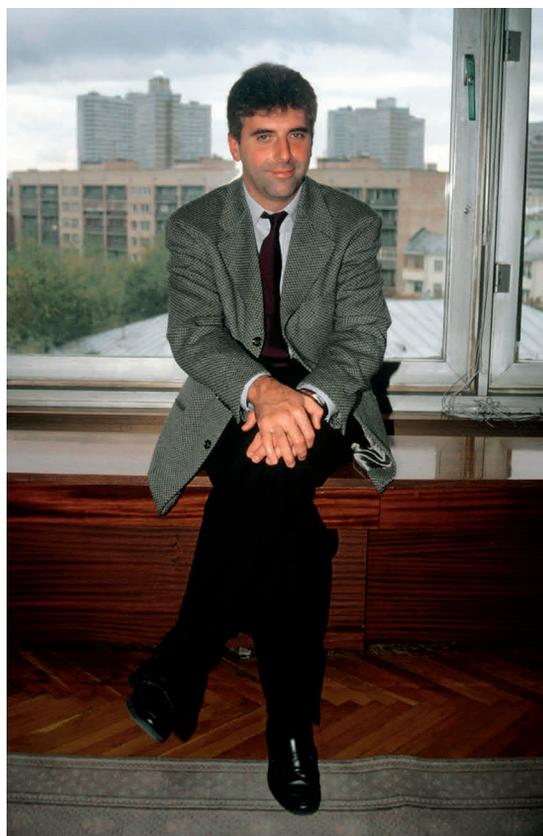
После моего ухода с поста президента РЕКа я захотел попробовать свои силы на государственной службе и решил баллотироваться в Совет Федерации. Я по-прежнему был акционером ЮКОСа и спонсором в РЕКе, но мне этого казалось мало. Становиться пенсионером-благотворителем в сорок два года я и не думал.

В это время законодательство изменилось так, что можно было, не живя в регионе, получить назначение в сенат от губернатора или местного парламента. Из всех сорока с лишним регионов, где работал ЮКОС, Мордовия оказалась самой подходящей для такого представительства. У нас были хорошие отношения с местным руководством, да и жители Мордовии уважали ЮКОС. Мы вкладывали деньги в школьное образование, открыли в республике первый интернет-центр, так что, когда президенту Мордовии предложили выдвинуть второго человека в ЮКОСе в Совет Федерации, он согласился.

Во время голосования в местном законодательном собрании кто-то задал мне смешной вопрос: может ли представитель одного национального меньшинства защищать интересы другой миноритарной национальности? Про себя я отметил, что задающий вопрос почему-то не смог вслух произнести слово «еврей». Его зашикали, по тем временам это казалось проявлением антисемитизма. Проголосовали за меня единогласно, и я получил путевку в Верхнюю палату российского парламента.

Мне предложили стать заместителем председателя Комитета по международным делам, что означало прежде всего связь с Израилем. Все складывалось идеально: с одной стороны, я служу своему региону, выступаю с инициативами, лоббирую его законодательные интересы, а с другой – как государственный служащий вношу свой вклад в развитие отношений с Израилем, которые были восстановлены всего десять лет назад. Израилю нужно было в первую очередь понимание в России, и я мог быть прекрасным интерпретатором действий правительства Ариэля Шарона, поскольку еще до сенаторства был знаком и с ним, и с Биньямином Нетаньяху, и со многими другими. Я автоматически включился в работу с израильским посольством и достаточно быстро подружился с русскоязычным послом Аркадием Милманом. Я старался всегда быть на стороне Израиля, и надо отдать должное Михаилу Маркелову, в то время председателю Комитета по международным делам, и спикеру Сергею Миронову – они никогда не ограничивали мою деятельность.

Тогда Совет Федерации, в отличие от нынешнего, был достаточно независимым органом власти. Невозможно было представить, чтобы он, как в 2014-м, мгновенно и единогласно по требованию Путина поддержал использование военной силы в «конфликте» с Украиной. Впрочем, и конфликт с Украиной, и участие России в военных кампаниях в Сирии, Ливии тоже могли привидеться только в страшном сне. В начале 2000-х внешняя политика России была весьма миролюбивой, слово «партнеры» не употреблялось в язвительно-ироническом смысле, как сейчас. На Ближнем Востоке Россия пыталась выстраивать сбалансированные отношения, понимая, что Израиль занимает здесь особое место, поскольку к тому времени в нем проживали почти миллион граждан, говорящих на русском языке.

Франк Вильягра / Коммерсантъ

Период работы в Совете Федерации

В Совете Федерации я проработал почти два года, но при этом не переставал заниматься еврейской филантропией и продолжал вносить в РЕК весьма серьезные средства. Более того, именно тогда я определил одно из направлений своей деятельности, которым занимаюсь до сих пор.

Толчком послужила моя встреча с одним американским сенатором в Вашингтоне по делам Совета Федерации. Неожиданно в разговоре выяснилось, что он имеет еврейские корни, причем его предки по еврейской линии были выходцами из Беларуси, некоторые даже жили в «моем» местечке Дубровно. Это зримо показывало, как общее историческое прошлое, общие корни

связывают современных евреев, живущих в разных странах и говорящих на разных языках. Я вернулся в Россию и попросил историков составить список выдающихся евреев XX века с российскими корнями. Меня он просто потряс. Конечно, я знал, что среди американских евреев много выходцев из России. Но что их так много?! И что они внесли такой огромный вклад в науку, промышленность и культуру США?! Да и не только США...

И тогда я решил заняться исследовательскими программами по изучению истории восточноевропейского еврейства. Тема оказалась благодатной, и я планировал открыть исследовательские центры везде, где остались следы восточноевропейского еврейства. Я был уверен: эта работа вскроет очень интересный пласт истории, который еще не исследован должным образом: традиции, быт, рассеяние, Холокост, эмиграция в разных направлениях... Эти программы должны были связать людей между собой. Общее прошлое объединяет, оно позволяет создать сеть, network, где люди доверяют и помогают друг другу. В конце концов, английский бизнесмен, американский сенатор и российский инженер вполне могут оказаться дальними родственниками. Эта мысль двигала меня вперед, к идее глобальной солидарности еврейского народа – Jewish Peoplehood.

Я забрал своих сотрудников из Еврейского конгресса и переориентировал их на углубленную работу в академическом и просветительском направлениях. Практически одновременно, в 2003 году, я учредил исследовательские центры в Москве, под руководством профессора Олега Будницкого⁸¹, и в Иерусалим-

81 Будницкий Олег Витальевич (1954) – советский и российский историк, специализирующийся на российской истории второй половины XIX–XX веков. Доктор исторических наук, профессор, директор Международного центра истории

ском университете, во главе которого встал профессор Исраэль Барталь, один из крупнейших историков восточноевропейского еврейства. Позже мы создали подобные центры в Вильнюсе и Киеве.

Разрабатывая это новое направление, я часто вспоминал баронов Гинцбургов и даже проводил некоторые параллели между нами. Основал эту фамилию Евзель Гинцбург, родившийся в 1812 году в белорусском городе Витебске. Привлекал меня уже сам факт, что его звали, как одного из моих предков, идишски-белорусским вариантом имени Йосеф – Евзель.

Фамильный герб семьи Гинцбургов украшала надпись «Будем трудиться». Евзель Гинцбург стал одним из богатейших людей Российской империи благодаря торговле вином. В 1859 году, когда ему не было и сорока, Евзель со своими сыновьями основал крупнейший в России фамильный банкирский дом с филиалом в Париже. Они вкладывали средства в страховое дело, железнодорожное строительство, добычу золота в Сибири, поддерживали финансовые отношения с банкирскими домами Германии и Франции, связывая себя с ними не только деловыми, но и родственными отношениями. Например, одна из дочерей Евзеля стала женой барона Эдуарда Ротшильда.

При этом и сам Евзель, и его сыновья, и его внуки считали себя частью еврейского народа. Свою миссию они видели в просвещении евреев Российской империи, в защите и отстаивании интересов еврейского народа. В частности, благодаря своим свя-

и социологии Второй мировой войны и ее последствий НИУ «Высшая школа экономики», член Европейской академии.

зям и лоббированию в царском правительстве Гинцбург добился для нескольких групп евреев права проживать в российских городах за пределами черты оседлости⁸²: в 1859 году был принят закон о предоставлении евреям – купцам первой гильдии и евреям – иностранным подданным права жительства и торговли вне черты постоянной оседлости евреев, а в 1865 году – постановление «о дозволении евреям механикам, винокурам, пивоварам и вообще мастерам и ремесленникам проживать повсеместно в империи».

И Евзель, и его потомки много сил отдавали просвещению евреев. В 1860 году, когда в России готовилась отмена крепостного права, Евзель и его богатые друзья из числа образованных представителей финансово-промышленных кругов петербургского еврейства учредили Общество для распространения просвещения между евреями в России. Одной из главных своих задач этот просветительский центр считал распространение русского языка и приобщение евреев к русской культуре. В то время это была актуальная проблема: многие евреи, жившие за чертой оседлости, не знали русского языка.

Но со временем стало ясно, что «для умственного развития» еврейского народа знания русского языка недостаточно. Следовало и «еврейски» просвещать самих евреев, а для этого

82 Черта оседлости (полное название: черта постоянной еврейской оседлости) – в Российской империи с 1791 по 1917 год (фактически по 1915 год) – граница территории, за пределами которой запрещалось постоянное жительство евреям, за исключением нескольких категорий, в которые в разное время входили, например, купцы первой гильдии, лица с высшим образованием, отслужившие рекруты, ремесленники, приписанные к ремесленным цехам, караимы, горские и бухарские евреи.

надо было изучать историю народа, описывать его быт, материальную и духовную культуру. И в 1892 году по инициативе сына Евзеля Горация Гинцбурга была создана Историко-этнографическая комиссия, на базе которой спустя пятнадцать лет было учреждено Еврейское историко-этнографическое общество. Деятельность именно этого общества подготовила почву для развития и расцвета еврейской науки в России, в начале XX века занимавшей ведущие позиции в международном академическом мире.

В деятельности общества принимали участие крупнейшие ученые того времени: историки Шимон Дубнов, Юлий Гессен, экономист Иосиф Кулишер, этнограф Лев Штернберг, фольклорист и драматург Семен Ан-ский (Рапопорт). До революции 1917 года в России выходили журналы по истории еврейского народа, по экономике еврейской жизни, печатались многочисленные исследования по еврейской культуре, организовывались этнографические экспедиции. Кроме того, Гораций открывал новые еврейские школы и выдавал субсидии уже существующим – при условии, что в них будут изучаться Тора и иврит. А шестнадцатитомная Еврейская энциклопедия издательства «Брокгауз и Ефрон», украшающая мою библиотеку, не утратила своей актуальности до сих пор. Причем внук Евзеля Давид Горациевич не просто финансировал издание этой энциклопедии, а был ее главным редактором. Барон Давид Гинцбург относился к плеяде выдающихся востоковедов: он был одним из ведущих семитологов и арабистов, которые появились в России в конце XIX – начале XX века.

Надо отметить, что большинство еврейских ученых и исследователей не были сугубо кабинетными мыслителями – они всегда занимали активную гражданскую позицию и не только просвещали свой народ, но и боролись за его равноправие.

Так, одного из историков мирового масштаба, Шимона Дубнова, отличала редкая прозорливость. Уже в 1918 году он высказал убеждение, что общество, построенное на отрицании демократических принципов, рано или поздно придет к возрождению крайних форм национализма, к государственному антисемитизму, что национальная еврейская жизнь в России будет уничтожена. Дубнов сразу и однозначно не принял власть большевиков и приложил немало усилий к тому, чтобы покинуть советскую Россию.

Увы, он оказался прав. Вскоре после большевистского переворота новая власть стала последовательно уничтожать плоды трудов семейства Гинцбург. В конце 1929 года Еврейское историко-этнографическое общество было закрыто, книги и архив из его библиотеки переданы в Публичную библиотеку имени М.Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде, а экспонаты из его музея – в Музей этнографии народов СССР, где они содержались в фондах и до конца 80-х годов никогда не выставлялись. Научная обработка материалов архива и музея фактически прекратилась со второй половины 1930-х годов, после ареста или увольнения немногих занимавшихся этим специалистов.

Я рассматривал деятельность своих центров во многом именно как продолжение миссии тех великих ученых начала XX века, которые заложили основы еврейской науки в России. Я верил, что для развития еврейского самосознания моих современников необходимо понимать, откуда мы пришли и куда хотим идти.

К сожалению, после отъезда из России мне пришлось закрыть центры в Москве и Киеве. Но Центр по исследованию восточноевропейского еврейства, названный моим именем, активно продолжает свою работу и сейчас, спустя семнадцать лет,

при Гуманитарном факультете Еврейского университета в Иерусалиме. Центр инициирует научно-исторические исследования, поддерживает молодых историков, организует конференции, семинары для молодых ученых, издает журнал, а главное – сформировал широкую сеть специалистов-исследователей восточноевропейского еврейства, которая включает в себя более ста пятидесяти ученых во всем мире, от Америки до Японии.

ГЛАВА 12. УЧИТЬСЯ И УЧИТЬ

Начало 2000-х стало периодом наивысшего взлета ЮКОСа, который добывал уже почти девяносто миллионов тонн нефти в год. ЮКОС был вторым после «Газпрома» налогоплательщиком в стране: он выплачивал в государственную казну 5,3 миллиарда рублей в год.

Благодаря высокой доходности и эффективности компании появилась возможность заниматься крупномасштабными социальными программами: мы строили в северных городах жилье, спортивные залы и школы, в которых оборудовали компьютерные классы.

Казалось бы, история нашего успеха была убедительной иллюстрацией фантастических возможностей капитализма, которому десять лет тому назад мы пропели гимн в книге «Человек с рублем». Так было в девяностых. Пока в России все менялось, пока надо было побеждать, создавать и доказывать свою состоятельность, смысл жизни был понятен. Но вот настал момент, когда бизнес больше не требовал абсолютной концентрации, ведь у нас и так получалось лучше всех.

Многое изменилось за эти десять лет. Мы уже не были молодыми энергичными предпринимателями, для которых мерилom жизненного успеха являются рост капитализации компании и суммы на личных банковских счетах (впрочем, последнее никогда не было для нас принципиально важным). Появилось понимание сложности устройства общества, в котором мы жили и которое строили по мере сил. В сорок лет начинаешь задумываться, как жить и работать дальше и для чего.

Конечно, можно было поставить задачу сделать ЮКОС крупнейшей нефтедобывающей компанией в мире. Но и это уже не требовало стопроцентной концентрации на бизнесе. Оказалось, что интереснее работать не на себя, не на компанию, а на общество. Интереснее попытаться изменить общество в лучшую сторону, сделать Россию свободной, демократической и процветающей страной.

Мы видели, насколько Россия образца 2001 года была далека от этого идеала. Безусловно, тогда еще сохранялись свобода слова, разделение законодательной и исполнительной властей, то есть те базовые демократические ценности, которые, как нам тогда казалось, уже стали незыблемыми. Но мы видели, как постепенно нарастали и другие тенденции – желание ограничить свободу СМИ, сосредоточить власть в руках правящей верхушки, постоянно укреплять органы безопасности и расширять их права. Государственный аппарат, о необходимости сокращения которого в начале 90-х говорили практически все экономисты, почему-то продолжал расти и становился все более могущественным.

В 1990-х в России начал возникать средний класс – все больше и больше людей открывали свои предприятия или становились высокооплачиваемыми топ-менеджерами. В начале 2000-х слово «бизнесмен» уже было «легальным» и сотни тысяч россиян с гордостью говорили: «У меня свой бизнес». Но из страны все равно продолжался отток мозгов. Способные и трудолюбивые выпускники университетов стремились работать на Западе.

Если к этому добавить, что уровень жизни большинства россиян по-прежнему оставался весьма низок и многие при новом «капиталистическом строе» сохраняли советскую ментальность, отличительная черта которой – отсутствие инициативы и чув-

ство зависимости от государства, то картина получалась совсем неутешительная.

Меньше всего мне бы хотелось обвинять этих людей в пассивности. В конце концов, три поколения советских граждан воспитывались на идее первичности государства и вторичности индивидуума. Изменить отношение человека к своей роли и к собственным возможностям, сделать его независимым от государства, пересмотреть взаимоотношения между ним и государственным аппаратом – в этом мы видели основную цель для продвижения России в будущее.

Можно называть это строительством гражданского общества, а можно – формированием новой идентичности граждан России. В бизнесе мы уже добились успеха – изменили идентичность российской корпорации: ЮКОС стал прозрачной и открытой компанией, работающей по западным правилам и стандартам. Казалось, что пришло время попытаться сделать саму Россию открытым обществом. Так родилось название общественной организации «Открытая Россия». Она создавалась как инструмент участия в общественно-политической жизни страны.

В одной из своих лекций начала 2000-х годов Михаил Ходорковский сказал:

«Когда говоришь с моими сверстниками или людьми чуть старше, синонимом “правильного” часто является слово “государственное”. “Государственная позиция”, “государственный подход”, “интересы государства”. На самом деле в такой логике причины перепутаны со следствием. Государство было создано людьми для того, чтобы служить интересам людей. И, когда мы с вами говорим, что должны служить интересам государства, получается, что мы должны служить некоему идолу, которого сами

себе и создали. На самом деле все – наоборот. Человек должен служить, во-первых, самому себе и своей семье, и, во-вторых, обществу. А государство должно служить человеку. И вот для того, чтобы эти ценности стали естественны для молодежи, надо проделать много работы. Собственно этой работой мы и занимаемся в рамках “Открытой России”».

Уже в те годы в российском обществе набирал популярность миф о прекрасном СССР, о том, как безмятежно жили советские люди при неусыпной заботе социалистического государства. Но мы не желали больше служить идолу авторитаризма и верили, что гражданское общество сможет не допустить возвращения Левиафана, в утробе которого мы росли и воспитывались.

Мы хотели увидеть Россию страной с благоприятным климатом во всех смыслах этого слова – в экономическом, социальном, культурном. Страной, где уважают права человека, в том числе и его право на собственность, где люди на улицах улыбаются друг другу.. Иначе говоря, страной, в которой хочется жить и работать.

При этом Михаил прекрасно понимал, как в верхах могут отреагировать на наши благородные намерения. В 2000 году на одной из первых встреч будущих лидеров «Открытой России» Ходорковский выступил с честным предупреждением:

«Должен сказать, что власти могут отнестись к нашему проекту с большим предубеждением. В России начальство всегда относится с подозрением к любой деятельности, направленной на развитие гражданского общества и его институтов. С точки зрения чиновников, это – покушение на их властную вертикаль. Поэтому если у кого-то есть сомнения по поводу участия в этом проекте, он может спокойно покинуть его».

Разговор этот состоялся в самом начале правления Путина. Когда, казалось бы, еще ничто не предвещало того, во что выродится российский режим. Но Михаил оказался провидцем. Мы отнеслись к его словам достаточно серьезно, однако никто из присутствовавших не покинул проект. Мы не могли оставить своего лидера. Мы верили в него и не сомневались, что и он нас никогда не бросит в беде и всегда найдет правильное решение.

Мы понимали, что ни одна компания в мире, даже очень богатая, не сможет вовлечь в свои образовательные и просветительские программы все население такой огромной страны, как Россия. Поэтому мы начинали нашу деятельность прежде всего в тех регионах, где находились предприятия ЮКОСа. Но и их было немало.

Так, в конце 1999 – начале 2000 года мы разработали образовательный проект «Поколение.ru», задачей которого была информатизация российского образования. Позже он был преобразован в широкомасштабную программу «Федерация интернет-образования», которая действовала в сорока четырех регионах страны из восьмидесяти пяти.

Идея была достаточно проста.

В конце 90-х Министерство образования начало поставлять в российские школы компьютеры, которые еще недавно считались предметами роскоши. Увы, большинство учителей не умели с ними обращаться и не понимали, зачем они нужны. Иногда рачительные школьные завхозы просто запирали коробки с техникой в своих подсобках от греха подальше. Поэтому целью программы «Федерация интернет-образования» было не просто обучить школьных учителей умению работать на компьютере, но и показать, как можно их использовать в учебном процессе.

В созданных нами центрах учителя в течение двух недель проходили семидесятидвухчасовой курс, по окончании которого должны были защитить итоговую работу. Например, создать интернет-страницу своей школы или провести урок по интернету. Каждый такой центр в течение года был в состоянии обучить более тысячи педагогов, то есть за год в них обучались более тридцати пяти тысяч человек.

При этом мы всегда стремились к партнерству с региональными властями, которые тоже вкладывали свои ресурсы в этот проект. А 5 октября 2003 года коллектив Федерации интернет-образования получил премию президента РФ в области образования.

Другим очень важным направлением работы нашего фонда были программы, направленные на воспитание новых людей – думающих, образованных, инициативных. Естественно, в первую очередь речь шла о молодежи. Здесь я снова процитирую Ходорковского:

«Мы считаем, что наш менталитет, менталитет взрослых, изменить трудно. А вот если работа с молодежью будет удачной, то через пятнадцать-двадцать лет они, родившиеся в новой России, станут определять политику страны, и тогда наша страна будет нормальной».

Тестировать модели воспитания свободного и ответственного человека мы начали еще в рамках программы «Новая цивилизация» в лицее-интернате «Подмосковный» – через игру в построение государства, республики, со всеми атрибутами гражданского общества. На летних каникулах дети приезжали в палаточные лагеря, жили в достаточно спартанских условиях и строили свое государство. Ребятам делили на группы: бизнесменов, безработных и госслужащих, а затем они начинали взаимо-

действовать друг с другом: собирать налоги, нанимать друг друга на работу, выстраивать бизнес, требовать пособия и пенсии, проводить выборы, претендовать на должности и т.д. Так к концу смены ребята уже многое знали о функциях и механизмах работы государства, а самое главное – верили, что государство – это они и что на него можно влиять. В 2003 году в программах «Новой цивилизации» приняли участие 154 тысячи молодых людей, за десять лет – более миллиона.

Одно время параллельно с «Новой цивилизацией» в России существовала молодежная организация «Идущие вместе», созданная Кремлем в 2000 году. Движение запомнилось шествием по Москве, участники которого были одеты в синие, белые и красные футболки с изображением Владимира Путина и с лозунгом «Всё Путём». Через несколько лет Кремль инициировал еще одно молодежное движение с символическим названием «Наши» – по сути, наследника «Идущих вместе». Несменяемый лидер кремлевской молодежи Василий Якеменко, перешедший туда из «Идущих вместе», заявил, что «Наши» – не просто молодежное, а «антифашистское политическое движение». В манифесте этой чудесной организации был указан и главный враг – «фашистские организации, сочувствующие им либералы, бюрократы и олигархи». Конкретных фашистских организаций Якеменко почему-то не назвал, а вот на «сочувствующих им либералов» указал бестрепетно: Гарри Каспаров, Ирина Хакамада, Владимир Рыжков.

Впрочем, я отвлекся от рассказа о деятельности «Открытой России». Мы работали в самых разных направлениях. Во многих регионах были открыты «Школы публичной политики», центры развития местных сообществ и добровольческих инициатив «Помоги советом», действовали программа «Законотворче-

ство» и клуб региональной журналистики «Из первых уст». Также в 2002–2005 годах «Открытая Россия» финансировала российскую Букеровскую премию, считавшуюся главной литературной премией страны.

«Открытая Россия» становилась одним из лидеров в общественной жизни России и в формировании гражданского общества.

Наша деятельность была абсолютно прозрачна – мы не скрывали ни своих целей, ни своих расходов. Но после ареста Ходорковского некоторые «политические обозреватели и комментаторы» стали утверждать, что вся деятельность этого человека, включая общественную, преследовала только одну коварную цель – вербовать армию соратников и стать президентом России.

Все это, конечно, чушь, и произносили ее нанятые Кремлем пропагандисты, люди, служащие власти и считающие тягчайшим преступлением любую попытку ее сместить законным путем. Я не собираюсь писать очевидные вещи о праве каждого гражданина баллотироваться в президенты. При этом я уверен, что если бы Ходорковский решил пойти на выборы, то сделал бы это не ради того, чтобы стать «главным начальником», а чтобы получить инструмент для решения крупных задач – то есть изменения страны к лучшему.

И если даже тогда, в начале 2000-х, идея, что во главе государства станет человек со стороны, была неприемлемой для Кремля, то через двадцать лет, когда над страной реет лозунг спикера Госдумы Вячеслава Володина «Есть Путин – есть Россия, нет Путина – нет России», она выглядит полнейшим святотатством. Сегодня, думая о том времени, я понимаю, насколько сильно общественная деятельность Ходорковского раздражала Кремль.

Период моего ректорства в РГГУ

И не только потому, что мы стремились создать гражданское общество, а Кремль начал выстраивать «властную вертикаль». Дело еще в том, что Ходорковский становился слишком яркой и заметной фигурой. В СМИ его цитировали не реже, чем Путин. Для такого невзрачного человека, как Путин, слишком яркая общественная фигура представляла опасность. Даже если бы Ходорковский «не выходил за рамки» в своей деятельности в сфере гражданского общества и благотворительности, он все равно наносил бы Путину ущерб одним своим присутствием в публич-

ном пространстве. Большинство людей такое неявное соперничество могли бы перенести легко, другие похуже, но Путин не смирился бы никогда...

Моя история об «Открытой России» была бы неполной без рассказа о Российском государственном гуманитарном университете (РГГУ).

Еще в перестроечное время я порой думал: «Если бы на месте Горбачева был я, что бы я сделал для своей страны?» И я придумал! Я бы устроил массовый международный студенческий обмен: чтобы лучшие учащиеся российских вузов обязательно проводили бы год или больше в странах Европы или США.

Впрочем, эта мысль пришла тогда в голову не только мне. В начале девяностых в России заработали специальные образовательные программы обмена, но была в них одна проблема: возвращаться хотели немногие. Как заманить обратно отличника Гарварда, которого завалили предложениями о работе? Невозможно же свободную личность привязать к месту жительства. Нам казалось тогда, что ни юридически, ни материально эту проблему не решить.

В какой-то степени моя мечта была реализована в 2000 году, когда мы учредили в Англии The Hill Foundation. Он выдавал российским студентам стипендию, позволявшую учиться и жить в Оксфорде. При отборе студентов предпочтение отдавалось тем, кто собирался работать на благо России в бизнесе, на государственной службе, в науке или искусстве. За двадцать лет было выдано свыше ста стипендий.

Мы в своем наивном демократическом идеализме искали пути, позволяющие вырастить гуманитариев западного уровня. Почему именно гуманитариев и почему вообще образование стало для нас приоритетом в социальных инвестициях? Обра-

зование – потому, что, если систему правильно выстроить, оно работает и на следующие поколения. А если образование гуманитарное и свободное, то и люди, которые идут в систему образования, в политику, в науку и вообще в общество, будут обладать качественными знаниями и независимым мышлением. Наличие вуза такого уровня, такой кадровой школы обеспечивает преемственность свободы, демократии, парламентаризма. Люди с хорошим гуманитарным образованием изменили бы атмосферу общественной жизни бесповоротно. Тогда их очень не хватало России, а сегодня – тем более. Страну меняют гуманитарии, мы в этом были твердо убеждены. Если Россия развивалась бы более или менее демократическим путем, то пять-шесть тысяч выпускников высочайшего уровня каждый год ее политическому будущему точно не помешали бы.

Ходорковский считал, что даже один университет способен обеспечить будущую кадровую революцию. В идеале для решения этой задачи требовалось создать свое собственное учебное заведение с нуля. Но мы понимали, что понадобится как минимум десять лет, прежде чем такой университет приобретет репутацию ведущего. Проще было инвестировать в уже существующий вуз.

Еще задолго до ЮКОСа наш банк начал инвестировать в «мозги». Когда в 1991 году Михаил Горбачев и Джордж Буш-старший подписали постановление о создании совместного Московского международного университета, а Гавриил Попов, тогдашний московский мэр, стал его президентом, мы решили помочь и финансово, и организационно. А я лично пошел на факультет социологии преподавать паблик рилейшнз – технологии управления общественным мнением. Для меня, тридцатипятилетнего предпринимателя с относительно большим опытом ведения бизнеса в перестроечной России, это был идеальный формат.

Общение со студентами на семинарах доставляло мне подлинное удовольствие. Это кайф – провоцировать интеллектуальную активность собеседников! Я чувствовал их отдачу, она была невероятная, потому что студенты были очень умны, многие получали второе образование, и все до одного увлеклись либеральными идеями. Тогда книг по моему предмету на русском языке не было совсем, за исключением «Паблик рилейшнз. Что это такое?» Сэма Блэка. Я решил упорядочить собственный опыт и в 1993 году на основе курса издал книгу «“Паблик рилейшнз” – кому это нужно? Основы учебного курса».

И когда в начале 2000-х мы с Ходорковским начали обсуждать инвестиции в уже существующий вуз, а не создание нового, то размышляли, какой именно университет готов к кардинальному обновлению и с кем мы способны стать настоящими партнерами. Потому что порой сам институт или университет интересны, но вот система организации, ректор и другие параметры таковы, что никогда не найдешь здесь общий язык.

В Советском Союзе, несомненно, были гуманитарии международного уровня – историки, филологи, философы: Д. С. Лихачев⁸³,

83 Лихачев Дмитрий Сергеевич (1906–999) – российский ученый-литературовед, историк культуры, искусствовед, текстолог, публицист, общественный деятель, доктор филологических наук, профессор, академик, Герой Социалистического Труда, лауреат Государственной премии СССР, Сталинской премии второй степени и Государственных премий РФ. Член Союза писателей СССР. Председатель правления Российского фонда культуры. Автор фундаментальных трудов, посвященных истории русской литературы и русской культуры. Внес значительный вклад в изучение древнерусской литературы и искусства.

И. М. Дьяконов⁸⁴, В. В. Иванов⁸⁵, М. К. Мамардашвили⁸⁶, В. Н. Топоров⁸⁷, А. Я. Гуревич⁸⁸ и многие другие, известные не только в СССР, но и за рубежом. Но в целом гуманитарные науки находились под постоянным давлением и контролем со стороны марксистско-ленинской философии. Теперь уже сложно представить, насколько всепроникающей была эта «философия», а по существу – набор догматов и цитат из Маркса, Энгельса, Ленина, которые в свое время Сталин свел в единый нарратив в главе «О диалектическом и историческом материализме» в обязательной для чтения всей страной книге «Краткий курс истории ВКП(б)». Именно эта книга заложила идеологическую матрицу, довлевшую над всеми точными и неточными науками в СССР. Невозможно было защитить диссертацию, если в ней отсутствовали цитаты из основопо-

84 Дьяконов Игорь Михайлович (1915–1999) – советский и российский историк-востоковед, лингвист, специалист по шумерскому языку, сравнительно-исторической грамматике афразийских языков, древним письменностям, истории Древнего Востока. Доктор исторических наук.

85 Иванов Вячеслав Всеволодович (1929–2017) – советский и российский лингвист, переводчик, семиотик и антрополог. Доктор филологических наук, академик РАН по отделению литературы и языка. Директор Института мировой культуры МГУ и Русской антропологической школы РГГУ. Один из основателей Московской школы компаративистики.

86 Мамардашвили Мераб Константинович (1930–1990) – советский философ. Профессор МГУ, доктор философских наук.

87 Топоров Владимир Николаевич (1928–2005) – советский и российский лингвист и филолог. Доктор филологических наук, действительный член АН СССР. Занимался исследованиями в области славистики, индологии, балтистики и индоевропеистики. Один из основателей московско-тартуской семиотической школы. Создатель «теории основного мифа».

88 Гуревич Арон Яковлевич (1924–2006) – советский и российский историк-медиевист, культуролог. Доктор исторических наук, профессор. Лауреат Государственной премии Российской Федерации в области науки. Еще при жизни его исследования получили мировое признание.

ложников марксизма-ленинизма. И не важно, что тема диссертации могла быть далека от интересов покойных классиков и они не успели высказаться на этот счет.

Общественные науки занимали очень важное место в системе высшего образования Советского Союза. Провозглашалось, что они призваны «воспитывать будущую интеллигенцию на основе марксистско-ленинского учения, вырабатывать у нее “научное” мировоззрение, ненависть к буржуазной идеологии, патриотизм, умение с точки зрения марксизма-ленинизма объяснять мировые события и политику партии, доказывать преимущества социалистического строя».

Иногда мне кажется, что под этой идеологической установкой нынешнее руководство России подписалось бы без всяких колебаний, особенно в части «ненависти» и «патриотизма».

«Учение Маркса всеильно, потому что оно верно» – эту цитату из статьи Ленина «Три источника и три составных части марксизма» можно было встретить всюду. Звучало безнадежно и непререкаемо. Изучать эти науки советские люди начинали еще в школе, а затем марксизм-ленинизм преследовал их все годы учебы абсолютно во всех институтах страны. С первого курса преподавали историю КПСС, потом диалектический и исторический материализм, политэкономия, научный атеизм и на последнем курсе – загадочный научный коммунизм, по которому приходилось сдавать госэкзамен. Преподавала эти псевдонаучные дисциплины огромная армия начетчиков, насчитывающая десятки, если не сотни тысяч преподавателей. После перестройки все эти «науки» стали никому не нужны, но работники идеологического фронта не ушли из вузов, а «переквалифицировались» в политологов, культурологов и историков религии.

При выборе университета под наши цели мы искали тот, который в наибольшей степени смог очиститься от этого марксистского тлена (тогда казалось, что подобная псевдорелигия уже в прошлом, и никто не мог себе представить, что спустя двадцать лет в трактовке исторических событий тон снова будет задавать «Краткий курс КПСС»).

Впрочем, вначале мы хотели провести серьезную реформу во всей системе высшего образования. Речь шла о большей академической и предпринимательской свободе. Мы считали, что новый тип управления вузами, а именно – формирование попечительских советов – станет стимулом для развития системы высшего образования. Университеты смогут расширить свои возможности за счет дополнительных вливаний в их бюджет. Можно будет – естественно, через голосование – провести кардинальные системные реформы. Гораздо более эффективные, чем при безусловном подчинении Министерству образования.

Идея вроде бы нашла сторонников и в правительстве, и в министерстве, и в вузах. Герман Греф, занимавший тогда пост министра экономического развития и торговли РФ, уверял, что закон о попечительских советах будет принят буквально «вот-вот».

Мы долго ждали...

Поняв в какой-то момент, что правительственное «вот-вот» вряд ли случится в обозримом будущем, мы решили действовать через Министерство образования и совместно с руководством РГГУ предложили изменить устав отдельно взятого университета.

РГГУ мы выбрали, сочтя его лучшим и самым прогрессивным университетом в стране. И в первую очередь потому, что им руководил Юрий Афанасьев – «шестидесятник», человек демократических взглядов. Собственно, Афанасьев и создал Российский гуманитарный университет в 1993 году на базе Московского

государственного историко-архивного института, которым он управлял с 1986 года. Он также был одним из создателей и сопредседателем движения «Демократическая Россия». Именно ему принадлежит выражение «агрессивно-послушное большинство», которое он употребил в отношении большей части депутатов Съезда народных депутатов СССР 1989 года и которое, увы, по-прежнему остается актуальным.

Юрий Николаевич заинтересовался нашим предложением. Но на партнерство с ЮКОСом пошел не сразу. Мы вели переговоры около двух лет с разной интенсивностью. Нам партнерство казалось чем-то логичным и естественным. Мы уже прошли школу «Открытой России» и запустили первый очень удачный проект «Федерация интернет-образования». Но характер у Юрия Афанасьева был совсем не простой, он хотел обговорить и понять все аспекты нашего взаимодействия. Лишь когда он понял, что речь идет о многолетнем сотрудничестве, что мы готовы инвестировать действительно большие средства и принимать личное участие в управлении университетом, дело сдвинулось.

Со стороны ЮКОСа было обещано финансирование в сто миллионов долларов в течение десяти лет: по десять миллионов в год. Это означало фактически удвоение годового бюджета университета. По новой схеме академик Юрий Афанасьев становился президентом университета, а мне предложили «менеджерскую» должность ректора. И я очень загорелся этим проектом. Я почувствовал, что университет – то, о чем я мечтал. Увидеть своих выпускников через десять лет в парламенте, в правительстве, в частном бизнесе, в СМИ – это была заманчивая перспектива!

Изначально мне и в голову не приходило претендовать на должность ректора. Но проблема заключалась в том, что

по закону только ректор обладал единоличным правом финансово-распорядительной подписи. То есть личность ректора в запланированных нами реформах была ключевой.

Нужны были смелые, неординарные решения. Я рассудил, что при поддержке Ходорковского смогу справиться с этой задачей. В моем активе был длительный и разнообразный опыт руководства большими коллективами в самых разных сферах. И хотя было понятно, что миссия предстоит не из легких и авторитет придется зарабатывать уже в процессе работы, я все-таки решился выдвинуть свою кандидатуру на пост ректора.

6 июня 2003 года состоялось заседание ученого совета РГГУ, на котором обсуждалось избрание Юрия Афанасьева президентом, а меня – ректором. К тому времени я уже сложил с себя полномочия сенатора от Мордовии. На заседании я изложил программу сотрудничества университета с ЮКОСом и пообещал, что через десять лет РГГУ станет одним из лучших университетов Европы.

17 июня 2003 года прошло заседание выбирающего органа РГГУ – Конференции представителей педагогических, научных и иных категорий работников, на котором присутствовали несколько сотен человек – преподаватели, студенты, технические работники, и меня практически единогласно (при шести воздержавшихся) избрали новым ректором.

Пришел я в университет со своей программой и своими идеями будущих преобразований. Сейчас нет смысла все их подробно перечислять, это был большой комплекс реформ, направленных на преобразование московского вуза в международный университет западного образца. Была задумана и дигитализация учебных процессов, благо имелся опыт работы с проектом «Федерация интернет-образования», а также работы с одним из пер-

вых интернет-медиа на русском языке, Gazeta.ru, которую мы инициировали с Ходорковским.

Были идеи, связанные с выделением грантов на научные исследования для талантливых студентов и аспирантов университета. Была намечена большая издательская программа, ведь в то время не хватало переводов многих работ, опубликованных на Западе. Я обсуждал свои планы с преподавателями и находил поддержку.

Начинали мы преобразования с тривиальных вещей – ремонта столовой и туалетов, которые были в ужасающем состоянии. Половина годового финансирования пошла на зарплаты, ремонт, закупку нового оборудования, стажировки за границей.

И надо было срочно обновлять трудовой коллектив. Многих менять, в том числе администраторов. Безусловно, среди преподавателей были и очень хорошие специалисты, особенно историки и архивисты, поскольку это была основная специальность РГГУ, но нужно было омолодить состав. Не увольнять всех подряд, естественно. Но были там и засидевшиеся.

Мы обсуждали с академиком Афанасьевым, каких специалистов и откуда пригласить. Сначала речь шла о тех, кто уехал из России на Запад и может преподавать на русском языке. Например, согласился читать лекции в РГГУ великий лингвист, антрополог и переводчик академик Вячеслав Всеволодович Иванов, который в то время преподавал в Калифорнийском университете в Лос-Анджелесе. В РГГУ он возглавил Русскую антропологическую школу. К сожалению, я не успел познакомиться с ним лично, но это один из тех людей, которые вызывали у меня огромное уважение. И не только из-за глубины и широты академических знаний, но и из-за гражданского мужества.

Отдельным пунктом моей программы было развитие факультетов. Например, я хотел создать настоящий факультет журналистики. За это предстоял бой с Бовиным.

Пришел я к декану школы журналистики Александру Евгеньевичу Бовину. Он – бывший посол в Израиле, уважаемый истинец⁸⁹, хороший журналист, умный человек. Начинаю ему говорить: «Давайте развивать факультет журналистики в направлении электронных медиа, ведь у них приоритет и сейчас, и на будущее. А рынок сегодня просто переполнен специалистами, которые потеряли работу вследствие распада НТВ и ТВ-6: Евгений Киселев, Марианна Максимовская, Владимир Кара-Мурза-старший, Сергей Пархоменко...» И что же я услышал?

«Да они вообще ничего не понимают в журналистике! На фиг они сдались?»

Я пришел к человеку, которого пытался привлечь идеей создания школы нового типа с профессиональными и высокооплачиваемыми преподавателями. При этом предполагалось при кафедре построить современную студию, где можно и работать, и учить. Плюс прекрасные молодые профессора. Что может быть лучше?

Почему-то особенно негативная реакция у него была на Кара-Мурзу и на Максимовскую, которых я-то как раз считал наиболее подготовленными для преподавательской деятельности. «Все эти люди, – сказал он, – они же ничего не понимают!»

89 Сотрудник газеты «Известия» – советской и российской общественно-политической и деловой ежедневной газеты, учрежденной в январе 1917 года.

Самое смешное, что я потом для Кара-Мурзы все-таки ставку пробил. Я уже жил в Израиле, когда Кара-Мурза преподавал в РГГУ..

О Бовине ничего плохого сказать не хочу. Просто это сын другой системы, другой школы, другого типа мышления. Мы бы с ним не сработались.

В июне 2003-го меня утвердили в должности ректора в Министерстве образования и в администрации президента. До старта публичной травли в отношении ЮКОСа оставалось чуть больше месяца. Тогда мне показалось, что этот шаг был своего рода кредитом доверия, появилась уверенность, что все будет в порядке и у меня в запасе как минимум десять лет – два ректорских срока, – чтобы реформировать РГГУ.

Я рассчитывал на это до последнего. Всерьез взялся за диссертацию. Не может же ректор университета не быть доктором, а я по российским меркам и кандидатом наук не был. Тему выбрал соответствующую моим жизненным представлениям: «Влияние западной философии на русскую либеральную мысль». Оказалось, никого в советском академическом мире эта тема прежде не интересовала. Я также планировал на основе этой работы сделать курс лекций.

Тему я выбрал под влиянием сочинений Исая Берлина⁹⁰, которого открыл для себя в 2001 году, когда был издан на русском языке его двухтомник «Философия свободы. Европа» и «История свободы. Россия». С тех пор Исая Берлин стал для меня своего

90 Берлин Исая (1909–1997) – английский философ, историк идей в Европе от Вико до Плеханова с особым вниманием к Просвещению, романтизму, социализму и национализму, переводчик русской литературы и философской мысли, один из основателей современной либеральной политической философии.

рода идеалом мыслителя и еврея-интеллигента. Вначале я заинтересовался им как философом, историком идей и человеком, очень тонко чувствующим русскую литературу. Я знал, что сэр Исая Берлин был одним из основателей современной либеральной политической философии, и, конечно же, читал о его легендарной встрече с Анной Ахматовой.

А вот о его белорусских еврейских корнях я узнал уже значительно позже. Его отец Мендель Берлин, родившийся в Витебске, был прямым потомком Шнеура Залмана из Ляд – знаменитого основателя движения Хабад. Жена Исая Берлина Алин Халбан, в девичестве Гинцбург, была племянницей издателя «Еврейской энциклопедии» Давида Гинцбурга и внучкой еврейского общественного деятеля и финансиста Горация Гинцбурга, о которых я рассказывал выше.

Исая Берлин был настоящим гражданином мира. Он говорил на нескольких языках, включая русский, в 1957 году английская королева возвела его в звание рыцаря-бакалавра, но при этом он никогда не забывал, что еврей. Несмотря на то что Исая Берлин не жил в Израиле ни в годы становления государства, ни после провозглашения независимости, его связь с нашей страной и идеологией сионизма была очень крепка. Он входил в Совет попечителей Еврейского университета в Иерусалиме, был почетным доктором этого университета, а также других израильских вузов – Тель-Авивского университета, Университета имени Д. Бен-Гуриона в Негеве, Научно-исследовательского института имени Х. Вейцмана. В 1979 году получил Иерусалимскую премию за защиту гражданских свобод.

Иногда мне кажется, что наши общие белорусские корни меня внутренне сблизили с этим великим человеком и установили личную связь...

Я обещал университету и министерству максимально быстро закончить диссертацию, и если бы все шло по плану, то в ноябре бы уже защитил кандидатскую, а через некоторое время и докторскую. Я сразу взял докторский уровень и рассматривал кандидатскую как первую часть докторской работы. Чтобы спокойно поразмышлять об этом, я, как человек обязательный, оформил академический отпуск и отправился в Израиль для написания диссертации.

Но после ареста Ходорковского 25 октября 2003 года все планы рухнули. Меня практически сразу попросили оставить должность. Я сопротивлялся. Профессорский и преподавательский состав, ученый совет готовы были стоять до конца за ректора Невзлина.

Для меня это было очень важно и ценно.

В ноябре мне позвонил министр образования и настоятельно рекомендовал уйти с поста. Уволить меня не могли, это была выборная должность. Он не сказал прямо, что требование исходит от администрации президента, но дал ясно это понять. Более того, он мне рассказал, как они будут ломать Гуманитарный университет в случае моего неповиновения. Модель, как мне пояснили, крайне проста: РГГУ объединят с другим учебным заведением (скажем, какой-нибудь техникум вольется на правах нового подразделения). Таким образом, формально будет создан новый вуз с новым руководством.

Я понял, что они готовы на все. Могут уволить Афанасьева. И не только его. Могут поставить ректором какого-нибудь питерского чекиста. Да мало ли что они придумают. Доводить ситуацию до крайности я не имел права. Не мог допустить, чтобы порядочные люди из-за меня теряли работу. Чтобы из-за моих проблем пострадал университет. Чтобы не отпра-

вить РГГУ в мясорубку администрации президента, я в конце концов ушел. Потому что меньше всего мне хотелось, чтобы расформирование и увольнение некоторых хороших людей было связано с моей личностью. Людям там еще работать и работать, а я в Москву все равно не вернулся бы после ареста Ходорковского.

17 ноября 2003 года я подал в отставку, проработав ректором ровно полгода.

30 января 2004 года на университетской конференции РГГУ были внесены поправки в устав университета, ограничивающие полномочия финансового директора и попечительского совета, куда входили Михаил Ходорковский, Юрий Афанасьев и я. Попечительский совет больше не имел права решать вопросы финансовой деятельности РГГУ. Вносить деньги в университет, искать дополнительные средства и не иметь никакого влияния на то, как они будут расходоваться, было бессмысленно, и ЮКОС решил прекратить финансирование.

А Юрий Афанасьев до конца своего президентства критиковал власть и выступал в либеральных СМИ, подписываясь «президент РГГУ», что не способствовало любви властей к университету. 16 сентября 2006-го легендарный «рупор перестройки» ушел с поста президента РГГУ, и сам пост был упразднен. «Я просто не мог работать дальше, – рассказывал журналистам Юрий Афанасьев. – Не мог и не хотел быть “королем”, когда твоя работа не приводит ни к каким результатам. Меня никто не принуждал уходить, просто я больше не могу работать с этими людьми».

Сейчас, когда я пишу эту книгу, во главе РГГУ стоит историк, защитивший в 1981 году кандидатскую диссертацию на тему «Партийное руководство деятельностью Московской городской организации ВЛКСМ по развитию движения студенческих отря-

дов в годы VIII и IX пятилеток: 1966–1975 гг. ». Ну что ж, как сказал поэт, «какое время на дворе – таков мессия».

Конечно, я жалею о том, что не исполнилась моя мечта. До сих пор у меня болит сердце, когда я вспоминаю то время. Но при этом я понимаю, что университет с вольной демократической атмосферой не пришелся бы к кремлевскому двору. Да и вряд ли бы нашли себя в такой России специалисты международного уровня, окончившие свободный вуз, построенный на гуманитарных ценностях, а не на путинских скрепах.

ГЛАВА 13. НОВЫЙ СТАРЫЙ ДОМ

6 апреля 2003 года ЮКОСу исполнилось десять лет. Отмечали юбилей с размахом. В главном зале страны – Кремлевском дворце съездов – прошли торжественное собрание и концерт. Состоялся телемост с восемью городами, тесно связанными с нашей компанией. Из столицы ЮКОСа Нефтеюганска Михаил Ходорковский поздравил всех сотрудников. Пришла поздравительная телеграмма и от президента Путина, в которой он выразил надежду, что наряду с решением экономических задач ЮКОС «будет и дальше повышать социальную эффективность своей работы, развивать отечественную благотворительность».

Впрочем, должен признаться, что я не очень активно участвовал в этом празднике. Дело в том, что на этот же апрельский вечер в 2003 году пришелся канун еврейского праздника Песах, и я с радостью принял приглашение моего друга Аркадия Милмана, посла Израиля в Москве, провести пасхальный седер⁹¹ у него дома, в компании московских еврейских интеллигентов. Потом, поздно вечером, я поехал на банкет ЮКОСа, а вот торжественное заседание во Дворце съездов пропустил.

Казалось бы, все шло просто замечательно. Мы стали одной из крупнейших международных нефтяных компаний. Нас любили и уважали, с нами считались на самом высоком уровне. В обо-

91 Трапеза в первый вечер праздника Песах.

зримом будущем Ходорковский рассчитывал отойти от бизнеса и посвятить себя общественной деятельности, а я строил планы по превращению РГГУ в один из лучших европейских гуманитарных вузов. Жизнь обещала быть перспективной и интересной.

И вдруг...

Ранним утром 19 июня 2003 года вооруженные спецназовцы ворвались в квартиру Алексея Пичугина, главы отдела внутренней экономической безопасности ЮКОСа. Алексея арестовали, и ему было предъявлено обвинение в убийстве некой супружеской пары, через которых он якобы «заказал» конкурента ЮКОСа.

Еще через две недели, 2 июля, арестовали нашего друга и партнера Platона Лебедева, директора холдинговой компании МЕНАТЕП. Арестовали его прямо в больнице, где он приходил в себя после гипертонического криза. Его насильно подняли с кровати, надели наручники и потащили в милицейскую машину. Против него было выдвинуто обвинение по семи статьям Уголовного кодекса.

Уже 4 июля Ходорковского и меня вызвали на допрос в прокуратуру. Пока еще в качестве свидетелей⁹².

Сейчас, оглядываясь в прошлое, я не могу сказать, что произошедшее было для нас абсолютной неожиданностью. Несомненно, наши отношения с президентом и многими «товарищами» из его окружения были далеко не безоблачными. Но все равно никто не ожидал такого демонстративно жесткого поведения силовиков.

92 Я здесь намеренно не вдаюсь в подробности дела ЮКОСа. Всем интересующимся я рекомендую несколько книг по этому вопросу в библиографии в конце книги.

Нам ясно давали понять, какая судьба уготована и нам в скором будущем.

Старая жизнь заканчивалась. Хотя еще теплилась надежда, что это просто политические игры, как-то все еще обойдется и конфликт будет исчерпан, – но в конце июля адвокаты Пичугина сообщили мне под большим секретом, что Алексея допрашивали с применением психотропных средств и следователи пытались добиться от него признания, будто он убивал людей по моему указанию.

Я понял, что оставаться в России для меня становится слишком опасно, несмотря на официальные заявления прокуратуры, что ко мне у них нет претензий. Понял также, что в такой обстановке написать диссертацию будет невозможно. В то же время Министерство образования законно требовало от ректора государственного университета стать доктором наук в максимально короткий срок.

Я официально взял непродолжительный академический отпуск и решил провести его на Кипре и в Израиле.

31 июля 2003 года я поехал в аэропорт Внуково, где меня ждал небольшой частный самолет, который должен был лететь по маршруту Москва – Ларнака. Поднялся на борт, сел в кресло в маленьком салоне и... принялся ждать разрешения на вылет. Ожидание тянулось несколько часов. Уже позже я понял, что в это время где-то наверху решали, выпускать меня из страны или нет.

Наконец разрешение было получено, и через три с половиной часа я вышел из самолета в аэропорту Ларнаки. На Кипре я провел чуть меньше двух недель, и 12 августа прилетел в Тель-Авив.

Предполагал ли я, что больше не вернусь в Россию? Конечно, нет. Мне нужны были несколько спокойных месяцев, чтобы написать диссертацию. После этого я рассчитывал вернуться.

Воспользовавшись ситуацией, я решил наконец-то получить израильское гражданство. После окончания работы в Совете Федерации у меня не осталось конфликта интересов: я ушел с государственной службы. Принимая израильское гражданство, я не скрывал, что собираюсь жить на две страны. Но будущее свое тогда я видел в России.

В августе 2003 года в израильском МВД началась забастовка, так что документы у меня приняли, а вот удостоверения израильского гражданина и удостоверения нового репатрианта (теудат зеут и теудат оле) пришлось ждать три месяца.

Первые недели я жил в своем любимом отеле «Дан Аккадия» в Герцлии. Именно здесь я останавливался с семьей в самый первый свой приезд в Израиль в 1991 году. Я приехал для медицинской проверки последствий очень тяжелой автомобильной аварии, в которую за год до того попал в Москве. Мои первые впечатления в тот приезд – прекрасные врачи Медицинского центра в Герцлии и страшная жара, какую мне не приходилось раньше испытывать. После этого в течение нескольких лет я прилетал в Израиль на майские праздники, решив, что именно это время – лучшее для семейного отдыха. В начале 2000-х, когда я был президентом РЕКа и – позже – сенатором в Совете Федерации, я летал в Израиль по несколько раз в год. Конечно, я поездил по стране с экскурсоводом, побывал во всех известных местах, полюбил Иерусалим и Тель-Авив. Но тогда я смотрел на Израиль глазами туриста, а теперь становился гражданином этой страны. И захотел открыть ее для себя по-новому.

Отель на берегу моря для этого не годился. Я решил снять квартиру. И не в центре Тель-Авива, а в Яффо – той части города, где, в отличие от центра, доминирует не, условно говоря, восточноевропейская, а ближневосточная культура. Я арендо-

вал небольшую квартиру в жилом комплексе «Афродита» рядом со старым городом Яффо и начал открывать окружающий мир.

Я снова столкнулся с чем-то новым для себя в Израиле. С сентября 2000 года Израиль жил в условиях второй интифады Аль-Аксы⁹³. Причем волнения проходили не только на «территориях», но и в пределах так называемой «зеленой черты»⁹⁴. Израильские арабы проводили демонстрации, вступали в стычки с полицией, были жертвы. И если в предыдущие годы, чтобы пообедать в одном из многочисленных ресторанчиков на набережной Яффо, столик приходилось заказывать минимум за сутки, то теперь большинство магазинов, кафе и ресторанов в Яффо были закрыты – из-за отсутствия спроса. Работали только небольшие частные аптеки и продовольственные лавки. И еще «Пират» – небольшой рыбный ресторан, единственный на всю округу.

Яффо казался вымершим. Можно было пройтись по улицам и не встретить ни одного человека. Ощущение сталкера: выходишь – и никого нет! Страх запер людей по домам. Угроза терактов была практически ежедневной. В кварталах города с преобладающим арабским населением евреи старались не выходить из дома, опасаясь за свою жизнь.

93 Вооруженное восстание палестинских арабов против израильской власти на территории Западного берега реки Иордан и сектора Газа в 2000–2005 годах.

94 «Зеленая черта» («зеленая линия») – демаркационная линия прекращения огня после окончания Войны за независимость в 1949 году. После Шестидневной войны 1967 года, объединения Иерусалима и распространения израильской юрисдикции на Голанские высоты в 1981 году под «зеленой чертой», как правило, понимается граница между суверенной территорией Государства Израиль, с одной стороны, и контролируруемыми военной администрацией территориями Иудеи и Самарии – с другой.

Но я то ли по наивности, то ли из-за погруженности в свои проблемы не испытывал страха и каждый день гулял по Яффо и Тель-Авиву. До этого у меня никогда не было ни времени, ни возможности просто бродить по городу, смотреть по сторонам, вдыхать ароматы пряностей в небольших лавочках, слушать израильскую музыку, вобравшую в себя арабские и средиземноморские мотивы.

Во время одной из таких прогулок я набрел на Центр каббалы, чуть в стороне от центральной тель-авивской улицы Дизенгоф. Туда можно было просто зайти, выбрать какой-нибудь каббалистический трактат на английском или русском, сесть и читать. Было сложно и непонятно.

Я открывал для себя израильскую street food – марокканскую, тунисскую, арабскую. Научился различать оттенки вкуса хумуса, тхины, узнал, где делают самые вкусные кебабы... Это был безумно интересный фейерверк вкусов, что неудивительно – ведь Израиль принимал евреев из разных стран с их кулинарными привычками и пристрастиями. Так получилось, что на этом небольшом клочке земли от Бухары и Тбилиси до Парижа и Милана, Бейрута или Аммана – считанные метры. Если говорить о кухнях, конечно. К некоторым из них надо привыкать, другие захватывают сразу, а выбор свежих продуктов такой, что самому порой приготовить из них что-то одно удовольствие.

Мне кажется, что я тогда пешком обошел каждую улочку и закоулок в Тель-Авиве. Пейзаж с каждым днем становился все более родным и близким. Я встречался с самыми разными людьми, писателями, художниками. Главным образом русскоязычными. Познакомился с приехавшим в Израиль писателем Василием Аксеновым, мы долго разговаривали, выпили водки, попарились

в русской бане у моего нового знакомого – израильского художника Евгения Абезгауза.

При этом я не забывал про диссертацию. Засел за книги – часть из них мне привезли из России, но многое нашел в Израиле. Я работал по несколько часов в день, тем более что подробный план составил еще в России. Писать было легко, а главное – не покидало ощущение, что я действительно могу сказать что-то новое по истории и роли либерализма в России.

Я довольно много времени проводил в одиночестве, но не чувствовал, что был выключен из происходящего в России. Я продолжал заниматься делами РГГУ, звонил друзьям и коллегам. Я, безусловно, был в курсе происходящего с ЮКОСом. Новости приходили только плохие. Я видел, что власть ведет с нами игру в кошки-мышки, становилось очевидно, что мышку она съест рано или поздно.

Два раза ко мне приезжал Ходорковский. Поскольку меня не покидало ощущение затягивающейся петли, я уговаривал его не возвращаться в Россию. После ареста Алексея Пичугина и Платона Лебедева мне и многим людям в окружении Ходорковского было совершенно понятно, что такая участь может постичь и его, и меня, и других партнеров по ЮКОСу.

Мне кажется, что ни в одной стране мира тюрьма не играет такой роли, как в России. Тюрьма в широком, метафизическом смысле пронизывает жизнь и мировосприятие каждого россиянина. Тюрьма – это не просто место, где преступники отбывают заслуженное наказание. Нет, это своего рода параллельный мир, куда может попасть каждый – и виновный, и невинный. Самая известная русская пословица про тюрьму – «От сумы да от тюрьмы не зарекайся». То есть никто не застрахован ни от обнищания (нищенской сумы), ни от ареста. Сама жизнь в СССР с бесконеч-

ными арестами, тюрьмами и лагерями служила лучшим доказательством правоты этой пословицы. Так, за два месяца до смерти Сталина в лагерях, колониях и тюрьмах числилось 2 миллиона 625 тысяч человек, а в спецпоселениях – 2 миллиона 753 тысячи⁹⁵. А сколько миллионов до и после прошло через эту кошмарную пенитенциарную систему советской власти за семьдесят лет ее существования? Это означает, что практически у каждого советского гражданина в тюрьме сидел родственник, друг, сослуживец или просто знакомый.

Миллионы советских людей знали про тюремные порядки, они с удовольствием распевали блатные песни, употребляли в повседневной речи блатные словечки и смотрели фильмы про уголовников – «Путевку в жизнь», «Джентльменов удачи», «Место встречи изменить нельзя»... Тюрьма в России – нечто близкое, а порой и неизбежное, к чему стоит быть всегда готовым. Это своего рода испытание, которое должен с честью пройти настоящий мужчина.

Наверное, уже тогда Ходорковский внутренне подготовился к подобному испытанию.

Но для меня тюрьма была воплощением абсолютного зла, полного ужаса, ада на земле. Пребывание в заключении для меня неприемлемо и непредставимо. Я бы предпочел принять яд, чем провести хотя бы пару дней в тюрьме... Именно поэтому я с такой страстью отговаривал Ходорковского от возвращения в Россию.

95 Земсков В.Н. Демография заключенных, спецпоселенцев и ссыльных (30–50-е годы).

Вечером 24 октября 2003 года Михаил позвонил мне из самолета, уже несколько часов стоявшего на летном поле аэропорта Нижнего Новгорода в ожидании разрешения на вылет в Новосибирск (он летел в Иркутск с дозаправкой в Новосибирске).

Он сказал: «Привет. Я в самолете в Нижнем. Нас не выпускают на взлет».

Мы оба понимали, что все наши разговоры прослушиваются, и я почувствовал, что он звонит попрощаться со мной.

На многие годы это стало нашим последним разговором.

Ночью 25 октября меня разбудил звонок из службы безопасности ЮКОСа. Сразу после приземления в новосибирском аэропорту Толмачево антитеррористическая группа «Альфа» окружила самолет. Потребовали открыть люк, ворвались на борт и вывели Ходорковского в наручниках в ожидавший милицкий автобус.

Старая жизнь закончилась. В Новосибирске арестовали Ходорковского, значит, и мне назад дороги не было...

ГЛАВА 14.

МОЙ ДРУГ МИХАИЛ ХОДОРКОВСКИЙ

...Я до сих пор в деталях помню свою первую встречу с Михаилом Ходорковским в конце 1987 года. К тому времени мы с Мишей Брудно уже выполнили наш первый заказ для Центра научно-технического творчества молодежи и получили за него деньги. Вскоре помощница Ходорковского Таня Анисимова предложила мне постоянную работу в Центре НТТМ. Но прежде надо было пройти интервью с Михаилом.

Естественно, перед этой встречей я попытался побольше узнать о Ходорковском. Поговорил с самыми разными людьми и услышал весьма противоречивые мнения. Но одно было понятно: парень сделал головокружительную по советским критериям карьеру. К двадцати четырем годам он побывал освобожденным первым заместителем секретаря комитета ВЛКСМ Московского химико-технологического института, который окончил с отличием, вступил в КПСС и теперь возглавлял новую экономическую инициативу, поддержанную партией и правительством СССР.

Я ожидал увидеть эдакого комсомольского вожака в типичном сером костюме и галстуке, четко понимающего, каким тоном разговаривать с начальством, а каким – с подчиненными. Но когда я открыл дверь в маленький кабинет, навстречу мне вышел из-за стола интеллигентный парень в джинсах и джинсовой куртке. Он усадил меня на стул, а сам присел на стол, и наша беседа пошла не по стандартной схеме. С самого начала Миша выбрал естественный, доверительный, заинтересованный и дружественный тон, говорил тихо и на хорошем московском язы-

ке. Все это мгновенно расположило меня к нему. Я, в принципе, всегда старался устанавливать с начальством равные отношения и никогда бы не смог работать с руководителем, живущим по принципу «я начальник, ты дурак». В Мише это отсутствовало начисто, хотя он всегда был несомненным лидером и умел жестко отстаивать свои решения.

Конечно, я бы мог сказать еще очень много хороших слов про моего друга, но поскольку эта книга посвящена во многом проблеме идентичности, то хотел бы прежде всего затронуть тему национального самоопределения Ходорковского.

Сам я рос и воспитывался в советской еврейской семье, где определение «советский» стоит на первом месте, а «еврейский» на втором. Хотя мои родители и мои деды и бабушки были убежденными коммунистами, еврейские корни давали себя знать – в именах и фамилиях родственников, в еврейских блюдах на семейном застолье, в прослушивании дедом «Голоса Израиля». А Миша рос и воспитывался просто в советской семье. Мама у Миши русская, а отец – еврей, но никакой «еврейской атмосферы» в доме не было. Он рос в семье советских интеллигентов и смотрел на свои еврейские корни как на некий природный фактор, который в Советском Союзе иногда мешал его карьерному росту⁹⁶. Безусловно, и культурно, и ментально Михаил считал и продолжает считать себя русским. Он не интересовался ни своими еврейскими корнями

96 Так, Дэвид Хоффман в книге «Олигархи» пишет: «Его отец, работавший на заводе по производству прецизионных инструментов, был евреем, а это значило, что Ходорковский не смог бы занять высокую должность в партии, хотя и был одним из руководителей комсомольской организации Института имени Менделеева».

ми, ни еврейской историей, ни Государством Израиль. И точно никогда не считал ни МЕНАТЕП, ни ЮКОС «еврейскими компаниями», хотя любой бдительный советский кадровик указал бы ему на высокий процент «лиц еврейской национальности» в руководстве.

Миша и я

Я считал подобное самовосприятие данностью, не подлежащей обсуждению. И дело даже не в том, что помимо национальной темы у нас с Мишей была масса других точек соприкосновения. Для меня такая его позиция была лишним доказательством, что национальное самоопределение должно быть решением свободного в своем выборе индивидуума, а не чиновницы из паспортного стола. Кроме того, Михаил всегда поддерживал меня в моих еврейских начинаниях, в частности, тогда, когда я решил стать президентом Российского еврейского конгресса.

Впрочем, в последние годы Ходорковский начал интересоваться Израилем и даже полюбил его. Я ему помог открыть для себя многие стороны еврейского государства – не только его туристические достопримечательности, но и современные науку, промышленность, информационные технологии. Но в 1987 году до всего этого было еще далеко.

Было и другое, что меня просто поразило при первой нашей встрече: глубина его мышления. Чувствовалось, что он в теме и подготовился к нашей беседе. И хотя мне тогда было двадцать восемь лет, а ему всего двадцать четыре, воспринимался он как мудрый и опытный человек.

Беседа наша прошла легко и естественно, и даже не очень простую для меня тему – вопрос о моей будущей зарплате и должности – мы закрыли без проблем и особой торговли. Я стал называться ведущим инженером с зарплатой на пятнадцать-двадцать рублей больше, чем в «Зарубежгеологии».

Я часто думаю, как сложилась бы моя жизнь, если бы я не начал в том далеком 1987 году работать с Ходорковским? В любом случае с голоду я бы не умер и уж точно не стал бы одним из тех несчастных советских служащих, которые не смогли найти себя в новой России. В конце концов, я был неплохим программистом, а такие люди в конце 80-х – 90-е были весьма востребованы. Скорее всего, я ушел бы в какой-нибудь кооператив и со временем стал бы вполне преуспевающим предпринимателем средней руки.

Но именно та встреча с Ходорковским, приведшая к нашему многолетнему сотрудничеству, сыграла судьбоносную роль в моей жизни. Тогда я увидел перед собой не просто симпатичного, интеллигентного, умного и образованного человека, но настоящего стратега и визионера, за которым хотелось идти.

Позже я часто сравнивал свой характер – и личность Михаила. Конечно, я не лишен лидерских качеств, но я все-таки человек рефлексирующий, колеблющийся, сомневающийся. Особенно комфортно и естественно я себя ощущаю на стадии обсуждения проблемы, в дискуссии и спорах. Задавать вопросы, подходить к теме с разных углов – это мое, а вот принимать окончательные решения – нет. Это – истинное призвание Ходорковского. Он настоящий кризис-менеджер.

Позже, когда я проработал уже несколько месяцев в Центре НТТМ, знаком нашего содержательного сближения с Мишей стали, как мне кажется, именно совместные обсуждения стратегических шагов развития центра. Например, стоит нам направлять наши усилия на поддержку научных проектов или промышленных? Что более выгодно и перспективно? Тогда и зародилась наша дружба-партнерство.

Последнее слово всегда оставалось за Михаилом. Именно он брал на себя ответственность за будущее нашей команды. Надо понять, что принимались эти решения в новую эпоху, когда менялись правила игры, когда каждое действие было сопряжено с высоким риском и идти приходилось буквально по минному полю. В таких условиях нужно было обладать не только интеллектом и образованием, но и интуитивным мышлением и решительностью.

В этом смысле Ходорковский стал своего рода ледоколом, который ломал лед старых советских правил и инструкций и прокладывал путь в новой реальности. Михаил не приспособливался к знакомым обстоятельствам и устаревающей советской системе – он сам создавал новую действительность.

Я думаю, что для многих начинающих тогда предпринимателей и будущих «капитанов индустрии» он был примером и путеводной звездой.

Для меня работать и дружить с таким человеком было и честью, и удачей, и счастьем.

Все шестнадцать лет с момента моего знакомства с Михаилом происходило постоянное движение вперед. Шла увлекательная работа в команде профессионалов, был личностный рост. Я смог попробовать себя в разных ролях, имел возможность ставить перед собой сложнейшие задачи и решать их. Будущее свое я видел в России.

И вдруг все это закончилось.

Словно локомотив, мчавшийся на всех парах, неожиданно врезался в бетонную стену.

Сейчас мне трудно передать то чувство тоски и безнадежности, которое накрыло меня после ареста моего друга.

Но я не имел права уходить в депрессию и меланхолию. Я – человек дела, невозможность что-либо предпринять – самое большое наказание для меня.

Я руководствовался прежде всего своим представлением о чести и чувстве долга. Я должен был сделать все, чтобы выгнать МБХ из заключения.

И началась долгая и упорная борьба за освобождение Ходорковского из тюрьмы. Она продолжалась многие годы и завершилась спустя десять лет, 20 декабря 2013-го.

Огромной поддержкой для меня стало то обстоятельство, что я находился не в изгнании, а дома. И среди своих.

А 3 ноября 2003 года я наконец-то получил теудат зеут – удостоверение гражданина Израиля, что символизировало начало нового этапа в моей жизни.

ГЛАВА 15. ЧТО ТАКОЕ PEOPLEHOOD?

До окончательного переезда я не был глубоко погружен в израильскую жизнь со всеми ее особенностями. В начале моего знакомства с Израилем он, с точки зрения москвича, который много времени проводил в Европе и Штатах, выглядел очень восточной страной, достаточно чуждой – и по климату, и по атмосфере, и по манере поведения людей.

Израильское общество в его многообразии, со своими конфликтами и противоречиями, было мне практически незнакомо. Теоретически я бы мог построить в Израиле башню из слоновой кости и заниматься своими делами, отгородившись от внешнего мира. Но я принципиально решил стать частью израильского социума и начать свой собственный процесс абсорбции.

Еще в России я слышал выражение «плавильный котел» (melting pot). Принадлежит оно еврейскому писателю и журналисту Израэлю Зангвиллу из Великобритании (1864–1926), который применил его впервые к процессу ассимиляции евреев в США. Но затем его стали использовать отцы-основатели Израиля, верившие, что в новом еврейском государстве из прибывающих сюда иммигрантов со всего мира будет происходить выплавка нового еврея, лишённого комплексов евреев, проживающих в «изгнании».

Процесс ассимиляции, привыкания и вхождения в израильское общество они называли химическим термином «абсорбция» (ивр. клита). Каждый раз, когда я слышал изложение этой теории, невольно вспоминал знакомые мне с детства рассужде-

ния о том, что в Советском Союзе возникла новая сущность – советский человек.

Но когда я ближе познакомился с израильским обществом, то открывшаяся мне реальная картина оказалась намного сложнее и интереснее. Выяснилось, что израильтяне делятся на светских и религиозных, евреев и арабов, ашкеназов⁹⁷ и сефардов⁹⁸, выходцев из Союза, Марокко, Ирака и многих других стран. При этом зачастую даже тот, кто родился в Израиле, помнит о своем происхождении, пусть и не говорит на языке страны исхода своих предков. Естественно, многие репатрианты все равно стремятся держаться друг друга, жить рядом, искать пару из своего круга. Всех объединяют государство и религиозные праздники, но даже они проходят неодинаково, а синагоги для ашкеназов и сефардов – разные. У религиозных евреев имеются два главных раввина: один для ашкеназов, другой для сефардов. Конечно, армия в значительной степени цементирует и унифицирует прежде всего светскую часть израильского общества, но культурные и ментальные различия остаются.

Сначала наиболее комфортным способом влиться в новую среду мне показалось сближение со «своими». Это были русскоязычные евреи, которые либо приехали давно, в 70-е годы, либо

97 Ашкеназы (термин происходит от слова «Ашкеназ» – семитского названия средневековой Германии) – так в современном Израиле называют выходцев из Европы, США, Южной Америки и других стран, чьи предки говорили на идиш.

98 Сефарды, или мизрахим (букв. с иврита «жители Востока»), – условное название евреев, проживающих и проживавших в странах Ближнего Востока и Северной Африки, и выходцев из этих стран в Израиле. В широком смысле мизрахим включают в себя прежде всего евреев из арабоязычных стран, а также персидских, бухарских, горских, индийских и курдистанских евреев.

прибыли в Израиль с Большой аליей в 90-х. Но общего у нас оказалось немного. С тех пор, как они покинули Советский Союз или Россию, прошло как минимум десять, а то и тридцать лет. Их мировоззрение осталось на том уровне, на котором оно находилось к моменту эмиграции. У меня возникло ощущение, что старожилы (то есть прибывшие в 70–80-х) неплохо понимают израильские реалии, но не разбираются в современной России, а новопривывшие застряли между СССР и Израилем.

В какой-то момент я подумал, что «русская улица» меня поглотит, что все социальные, политические, деловые отношения в новой стране будут строиться через фильтр русского языка и соответствующей ментальности. И я осознанно стал выстраивать свой собственный круг общения. Вернулся к связям, наработанным еще в Российском еврейском конгрессе, восстановил достаточно быстро контакты с лидерами американских и израильских еврейских организаций – Еврейского агентства «Сохнут», Керен-ха-Йесод, Иерусалимского и Тель-Авивского университетов. Так я вошел в среду израильских интеллектуалов и профессионалов, представляющих второе и третье поколение тех самых сионистов, которые строили государство.

Стало намного комфортнее. Проблем не возникало, потому что эти люди были связаны с евреями диаспоры. Общались мы на английском: иврит я начал учить через пару лет после переезда в Израиль. Убеждения у нас очень схожие: желание укреплять и развивать страну, ощущение своей причастности к еврейскому народу и осознание долга перед ним. Мне такая позиция более близка, чем постоянная критика государства со стороны «русских»: «это плохо, то ужасно», или еще наше любимое: «Какие все вокруг дураки!» Подобное отношение касается всего, что непостижимо и недостижимо – в силу особенного советского куль-

турного кода, лени или заносчивости. (Безусловно, это обобщение, предполагающее многочисленные исключения; среди моих друзей в Израиле по-прежнему много «русских».)

Меня поразили интеллектуальный уровень израильской элиты. Эти люди знают историю своей страны и народа в таких мельчайших деталях, конкретных судьбах и точных цифрах, что далеко не всегда я мог поддерживать разговор (к счастью, я умею слушать и учиться). Когда я открыл для себя это общество, Израиль стал моим. Он подарил мне мой народ и цель на вторую половину жизни. Я понял, чем должен заниматься.

Хочу отметить еще одно принципиально важное для меня обстоятельство. Мои первые годы погружения в израильское общество совпали с моим преследованием в России: в 2004 году меня объявили в международный розыск, вскоре в России провели абсолютно фальшивый суд в мое отсутствие и приговорили к пожизненному заключению. Путинская пропаганда объявила меня преступником, а путинский режим добивался самыми разными способами моей экстрадиции. Это было очень тяжелое время для меня и моих близких. Очень многим моим друзьям в России пришлось прервать со мной отношения. Но ни один из моих старых знакомых – ни в Израиле, ни в США – не отказал мне в дружбе. Более того, они мне сами звонили со словами поддержки и говорили, что верят мне, а не Путину.

Мне было важно начать свою жизнь в новой стране со значимого и нужного проекта.

Я задумал учредить новый благотворительный фонд в Израиле вскоре после приезда в эту страну. Моральная поддержка моих друзей и демонстрация еврейской солидарности только укрепляли мою уверенность в том, что решение я принял верное.

Филантропия – неотделимая часть еврейской жизни, традиции, мировосприятия. В мире существует огромное количество еврейских благотворительных фондов и организаций. По данным старейшей американской еврейской газеты Forward, только в США активы еврейских организаций превышают двадцать шесть миллиардов долларов, а на еврейскую благотворительную деятельность расходуется как минимум четырнадцать миллиардов долларов в год. По сути, это целая отрасль, в которой задействовано столько же работников, сколько на предприятиях Форда.

А ведь еще существуют многочисленные благотворительные организации в Великобритании, Франции, Австралии, Аргентине и многих других странах, не говоря уже о самом Израиле, где филантропия – очень важная часть социальной активности граждан.

Перед нами стояла очень непростая задача: найти для будущего фонда свою нишу, точно определить его сферу деятельности, которая бы отвечала моим убеждениям и представлениям о том, что и как я могу сделать для своего народа и своего государства.

Я уже писал о том особом ощущении, которое испытывал, общаясь с евреями в Нью-Йорке или Тель-Авиве. Я чувствовал, что между нами возникают особая связь и единение. Впрочем, это осознание принадлежности к чему-то большему, надличностному появилось у меня достаточно рано. Я часто задумывался, почему же так получалось, что евреев вокруг меня было больше, чем неевреев? Это были друзья, знакомые, коллеги... В Советском Союзе, не зная ничего, не отмечая еврейских праздников и не соблюдая традиций, мы тянулись друг к другу. Если компания, то еврейская, если близкий товарищ, то еврей. Что же нас объединяло?

Кстати, «еврей» для меня очень широкое понятие. Более того, не важно, есть ли в человеке еврейская кровь. Вне зависимости от религиозных определений, если человек считает себя частью еврейского народа, я приветствую его выбор.

Наше коллективное еврейское сознание (и подсознание), наша коллективная еврейская идентификация уже много лет изучаются социологами, историками, психологами и политиками. Я верю, что именно коллективная идентификация обладает той внутренней силой, которая способна сохранять наш народ как единое целое. Не в географических границах, а в мировоззренческих. Я долго шел к пониманию этой парадигмы.

Термин Jewish Peoplehood придумал выходец из Российской империи раввин Мордехай Каплан. Он принадлежит к числу тех еврейских учителей и мыслителей, которые постоянно искали пути обновления еврейской традиции в новое время. Так, он считается одним из основателей консервативного иудаизма в США, который создавался как своего рода компромисс между ортодоксальным и реформистским иудаизмом для евреев – выходцев из России. Уже в достаточно зрелом возрасте, а всего прожил он сто один год, Каплан создал еще одно течение – реконструкционизм. Каплан написал знаменитую работу «Иудаизм как цивилизация», где доказывает, что еврейский народ, подобно другим народам, создал свою уникальную цивилизацию.

Несмотря на то что Каплан сам был раввином и за многие годы преподавания в Еврейской теологической семинарии в Нью-Йорке возвел в духовный сан тысячи раввинов, он понимал, что в наши дни традиционная религия не может оставаться главным фактором, объединяющим еврейский народ. При этом он всегда подчеркивал, что еврейская цивилизация и ее духовные ценности (политические, общественные, этические и эсте-

тические) тесно связаны с традиционным, в том числе религиозным, восприятием. Но эти ценности неизбежно развиваются, обновляются сами и обновляют евреев, их отношения между собой и с окружающим миром. Так вот, Каплан считал, что, помимо священных текстов, ритуалов и традиций, одной из основных ценностей, объединяющих еврейский народ, является чувство сопричастности индивида к коллективному сознанию народа, его истории, культуре, традициям. Именно это мироощущение он и называл Jewish Peoplehood.

При этом Мордехай Каплан отрицал понятие «избранный народ», возможно, в пику любым расовым теориям. Одним из изменений, внесенных им в свой молитвенник и вызвавших споры среди религиозных евреев, стала переработка молитвы-благословения «Кидуш». В традиционном тексте молитвы евреи благодарят Б-га, «который избрал нас из всех народов», в молитвеннике же Каплана вместо этого сказано: «Кто возвел нас к служению Тебе». Возмущенная изменениями, внесенными Капланом в этот текст, группа ортодоксальных раввинов отлучила его от общины и публично сожгла его молитвенник.

Должен признаться, что меня всегда привлекали люди, находившие мужество и силы отстаивать свои взгляды вопреки многовековой традиции и мнению большинства.

Именно понятие Jewish Peoplehood стало стратегией и идеологией фонда «НАДАВ», про который я расскажу ниже.

Увы, если на иврит Jewish Peoplehood еще смогли перевести как «амияот», то в русском языке точного и емкого аналога найти не смогли. Английский суффикс «-hood» похож на русский суффикс «-ств-»: материнство, отцовство, братство, – но все-таки означает скорее состояние, чем восприятие и действие. Существует еще такое традиционное выражение «быть евреем».

Оно предполагает не только соблюдение заповедей, но и признание себя частью еврейского народа и готовность жить и действовать ради него. Это очень емко сказано в Талмуде: «коль Израэль арэвим зэ бэээ», что можно перевести как «все евреи отвечают друг за друга», или, иначе говоря, «один за всех – и все за одного».

Впрочем, в наши дни приходится защищать само понятие «еврейский народ». Противников этого термина мы можем найти как в правом, так и в левом лагере. Например, многие ультра-ортодоксальные евреи считают, что еврей – это прежде всего человек, ревностно соблюдающий библейские заповеди. И именно себя, в отличие от светских евреев, они считают «избранным народом».

С другой стороны, есть и те, кто отрицает само понятие «еврейский народ». Так, в 2008 году вышла в свет и быстро стала международным бестселлером книга бывшего израильского коммуниста профессора Шломо Занда «Кто и как изобрел еврейский народ», в которой он страстно пытается доказать, что еврейская история – это миф, а понятие «еврейский народ» не более чем идеологический и пропагандистский штамп. Увы, в этом он перекликается с товарищем Сталиным, который еще в 1913 году в статье «Марксизм и национальный вопрос» отказывал евреям в праве называться нацией и смеялся над понятием «общность еврейской судьбы».

Я категорически не согласен с подобным подходом. Да, на протяжении веков, если не тысячелетий, мы были разбросаны по всему миру и у нас не было своего государства. Мы были вынуждены приспособливаться к окружающей нас культуре других народов, мы говорили на разных языках, по-разному одевались, по-разному выглядели. Наше многообразие, которое я считаю

благословением, а не проклятием, особенно наглядно проявляется в Израиле – от привычек вести себя в обществе до кулинарных предпочтений.

При всем при этом я верю, что мы были и остаемся единым народом.

Нас объединяла не только Тора и традиции, но и иврит, который сохранялся практически во всех общинах как священный и литературный язык, а также система ценностей, или ментальность, к которой можно отнести предприимчивость, любопытство, трудолюбие. В этой системе огромная роль отводилась образованности и начитанности. Можно вспомнить и заповедь пидион швуим (выкуп пленных), которая обязывала евреев выкупать своего единове́рца, захваченного в плен во время войны, попавшего в руки работорговцев или разбойников либо несправедливо удерживаемого властями в заключении. Наши мудрецы считали эту заповедь одной из священнейших. Можно привести много примеров исполнения этой заповеди в древности и в Средневековье, но я хочу подчеркнуть, что и в наши дни именно она стоит за кажущимися кому-то «нерациональными» решениями израильского правительства, которое, например, согласилось обменять сержанта Гилада Шалита, в течение пяти лет находившегося в плену у боевиков ХАМАСа, на 1027 палестинских террористов.

И еще нас объединяла мечта: каждый год на протяжении веков евреи во всех общинах – от Китая и Индии до Дикого Запада – завершали пасхальную трапезу словами «В будущем году в Иерусалиме». Мои предки в белорусских местечках тоже повторяли эту фразу из года в год. И вот их мечта сбылась: в XX веке было построено Государство Израиль, и населяют его среди прочих потомки тех самых белорусских евреев.

Впрочем, как это часто бывает, осуществление самых возвышенных мечтаний и целей не влечет за собой автоматического разрешения всех остальных проблем.

Так, выяснилось, что в современном Израиле религия не столько объединяет, сколько разъединяет еврейский народ, а политическая деятельность религиозных партий только усиливает отчужденность светского населения от религиозного. В любом демократическом обществе есть напряженность в восприятии друг друга между богатыми и бедными, но в Израиле к этому добавляется еще и напряженность между выходцами из разных стран.

Нас, несомненно, объединяет коллективная память о жертвах среди еврейского народа. В Израиле во время всех религиозных праздников (за исключением Судного дня⁹⁹) вы найдете открытые магазины, работающие кинотеатры, кафе и рестораны; но два вечера в году – накануне Дня памяти павших в войнах Израиля и жертв террора и Дня катастрофы и героизма восточноевропейского еврейства – абсолютно все будет закрыто.

Существует также непростая проблема взаимоотношений между израильтянами и евреями, живущими в других странах. Пожив немного на Земле обетованной, я стал замечать определенный эгоцентризм коренных израильтян. По отношению к евреям галута (ивр. диаспора) они – немного высокомерны и зачастую ожидают от них безусловной поддержки Израиля. Мне показалось, что внутри израильского общества иногда недооце-

99 Йом-Киппур (День искупления, Судный день) – в иудаизме самый важный из праздников, день поста, покаяния и отпущения грехов. Отмечается в десятый день месяца тишрей.

нивают смысл и силу понятия «еврейский народ», половина которого живет за пределами страны.

Впрочем, и в диаспоре для многих евреев Израиль – это зачастую малознакомое, а иногда и чуждое государство.

Парадоксально, что с внешней, нееврейской точки зрения мы представляемся единым и сплоченным народом. Антисемиты при этом говорят о международном сионистском заговоре, а филосемиты – об особо талантливом «избранном народе». Но когда начинаешь погружаться в эту тему, изнутри видишь сплошные конфликты. Впрочем, будучи оптимистом, я считаю, что эти противоречия – признак того, что организм жив и постоянно развивается.

Чем больше я понимал глубину противоречий, разрывов внутри еврейского народа, тем больше значения придавал идее его сплочения.

Я оказался в Нью-Йорке в сентябре 2010 года, когда бывший тогда президентом Ирана Махмуд Ахмадинежад, неоднократно заявлявший, что сионистский режим надо стереть с лица земли и что Холокоста не было, впервые приехал на сессию Генеральной Ассамблеи ООН. И я видел, как все подступы к штаб-квартире Организации Объединенных Наций заняли евреи с лозунгами «Долой Ахмадинежада из ООН!». Тысячи, десятки тысяч – пережившие Холокост старики и ни разу не бывавшие в Израиле подростки. Одни в кипах, другие в галстуках, третьи с татуировками. И хотя я лично не участвовал в демонстрации, до сих пор помню это ощущение: нас не шесть – нас тринадцать миллионов!¹⁰⁰ Нас много!

100 В докладе профессора Серджио Делла Пергола из Еврейского университета, опубликованном в ежегоднике American Jewish Year Book, утверждается, что в 2019 году еврейское население всего мира составляло около 14,8 миллиона

Именно это понимание важности еврейской солидарности, чувство принадлежности к единой судьбе определило выбор первых проектов, которые начал поддерживать новый фонд.

человек. Около 8,1 миллиона евреев живут за пределами Израиля, из них около 5,7 миллиона – в США.

ГЛАВА 16.

ФОНД «НАДАВ»

Мы решили назвать новый фонд «НАДАВ». На иврите это слово ассоциируется с такими понятиями, как щедрость, благодеяние. Но также это на иврите первые буквы фамилий троих основателей фонда: моей, Володи Дубова и Миши Брудно – моих старых друзей и партнеров по ЮКОСу.

Я хотел бы сказать самые теплые слова благодарности моему другу и единомышленнице Алле Леви, которая оказала неоценимую помощь в создании и развитии нашего фонда, а также помогла мне лучше понять израильское общество и особенности подхода к благотворительности.

Мы с Аллой познакомились во время моего первого официального визита в Нью-Йорк. Я был президентом РЕКа, Алла – старшим посланником Еврейского агентства в США. Она сразу произвела на меня впечатление умного, делового и независимого человека. Алла приехала в Израиль в далеком 1971 году. Тогда практически каждому выезду из СССР предшествовала долгая, изнурительная борьба с советской властью, и случай Аллы не был исключением. Недавно она опубликовала очень искреннюю и эмоциональную книгу о своем духовном становлении и непростом пути в Израиль под названием «Я – вольная птица».

Много лет Алла Леви проработала в Еврейском агентстве, познакомилась с еврейскими общинами во всем мире. Именно она помогла мне четко сформулировать философию будущей деятельности фонда. Помогла выбрать первые проекты, которые поддерживал наш фонд.

Мне известны несколько филантропических тактик. Одни учреждают фонд, выделяют сумму на его деятельность и все руководство отдают в руки профессионалов. Другие стараются вникать в каждый финансируемый проект и пытаются им руководить, то есть занимаются микроменеджментом. Я же выбрал для себя, как мне кажется, золотую середину. С одной стороны, в фонде «НАДАВ» работают опытные профессионалы, которым я полностью доверяю. Но при этом мы с ними регулярно встречаемся, анализируем состояние дел, спорим и дискутируем. Я выдвигаю свои идеи и предложения, и они не всегда проходят испытание коллективным обсуждением. Иногда сотрудники фонда предлагают новые проекты. У нас нет отношения «начальник – подчиненный». Мы – один небольшой коллектив, который занимается важным и очень интересным для меня делом.

Среди самых первых проектов фонда были программы «Таглит» (Taglit-Birthright) и «Маса» (Masa Israel Journey). Программа «Таглит» была инициирована моими друзьями – американскими филантропами Майклом Стейнхардтом¹⁰¹, Чарльзом Бронфманом¹⁰² и Линн Шустерман¹⁰³. Идея, которую они выдвинули, сначала казалась абсолютно утопической. Они предложили дать

101 Стейнхардт Майкл (1940) – американский бизнесмен и филантроп. Председатель совета благотворительного фонда Steinhardt Foundation for Jewish Life and Taglit-Birthright Israel.

102 Бронфман Чарльз (1931) – американско-канадский бизнесмен и филантроп. Младший брат Эдгара Бронфмана. Председатель благотворительного фонда Andrea and Charles Bronfman Philanthropies Inc., основанного в 1986 году.

103 Шустерман Линн (1939) – американский филантроп, соучредитель и председатель благотворительного фонда Charles and Lynn Schusterman Family Philanthropies.

каждому молодому еврею или потомку еврея (в соответствии с Законом о возвращении) в возрасте от восемнадцати до тридцати двух лет возможность практически бесплатно посетить Израиль. В ходе десятидневной экскурсии группы молодежи по сорок-пятьдесят человек должны были не только посещать известные туристические достопримечательности, но и знакомиться со своими израильскими сверстниками, встречаться с друзьями и родственниками, уже проживающими в Израиле.

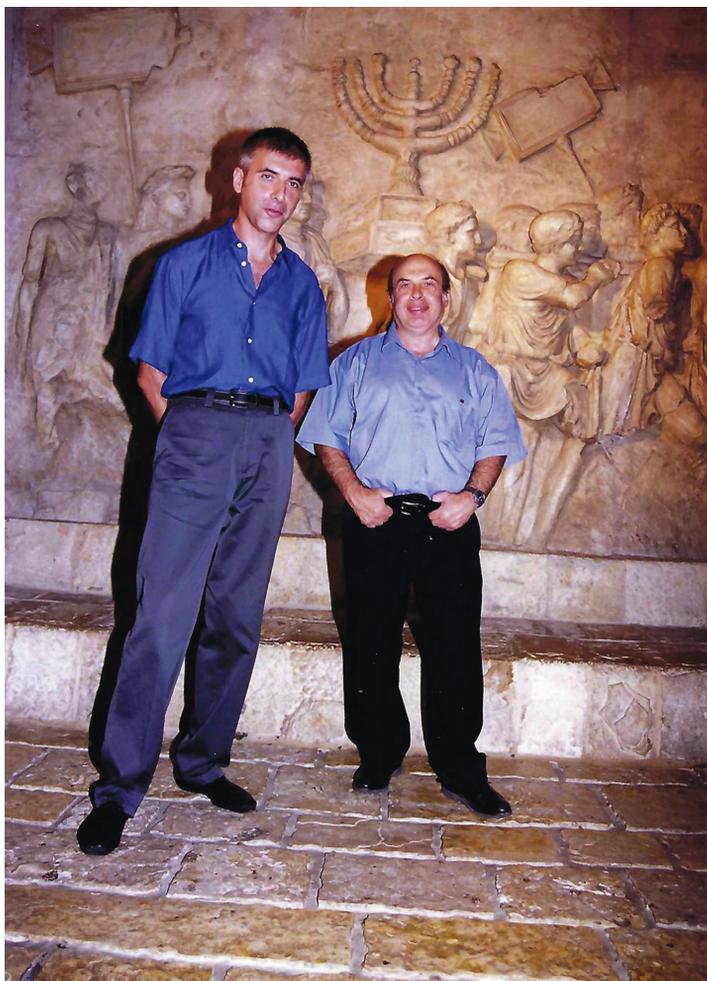
Я не сомневаюсь, что спонсоры программы, планируя эту инициативу, прежде всего думали о молодых американских евреях, среди которых в конце 90-х годов стали наблюдаться тревожные тенденции.

Дело в том, что американские евреи после Второй мировой войны, и в особенности после победы Израиля в Шестидневной войне, стали горячими сторонниками Израиля. В 70-х годах из США даже началась небольшая алия (репатриация) в Израиль. А те американские евреи, которые решили быть сионистами, оставаясь в США, считали своим долгом регулярно посещать Израиль и жертвовать на различные израильские проекты.

Однако эти настроения постепенно менялись, и в конце XX века все больше молодых американских евреев стали воспринимать Израиль как далекую и чужую страну. Есть многочисленные исследования на эту тему, цифры приводятся разные, многие из них оспариваются социологами, но тенденция очевидна: американская еврейская молодежь отдаляется от Израиля.

Для такого изменения отношения было много причин: и продолжающийся палестино-израильский конфликт, и бесконечные дразги в современной израильской политике, и антиизраильская пропаганда в студенческих кампусах. Но также очень важным было отсутствие представления о современном Израиле

ле. Именно его и хотели дать молодым евреям инициаторы проекта «Таглит».

Натан Щаранский и я в Музее еврейского народа

Я впервые услышал об этой идее от председателя Еврейского агентства Салая Меридора. И сразу понял, что это – самый крупный проект, реализующий концепцию Jewish Peoplehood на практике, который, несомненно, усилит ощущение причастности молодого человека к земле предков и к судьбе еврейского

народа. Потом к этой программе присоединились другие филантропы, еврейские федерации Северной Америки и, что очень важно, правительство Израиля. Жизнь показала, что «Таглит» стал одной из самых успешных образовательных программ: с 1999 года благодаря ей Израиль посетили сотни тысяч человек из шестидесяти двух стран¹⁰⁴.

Наш фонд с самого начала участвовал в нескольких подобных инициативах. Но при этом я понимал, что ему необходим свой уникальный, флагманский проект.

В конце 2003 года мне позвонил Натан Щаранский, с которым я познакомился еще в Москве, и предложил встретиться. На встрече Натан сказал, что обращается ко мне по просьбе премьер-министра Ариэля Шарона, в правительстве которого Щаранский тогда занимал пост министра по делам Иерусалима и диаспоры. Выяснилось, что на повестке дня стоял вопрос о спасении Музея диаспоры (Бейт ха-Тфуцот), расположенного в кампусе Тель-Авивского университета.

Этот музей, открытый в 1978 году, считался в свое время одним из самых технологически продвинутых. В его экспозиции не было ни одного исторического объекта, кроме стола, на котором была подписана Декларация Бальфура¹⁰⁵. Все прочие экспонаты были созданы специально для того, чтобы наиболее на-

104 Сайт «Таглит» <https://www.birtherightisrael.com/about-us>

105 Декларация Бальфура 1917 года – официальное письмо, датированное 2 ноября 1917 года, от министра иностранных дел Великобритании Артура Бальфура к лорду Ротшильду, в котором сообщалось, что британское правительство «с одобрением рассматривает вопрос о создании в Палестине национального очага для еврейского народа и приложит все усилия для содействия достижению этой цели».

глядно отразить главную концепцию музея: еврейский народ прожил долгие века в галуте, прошел через многочисленные страдания, но в конце концов осуществил свою мечту и вернулся в Землю обетованную.

В первые годы существования в музей выстраивались огромные очереди. Но постепенно интерес израильтян снижался, государственные дотации сокращались, а уменьшение потока туристов в Израиль из-за Второй интифады привело к тому, что он оказался на грани финансового краха. Уже поговаривали о его закрытии.

Щаранский повез меня в музей, который произвел на меня весьма удручающее впечатление. Было видно, что годы его расцвета остались позади, некогда технологически передовая экспозиция теперь выглядела устаревшей, а темнота залов подчеркивала мрачное настроение, царившее среди сотрудников музея.

Той относительно небольшой суммы, которую я пожертвовал тогда, музею хватило на несколько месяцев, и вскоре ко мне обратились снова. Тогда я и принял решение, определившее деятельность и фонда «НАДАВ», и музея на много лет вперед: именно возрождение музея, посвященного еврейскому народу, станет нашим флагманским проектом.

Я выразил готовность стать основным спонсором Музея диаспоры, но при одном условии: фонд становится его партнером, и мы вместе проводим в нем кардинальную реформу. Впереди предстояла огромная работа: набор новых сотрудников, разрешение трудовых конфликтов, разработка концепции новой экспозиции. С самого начала я считал, что ответственность за обновление музея должны вместе с нами разделять и Государство Израиль, и еврейские филантропы во всем мире. И уже в 2005 году израильский кнессет принял Закон о Бейт ха-Тфуцот,

который определил музей как «национальный центр еврейских общин в Израиле и во всем мире».

Каждый музей отражает свою эпоху. Как через дизайн и внутреннее устройство, так и через принципы отбора экспонатов и пояснений к ним. Исторические музеи стоят в особом ряду. В отличие от художественных, которые призваны погрузить посетителя в мир прекрасного, их главная задача – представить определенную версию истории народа, раскрыть его идентичность – иногда в многообразии, иногда преднамеренно прямолинейно.

Дом диаспор – так буквально переводится название музея Бейт ха-Тфуцот – также отражал свою эпоху и представления израильских и еврейских лидеров о еврейской истории и отношениях между Государством Израиль и диаспорой. Эти люди совершили настоящее чудо: возродили еврейское государство на своей земле. Они стали свидетелями возвращения сюда сотен тысяч евреев. Сбылись речения пророков! Естественно, что для отцов-основателей государства история евреев поделилась на до и после 1948 года – года основания Израиля, а география еврейского народа – на Израиль и все остальные страны.

При этом в еврейской истории в рассеянии подчеркивались именно страдания и беды еврейского народа. Экспозиция начиналась с огромных камней разрушенного Второго Храма и арки Тита, на барельефе которой изображены римские солдаты, марширующие с храмовой менорой и другими трофеями из разграбленного Храма (это были муляжи из гипса и папье-маше). Все три этажа пронизывала черная металлическая решетчатая конструкция, символизирующая жертвы еврейского народа во время Холокоста. Конечно, были в музее и залы, посвященные еврейским праздникам, традициям, духовным

достижениям, был зал с замечательными моделями синагог, но в целом посетитель выходил с ощущением, что еврейская история – это погромы, лишения и скитания по враждебному миру. Через это ощущение передавался в 1970-е годы призыв лидеров Израиля к евреям диаспоры: «Хватит прозябать среди чужих – возвращайтесь на историческую родину!» – в изложении на музейном языке.

Моя дочь Ирина в Музее еврейского народа «АНУ»

Мы же начинали нашу «перестройку» в начале XXI века, когда многое изменилось. Израиль превратился в одну из ведущих экономических, военных и технологических держав на Ближнем Востоке. Далекое не все евреи совершили алию, примерно половина народа продолжала жить в других странах. Более того, сотни тысяч израильских граждан перебрались в США, Англию, Францию и даже Германию.

Перед нами стояла непростая задача отразить эту изменившуюся ситуацию, это новое самоопределение в обновленном музее.

На одном из первых совместных обсуждений представителей нашего фонда с работниками музея Алла Леви произнесла ключевую фразу: «Новый музей должен рассказывать не о прошлом еврейского народа, а о его настоящем и будущем». Именно

Саби Майонис, Ирина и я на семинаре участников программы «Хабогрим»

поэтому сегодня новый Музей еврейского народа, в который мы превратили Бейт ха-Тфуцот, открывается с обзора современного еврейского мира.

Тогда же мы сформулировали девиз музея: «Эта история – твоя». Мы хотели, чтобы посетитель выходил из музея не просто сторонним наблюдателем, а с ощущением, что он сам – часть огромного и многообразного еврейского мира, с которым он

связан личными узами. И он должен испытывать не только горечь былых утрат, но и гордость за принадлежность к еврейскому народу.

Этот девиз стал основой нашего подхода к работе над новой концепцией и экспозицией музея.

Пятнадцать лет реконструкции – это долгий путь. И, должен признаться, весьма непростой.

За эти годы сменилось несколько директоров, неоднократно обновились составы попечительских советов и музейных комиссий. Сколько яростных споров – до криков, слез и смертельных обид – велось о том, что должно быть включено в экспозицию, а что – нет. Вопросы обсуждались непростые. Например, как показать многообразие современного иудаизма? Должны ли мы рассказать о женщинах-раввинах в реформистском и консервативном течениях? Можем ли упомянуть однополые браки, освящаемые реформистами в США, но считающиеся богопротивными с точки зрения ортодоксов?

Несколько лет мы искали дизайнерскую фирму для работы над новой экспозицией. Местные предложения нас не удовлетворили, и мы объявили международный конкурс. Его выиграла компания Gallagher & Associates, во главе которой стоит Патрик Галлахер – ирландец, принявший иудаизм.

Мы не могли просто закрыть музей, разобрать старую экспозицию и начать создавать новую. Все работы велись параллельно с повседневной деятельностью музея. Уже через несколько лет с начала нашего партнерства был достроен новый музейный корпус для проведения лекций и семинаров. Мы начали реформировать работу экскурсионного и лекционного отдела. На его основе открыли Международную школу по изучению еврейского народа. Именно сотрудники

этой школы должны были не только готовить экскурсоводов на будущее, но и одновременно проводить лекции, семинары, образовательные мероприятия, постоянно расширяя круг участников этих мероприятий – от молодых пар с детьми до пенсионеров.

Каждый год мы открывали новые выставки, причем как традиционные по тематике для Музея диаспоры (такой была, например, выставка, посвященная иранским евреям), так и принципиально иные (например, о евреях – звездах шоу-бизнеса Бобе Дилане и Эми Уайнхауз). Большим успехом пользовалась экспозиция, посвященная еврейскому юмору. Многие из этих выставок потом отправились путешествовать по миру – например, выставка, посвященная советским евреям, борющимся за выезд в Израиль.

Наш подход стал быстро приносить результаты. Аудитория музея помолодела, его начали посещать семьи с детьми, группы солдат и офицеров Армии обороны Израиля, участники программы «Таглит». Музей наполнялся новой энергетикой.

Значительную роль в процессе реновации музея сыграла моя старшая дочь Ирина.

Я уже писал, что она первой в нашей семье получила еврейское образование, окончив в 1995 году еврейскую школу в Москве. Но, что не менее важно, Ирина рано начала заниматься филантропической деятельностью как волонтер. В девятнадцать лет она работала в Hill Foundation. Затем, в начале 2000-х, – в созданной ЮКОСом «Федерации интернет-образования». Ирина окончила экономический факультет МГУ и несколько лет проработала в международной консалтинговой компании APCO.

После ареста Ходорковского я попросил ее переехать в Лондон, где она продолжила работать в той же фирме.

Несколько раз Ира приезжала ко мне и через пару лет пребывания в Лондоне, в 2006 году, решила перебраться в Израиль, где к тому времени уже жили все ее родственники: папа, мама, отчим, бабушка и дедушка. Пока она искала работу в области PR, я предложил ей попробовать свои силы в филантропии. Но уже не добровольцем, а административным работником. Она организовала некоммерческую организацию Israeli Center For Better Childhood, которая помогала обеспечивать лекарствами детей, больных раком. Потом деятельность организации расширилась – к ней присоединился выходец из Греции филантроп Саби Майонис, и они стали помогать репатриантам из Эфиопии, а также предоставлять стипендии для обучения в израильских университетах талантливым ребятам из провинции (сейчас эта программа называется «ХаБогрим» – «Выпускники»).

Ирина на своем опыте познакомилась с израильской бюрократией и израильским законодательством. Не говоря уж о том, что за два года она выучила иврит настолько хорошо, что могла общаться с чиновниками!

Когда я убедился, что это дело Ирине близко и она его успешно осваивает, я попросил Аллу Леви постепенно вовлекать ее и в дела фонда «НАДАВ». Со временем Ирина стала директором фонда и сама инициировала несколько проектов. При этом она все больше времени посвящала музею. Она прошла долгий путь от представителя фонда до наблюдателя в совете директоров, затем заместителя председателя совета директоров и, наконец, председателя правления АНУ (ивр. Мы) – Музея еврейского народа – так стал называться бывший Дом диаспор.

Должен подчеркнуть, что подобное сотрудничество между представителем семейного фонда и государственного музея означало прежде всего огромную ответственность. Фактически

моя дочь взяла на себя все риски, связанные с переустройством музея. Конечно, в случае успеха ей и другим работникам музея достанутся все лавры, а в случае провала? Возьмем прозаический вопрос: стоимость новой экспозиции. Вначале нам говорили, что она обойдется в пятьдесят миллионов долларов, но в результате потребовалось сто. И половину этой суммы собрала Ирина, встречаясь с еврейскими филантропами по всему миру. А что касается второй части, то тридцать миллионов за эти годы внес фонд «НАДАВ», а двадцать – правительство Израиля.

Были и непростые переговоры с официальными лицами Израиля, которые ей пришлось вести на протяжении всех этих лет, ведь музей – государственный. Конечно, Ирине помогала моя приверженность долгосрочным обязательствам фонда, но без ее увлеченности, самоотверженности и трудолюбия, а также без поддержки всего коллектива музея перестройка постоянной экспозиции могла затянуться на долгие годы.

Я горжусь своей дочерью, с которой мы выступили как партнеры и единомышленники. Музей еврейского народа – символ нашего партнерства и сотрудничества. Для нас это – зримый результат наших диалогов о еврейском народе, которые мы вели на протяжении многих лет.

При этом я считаю, что новая концепция, определяющая роли Израиля и еврейской диаспоры, связь между различными общинами и отношения индивидуума со своим народом, нужна не только нашему музею, но и всему Израилю. Наши сотрудники постоянно проводят на эти темы беседы с посетителями – школьниками, туристами, солдатами, преподавателями. Но было бы совсем неплохо, если бы хоть несколько раз в год во всех школах проходили занятия, посвященные не только Холокосту, но и еврейской солидарности...

Реформированная экспозиция в Музее еврейского народа, чего мы все так долго ждали, открылась 21 февраля 2021 года. К сожалению, из-за коронавируса пришлось проводить мероприятие виртуально. Перед открытием я провел несколько дней в залах и убедился, что это не просто современный центр, оснащенный по последнему слову техники, но именно музей, отражающий новую концепцию единения еврейского народа.

В мире существует множество еврейских музеев, сосредоточенных, как правило, на истории местных общин. Мы же представляем еврейский народ как некое единое целое, как народ живой, творческий и развивающийся. Именно поэтому экспозиция начинается не с камней разрушенного храма, а с больших портретов современных еврейских семей. Весь третий этаж, откуда посетитель приступает к своему путешествию, посвящен современной культуре еврейского народа, его вкладу в цивилизацию. Мы верим, что человек после экскурсии по музею выйдет с чувством причастности к своему народу и верой в его будущее.

Я ходил по новому музею и испытывал чувство гордости за ту огромную работу, которую мы проделали за пятнадцать лет.

Еще одним очень важным проектом для меня лично и для фонда «НАДАВ» стал Институт политики еврейского народа (JRFI), созданный по инициативе Салая Меридора в то время, когда он был председателем Еврейского агентства. В сущности, это то, что по-английски называется think tank, то есть «мозговой центр» – организация, занятая стратегическим анализом. Возглавил этот институт один из крупнейших израильских (да и мировых) ученых, политологов и писателей профессор

Иехезкель Дрор, который до этого долго работал во влиятельном американском центре RAND Corporation, а также много лет был политическим советником израильского правительства.

В совет директоров входили известнейшие политологи, политики, историки и философы. Среди последних я могу упомянуть Бернара-Анри Леви¹⁰⁶, а среди политиков – моих друзей Денниса Росса, много лет проработавшего в Государственном департаменте США, и бывшего посла США в Европейском союзе Стюарта Эйзенштадта. Они во многом стали для меня наставниками, объясняя положение Израиля и еврейского народа в современном мире.

Естественно, когда они пригласили меня стать одним из сопредседателей института, я с радостью принял это предложение.

Институт изначально поставил перед собой высокую планку: анализировать положение еврейских общин мира и Израиля как единого целого. Это, в частности, изучение демографических, социальных изменений еврейского населения во всем мире, вопросы взаимоотношений Израиля с еврейскими общинами. Главной стратегической задачей института была разработка рекомендаций долговременной политики для израильского правительства, международных еврейских организаций и еврейских лидеров, то есть всех тех, кого по-английски называют decision makers – лицами, принимающими решения. Раз в год институт представляет свой доклад на заседании в администрации премьер-министра Израиля (насколько он прислушивается

106 Леви Бернар-Анри (1948) – французский политический журналист, философ, писатель.

к этим рекомендациям, другой вопрос). На сайте института можно найти большой архив – от ежегодных аналитических докладов до публикаций на самые разные темы, связанные с историей и современным положением еврейского народа.

ГЛАВА 17. О ВЕРЕ, БОГЕ И РЕЛИГИИ

В советское время ни родители, которые были атеистами и членами партии, ни дедушки – тоже партийные, а значит, атеисты – никто не обсуждал со мной религию и веру. Правда, оба деда, выросшие в белорусских местечках, окончили хедеры, где их обучали и Торе, и ивриту. Но говорить они об этом не любили, казалось, хотели стереть свое далекое прошлое.

Наши семейные праздники были практически полностью лишены какой-либо еврейской символики, за исключением разве что традиционных кулинарных рецептов. Что такое Новый год и елка, я знал всегда, а зажигать ханукальные свечи научился, когда мне уже было за сорок.

К организованным формам религии: храмам, священникам, ритуалам – у меня отношение сложное. В XXI веке с религией происходит что-то странное. С одной стороны, в Европе с каждым годом она играет все меньшую роль, а с другой – во многих странах, и, в частности, у нас на Ближнем Востоке, приобретает все более фундаменталистские и агрессивные формы. Или бывшие атеистические страны, как Россия, вдруг становятся весьма православными, церковь превращается чуть ли не в департамент администрации президента, а конституционный принцип отделения церкви от государства просто игнорируется.

У нас в Израиле, по-моему, происходят все эти процессы одновременно: в большинстве своем население страны светское, но при этом растет число ультраортодоксов, религия от государ-

ства не отделена, а про религиозные политические партии даже говорить не хочется.

Мне близки слова академика Сахарова: «Я не верю ни в какие догматы, мне не нравятся официальные Церкви... В то же время я не могу представить себе Вселенную и человеческую жизнь без какого-то осмысляющего их начала, без источника духовной “теплоты”, лежащего вне материи и ее законов. Вероятно, такое чувство можно назвать религиозным».

В принципе, к вере как таковой у меня позитивное отношение. Если человек ведет внутренний диалог со своей совестью, верит в объективное существование добра и зла, пребывает в сомнениях – это совершенно нормально, по-человечески. Я понимаю, какое важное место может занимать поиск Бога и веры в жизни человека.

Очевидно, что людям нужна точка опоры. И большинство ищет эту точку вовне – в учителях, священных писаниях, тайных знаках и т.д.

Должен признаться, что в какой-то период жизни уже в зрелом возрасте я искал веру и религию для себя. Живя в России, я интересовался православной средой, молитвой, медитацией. Зная, что в православии пребывает много новообращенных евреев – речь идет даже не столько о численности, сколько об общественной значимости этих людей: среди них есть писатели, журналисты, художники, ученые, политики, – я попытался изучить эту среду, тем более что в православии были и священники-евреи. Я побывал в доме Александра Меня¹⁰⁷, когда его уже

107 Мень Александр Владимирович (1935–1990) – протоиерей Русской православной церкви, богослов, автор книг по богословию, истории христианства и других религий, основам христианского вероучения, православному богослужению.

не было в живых. Посмотрел на обстановку, в которой он жил и работал. А потом почитал его книги.

Позже я подружился с отцом Александром Борисовым – настоятелем церкви Космы и Дамиана напротив мэрии Москвы. Она известна как церковь толерантная, и в ее общине состоят многие крестившиеся евреи – деятели русской культуры.

До 2010 года о. Александр был президентом Российского библейского общества, занимающегося распространением Ветхого и Нового Завета. Мы с ним очень много времени провели в разговорах на самые разные темы. Он образованный, интеллигентный, толерантный и демократичный человек. Не без странностей, но лично мне очень симпатичен. Я даже помогал ему в гуманитарных проектах. Но я чувствовал себя чужим в обществе крещеных евреев и обычных русских православных людей. Они меня ничем не наполнили и ни в чем не убедили. С ними я идти не захотел, хотя вера мне некоторое время была нужна. Возможно, именно это стало одной из причин, по которым я поддержал КЕРООР, когда за помощью ко мне обратились ортодоксальные раввины. Я подумал тогда: может быть, это именно то, что мне нужно? Может быть, именно здесь я найду свое место? Возможно, мне не хватает для счастья «веры отцов», а точнее – прадедов? Возможно, мне больше подходит еврейский традиционный образ жизни, изучение Торы и соблюдение библейских заповедей?

Впрочем, в 1998 году к вере отцов я не вернулся, а вот процесс еврейского самообразования начался именно тогда.

Считается, что для этого необходим наставник, учитель, раввин. Я искренне пытался найти такого человека. Мне казалось, что раввин должен быть универсальным учителем и находиться вне критики с этической точки зрения. В России я довольно много общался с раввином Адином Штейнзальцем. У нас было

общее желание перевести Талмуд¹⁰⁸ на русский язык, я ему помогал реализовать этот проект. Изучение Талмуда, которое началось в России и продолжилось в Израиле, дало мне понимание еврейской мудрости и еврейских мудрецов.

Но в Израиле, к сожалению, я «своего» учителя, за которым был бы готов безоговорочно пойти, не нашел. Увы, не получилось. По многим причинам – в частности, из-за вовлеченности многих израильских раввинов в коммерцию или в политику. А некоторые из них показались мне просто суеверными людьми.

В свое время я занимался каббалой с одним, как я думал, весьма просвещенным раввином. Когда он рассказывал про «сфирот»¹⁰⁹, книгу Зоар¹¹⁰, великих каббалистов – все было прекрасно. Но однажды он захотел продемонстрировать, так сказать, каббалу в действии. Он начал рассказывать про разные чудеса от каббалы – про тайные силы, которые направляют боевые израильские подразделения, про сверхъестественные способности каббалистов. И решил это показать на примере: поставил на ладонь чайную ложку, и она начала сгибаться у него на руке сама. У меня даже дух захватило!

Он говорит: вот она – сила каббалы!

108 Талмуд (учение) – свод правовых и религиозно-этических положений иудаизма. Талмуд – уникальное произведение, включающее дискуссии, которые велись на протяжении почти восьми столетий законоучителями Эрец-Исраэль и Вавилонии и привели к фиксации Устного Закона.

109 Сфирот – одно из фундаментальных понятий в каббале, обозначающих десять стадий эманации, происходящих из Эйн соф (Высшего начала) и образующих царство проявления Бога.

110 Сефер А-Зоар, «Книга Зоара (Сияния)» – основной труд, посвященный каббале. По преданию, большая часть книги является сочинением великого учителя раби Шимона бар Йохая.

И тут я спрашиваю: а разогнуть?

Отвечает: нет, разогнуть мы ее не можем, разогнуть – только руками.

И все. У меня после этого внутри словно закрылось что-то. Думаю: какое же ты производил прекрасное впечатление до сих пор – и как упал в моих глазах!

Еще раз подчеркну: я не хочу делать обобщений. Среди близких мне людей есть раввины. Рав Фирер, мой добрый друг, – замечательный бескорыстный человек, спасший тысячи жизней и помогающий десяткам тысяч людей. Он основал благотворительную ассоциацию «Эзра ле-Марпе» («Помощь исцелению»), которой я с удовольствием помогаю по мере сил.

И в какой-то момент я понял, что не нуждаюсь по-настоящему ни в раввинах-учителях-наставниках, ни в молитвах, ни в соблюдении религиозных предписаний. Они сами по себе, я сам по себе. Будем сосуществовать и уважать друг друга.

Но я не могу сказать, что эти поиски окончились ничем: сейчас я гораздо лучше знаю и еврейскую историю, и еврейские традиции, и, конечно же, Тору¹¹¹.

Библию я впервые открыл уже в зрелом возрасте. В нашем доме, как в любой добропорядочной советской семье, никаких религиозных книг не было. Кажется, в студенческие годы я пару раз видел христианскую Библию, или Новый Завет. Пер-

111 Тора (букв. «учение, закон») – первая часть Библии, так называемое Пятикнижие Моисеево, в широком смысле совокупность иудейских религиозных писаний. Торой также называется свиток Пятикнижия, хранимый в синагоге.

вую в своей жизни еврейскую Библию (Танах¹¹²), Тору, я получил в подарок, когда стал председателем координационного совета КЕРООР.

Несколько раз со мной занимался рав Пинхас Гольдшмидт. Я пробовал читать Тору с Берешит (Бытие), читал отдельные книги и отрывки. Было иногда интересно, появились любимые книги: Коэлет (Экклезиаст), Мишлей (Притчи царя Соломона) и Шир ха-Ширим (Песнь песней), а вот когда подробно перечислялись заповеди, становилось скучновато и непонятно.

Более серьезно я начал изучать Тору уже после переезда в Израиль, когда я много читал про еврейскую историю и традиции. Особенно на меня повлияла учеба в колледже «Альма». Это очень интересное место в Тель-Авиве, которое основала уникальная женщина Рут Кальдерон – философ, литературовед и политик. Она принадлежит к числу тех образованных израильтян, которые стараются приблизить ивритскую традиционную и современную израильскую культуру к нерелигиозным израильтянам. Это своего рода светский бейт-мидраш¹¹³, где люди учатся сами и учат других. В этом колледже занимались и нынешний министр иностранных дел Яир Лапид, и популярный музыкант Коби Оз, и многие-многие другие.

В «Альме» я изучал Талмуд, который оказался не менее увлекательным и интересным, чем тексты Танаха. Было удивительно,

112 Танах – вошедшее в употребление в Средние века и принятое в современном иврите название еврейской Библии (в христианской традиции – Ветхого Завета). Слово представляет собой акроним названий трех разделов еврейского Священного Писания: Тора (Пятикнижие), Невиим (Пророки) и Ктувим (Писания).

113 Бейт-мидраш (дом учения) – место изучения Торы, прежде всего Мишны, Талмуда и послеталмудической раввинистической литературы.

насколько важную роль в священной книге играет именно диалог – столкновение мнений при выработке важных решений. Подобный плюрализм и его легитимность на фоне воспоминаний о «единственно верном» учении марксизма-ленинизма просто завораживал.

В результате именно в Израиле я осознал, какое огромное место занимает Писание в жизни нашей страны. И речь идет не о религиозных израильянах, которые изучают Тору с раннего детства и считают это смыслом жизни. Я имею в виду именно простую повседневную жизнь: слова и выражения из Торы пропитывают разговорную речь израильян, городам и поселкам дают библейские названия, а улицам – имена царей и пророков. В нерелигиозных школах Тору изучают как великий литературный памятник и исторический документ, в то время как израильские историки и археологи спорят между собой о степени его точности. Отцы-основатели Израиля, которые, как правило, не соблюдали религиозных предписаний, чтити Тору как исторический документ, обосновывающий права еврейского народа на свое государство. Знаменитый военный деятель и министр обороны во время Шестидневной войны Моше Даян написал увлекательную книгу «Жить с Библией», проникнутую чувством глубокой причастности к истории еврейского народа на своей земле. Другой, не менее известный, генерал Игаль Алон после демобилизации из Армии обороны Израиля вернулся к академическим занятиям, стал археологом и проводил раскопки в знаменитой крепости Масада.

Со временем Земля Израиля стала представляться мне неким огромным путеводителем по Библии: здесь в Долине дуба проходила схватка между Давидом и Голиафом, здесь – бросился на меч первый царь Израиля Шауль, а вот по этой реке Кишон сплав-

ляли знаменитые ливанские кедры для строительства Первого Храма. И даже наводящее страх слово «Армагеддон» – название древнего города Мегиддо, стоящего на холме («ар» в переводе с иврита – гора или холм). Сегодня это – археологический заповедник, до которого от моего дома ехать всего час.

Когда я осознал не просто огромную роль Библии в становлении европейской цивилизации – это, в конце концов, достаточно абстрактное академическое знание, – а именно роль Торы в жизни новой для меня страны, я стал думать, как сделать эти тексты знакомыми и близкими для евреев, говорящих по-русски.

Как многие русские евреи, я очень люблю русскую литературу. Впрочем, что значит «люблю»? Это была моя родная речь и моя родная литература. Русская поэзия, которую я учил наизусть и декламировал в школе, трогала меня до слез. Наверное, в тот момент я ощущал себя русским. Но – до определенного предела. Когда я встречал слово «жид» у классиков русской литературы, сразу испытывал некое отторжение.

Когда я почувствовал, что тексты Торы постепенно становятся «моими», мне захотелось разделить это ощущение с другими. Я стал задумываться, как сделать библейские тексты составной частью культурного багажа русскоязычных евреев. В конце концов, именно начитанность, умение говорить цитатами является в России одним из признаков культурного человека. Русскоязычный интеллигент-еврей по своей натуре литературоцентричен. Это очень важный элемент нашей идентификации, причем элемент положительный. Интеллигентный советский еврей был обязан знать русскую литературу. А почему не Тору?

Заканчивался 2008 год. Как раз в то время все более популярными становились аудиокниги. И я решил сделать первую аудио-Тору на русском языке. Но возник естественный вопрос:

а какой именно перевод Библии на русский язык взять для озвучивания?

Проще всего было бы использовать синодальный перевод Ветхого Завета, тем более что он достаточно поздний: выполнен с иврита во второй половине XIX века, то есть написан на понятном нашему современнику русском языке, а среди переводчиков был выдающийся востоковед Даниил Авраамович Хвольсон, у которого в детстве родными были только иврит и идиш.

Я знал, что в это же время в России Российское библейское общество работало над полным переводом Библии на русский язык. Но это был православный перевод, а мне хотелось отделиться от православного текста с его собственной традицией написания библейских имен и топонимов, зачастую мало похожих на ивритские в современном произношении – например, Самсон, а не Шимшон; Саул, а не Шауль. Именно так после нескольких лет жизни в Израиле правильно и естественно зазвучали для меня эти имена.

Можно было взять перевод Танаха, выполненный в 1970-х годах группой специалистов во главе с Давидом Йосифоном и изданный ультраортодоксальным институтом «Мосад ха-рав Кук». В целом это хороший перевод, но в нем другая крайность – весьма специфическая транслитерация ивритских имен и названий. По неведомым причинам авторы перевода решили, будто ивритский знак «ш'ва на» (беглый гласный) лучше всего передается на русском с помощью буквы ы – Рыувэйн, Йыуда, что придает тексту какой-то странный акцент.

Тогда мне посоветовали взглянуть на перевод Книги Берешит (Бытие) Дмитрия Сливняка – лингвиста, историка и переводчика с иврита и арамейского. Именно этот текст показался мне наиболее подходящим: хороший русский язык, естествен-

но произносимая транслитерация ивритских имен и, что очень важно, обширные научные, культурологические, а не религиозные комментарии к тексту, которые помогают неискушенному читателю лучше понять события, описываемые в Библии.

Этот перевод мне настолько понравился, что сначала я даже хотел сам начитать его в студии, но потом осознал, насколько это сложная и кропотливая работа, требующая истинного профессионализма. Мы пригласили звукорежиссера Анну Лапид, и она собрала замечательный коллектив русскоязычных актеров из израильских театров.

Артисты очень ответственно отнеслись к своей работе. Они обсуждали отрывки, мысленно проигрывали библейские страсти и конфликты, подбирали нужную интонацию, уточняли ударения в малоизвестных ивритских именах и названиях. В результате Тора зазвучала на русском живо и естественно. А я именно этого и хотел. Окончание работы мы отметили вместе с актерами и звукорежиссерами в ресторане в тель-авивском порту.

В принципе, теперь можно было издать новый перевод Берешит с приложением в виде диска или флешки. Но такая книга дойдет до весьма ограниченного круга читателей: все издатели, с которыми мы вели переговоры, объясняли нам, что более трех-пяти тысяч экземпляров они продать не смогут – «это же не Акунин или Маринина!».

И мы решили начать новый проект, которому дали название «Я – Тора». «Я» в названии было призвано подчеркнуть особый, личный характер взаимоотношений с текстом Торы. Мне было принципиально важно реализовывать этот проект как плюралистический, а не наставнически-религиозный. Я хотел представить Тору не как собрание религиозных наставлений, а как многослойный текст, как многомерную Вселенную, в которой

каждый читатель может совершать свои открытия. Есть такое выражение «У Торы семьдесят ликов» – пусть каждый сам найдет для себя соответствующий лик.

Мы создали интернет-сайт, выложили в открытый доступ и новый перевод, и комментарии, и аудиофайлы. Пригласили русскоязычных историков и библеистов писать статьи и очерки на самые разные темы, связанные с Торой. Проект начал расти и развиваться. С Димой Сливняком мы договорились о продолжении перевода Танаха. Начали снимать видео о библейских героях и библейских местах в Израиле. Сейчас это – весьма содержательный сайт с переводом, комментариями и аудиоисполнением двенадцати книг Танаха, с сотнями статей на библейские, исторические и литературные темы, со страницей в Facebook и своим youtube-каналом.

ГЛАВА 18.

ОСТОРОЖНО! ДВЕРИ ЗАКРЫВАЮТСЯ

В путинской России слова «либерал», «либеральные ценности» являются почти бранными. Политики и пропагандисты произносят их с издевкой и отвращением. Для них «либерал» – это воплощение всего чуждого и враждебного. Именно такое представление они транслируют в народ через все подконтрольные СМИ, которые из средств массовой информации превратились в средства массовой пропаганды.

Свобода, демократия, справедливость недолго пробыли желанными целями. В ходу снова послушание, молчание, лояльность. Все, как в Советском Союзе, где свобода никогда не декларировалась как высшая ценность.

Конечно, в школе нам рассказывали о «вольнлюбивой русской поэзии», о революционерах, сражавшихся за счастье и свободу народа, о борьбе народов Африки и Азии за независимость. Но все это было достаточно далеко от нас и в пространстве, и во времени.

Я не помню, чтобы в Советском Союзе в ребенке поощрялись бы свобода мысли, независимость, самостоятельность в суждениях и принятии решений. Наоборот, с самого детства нас приучали к системе правил и ограничений по принципу «что не разрешено, то запрещено». Это размывало границы разрешенного и запрещенного. Что бы ты ни делал, всегда в глубине души оставалось ощущение, что где-то когда-то ты что-то сделал не так.

Чтобы мои слова не показались простыми декларациями, я хочу привести оглавление книги Н.И. Болдырева «Нравствен-

ное воспитание детей в семье». Книга эта регулярно переиздавалась с середины 50-х до конца 70-х годов:

- Воспитание юных патриотов
- Воспитание в труде и для труда
- О воспитании дисциплины у детей
- Воспитание коллективизма, дружбы и товарищества
- Воспитание правдивости и честности
- Воспитание бережливости

Слова «свобода», «независимость», «самостоятельность» в этом списке отсутствуют. Нас воспитывали конформистами, винтиками огромной машины, предназначение которых было подчинено высоким целям советского государства.

Зримым воплощением принципов воспитания детей в СССР стал для меня фильм Алена Паркера «Стена» по одноименному альбому группы «Пинк Флойд». И хотя на экране под песню Another brick in the wall по конвейеру в мясорубку ехали школьники в английской форме, я вспоминал советскую школу. Самое главное – шагай в ногу вместе со всеми, не выбивайся из рядов, не задавай лишних вопросов – и тихая, в меру сытая жизнь тебе обеспечена.

Казалось, так будет продолжаться всегда, из поколения в поколение.

Но началась перестройка. И далекое абстрактное слово «свобода» стало весомым и зримым. Рушились барьеры, отменялись запреты, люди учились произносить вслух то, о чем раньше боялись подумать.

Первые глотки свободы были подобны чистому зимнему воздуху, врывающемуся в душное помещение через открытую форточку.

Сейчас мне кажется, конец 80-х был самым свободным и честным периодом в истории Советского Союза.

Я помню, какое огромное впечатление на меня произвел напечатанный в 1988 году роман Василия Гроссмана «Жизнь и судьба»¹¹⁴. В 1962-м КГБ арестовал рукопись этого романа, и, как обещал главный идеолог СССР Суслов¹¹⁵, он мог быть напечатан не раньше, чем через двести-триста лет. В этой книге я впервые прочитал про Холокост, увидел сравнение коммунизма с фашизмом. Но самое главное – я понял смысл и значение свободы. Я хочу привести отрывок из романа, описывающий мгновение, когда один из героев, физик Лев Штрум, испытывает озарение и совершает открытие в физике:

«Он шел по темной пустынной улице.

Внезапная мысль возникла вдруг. И он сразу, не сомневаясь, понял, почувствовал, что мысль эта верна. Он увидел новое, невероятно новое объяснение тех ядерных явлений, которые, казалось, не имели объяснения, – вдруг пропасти стали мостами. Какая простота, какой свет! Эта мысль была изумительно мила, хороша, казалось, не он породил ее, она поднялась просто, легко, как белый водяной цветок из спокойной тьмы озера, и он ахнул, ошарашенный ее красотой... И странная случайность, вдруг подумал он, пришла она к нему, когда ум его был далек от мыслей о науке, когда захватившие его споры о жизни были спорами свободного че-

114 «Жизнь и судьба» – роман-эпопея Василия Гроссмана о событиях Великой Отечественной войны, написанный в 1950–1959 годах. Содержит резкую критику сталинизма.

115 Суслов Михаил Андреевич (1902–1982) – советский партийный и государственный деятель, член Политбюро (Президиума) ЦК КПСС, секретарь ЦК КПСС. Пик карьеры Суслова пришелся на времена Брежнева, хотя влиятельным деятелем он был уже при Сталине и Хрущеве.

ловека, когда одна лишь горькая свобода определяла его слова и слова его собеседников».

С тех пор я уверен, что свобода – внешняя и внутренняя – это главное условие для творческой и осмысленной жизни.

Эта мысль стала тем внутренним импульсом, с которого постепенно начали формироваться мои либеральные взгляды.

Нахлынувшее в перестройку ощущение свободы давало не просто внутреннее раскрепощение. Это было чувство присоединения к большому миру, возвращения в европейскую цивилизацию, прорыв удушающей изоляции Советского Союза. Понятие «общечеловеческие ценности» стало легитимным, исчез подспудный страх ядерного Армагеддона, который в начале 80-х казался почти неизбежным. Рухнула не только Берлинская стена, но и та самая Стена, о которой пели Pink Floyd.

И, что очень важно, для меня то время, годы сотрудничества с Ходорковским, были прежде всего периодом свободного развития, самореализации в новой и свободной России, а не моментом накопления капиталов или пребыванием во власти с последующим политическим влиянием. К тому же для меня раскрывшиеся горизонты, неограниченная возможность поиска новых путей, проектов, вызовов – все это имело двойной эффект. Прежде я, будучи евреем, жил с постоянным ощущением ограниченности своего выбора, своей свободы, присутствия тех незримых рамок, которыми окружало меня государство. И вот эти рамки и незримый потолок внезапно перестали существовать!

В который раз повторяюсь: мы тогда думали, что это – навсегда. Если бы нам показали, какой станет Россия через тридцать пять лет после начала перестройки, никто бы не поверил.

Россия при Владимире Путине превратилась в мафиозное государство, опирающееся на спецслужбы, полицию и национальную гвардию.

В отличие от Советского Союза здесь разрешена частная собственность, но по-настоящему право распоряжаться этой собственностью находится у государства. Все, от мелких предпринимателей до крупного бизнеса, понимают, что владеют своим имуществом и активами лишь настолько, насколько это позволяет государство, а точнее – президент и его приближенные.

Коррупция не просто пронизывает все слои общества – она встроена в государственную систему, является образующим и структурирующим элементом.

В России, казалось бы, по-прежнему в наличии демократические институты и институты управления государством. Но все они – от Думы и до Верховного суда – являются лишь симулякрами, маскирующими мафиозную и авторитарную суть сложившегося режима.

Монополия на власть позволяет проводить и принимать любые законы в интересах правящей группы. Конституция тоже не является неприкосновенной. Те свободы, за которые боролись в конце 80-х годов: слова, собраний, средств массовой информации, – вновь вне правового поля.

Россия с каждым годом становится все более авторитарным и тоталитарным государством. Жесткое преследование грозит не только за оппозиционную деятельность, но и за инакомыслие вообще, любое проявление независимого мнения становится связано с рисками. Принятый в России закон о контроле за просветительской деятельностью находится за пределами здравого смысла. Уничтожаются даже последние оазисы свободы слова.

Говорить о социальной справедливости бессмысленно. В России один из самых больших в мире разрывов в доходах между бедными и богатыми и постоянно растет число людей, живущих за чертой бедности. А в эпоху коронавируса государство вновь продемонстрировало, что оно само по себе, а народ сам по себе. Единственная доступная в России форма свободы – это свобода выживать своими силами.

Россия, которая в 90-х годах стремилась вступать в различные международные союзы и организации, как, например, МВФ и ВТО, в XXI веке одновременно проводит политику самоизоляции и активно вмешивается в дела соседних государств, даже путем военной интервенции. Среди «друзей России» – наиболее одиозные диктаторские режимы. Если в конце 80-х годов на Западе самыми популярными русскими словами были «Горбачев» и «перестройка», то сейчас это «Путин» и «Новичок».

Образ новой России – агрессивной, самовлюбленной, поучающей и вещающей на полублатном языке – формируется и поддерживается мощным пропагандистским аппаратом, содержание которого обходится в миллиарды рублей. Конечно, пропаганда играла огромную роль и в Советском Союзе. Но в годы моей юности к ней относились, скорее, как к какому-то обряду, словесному ритуалу, привычному фону, который старались не замечать.

Любая пропаганда направлена на то, чтобы воспитывать лояльность и приверженность определенным идеям. Тоталитарное государство, каким был СССР, подчиняет все стороны жизни граждан конкретной идеологии. Но современная российская пропаганда, в отличие от советской, не стремится формировать идентификацию «советского человека, вооруженного марксистско-ленинской идеологией и верящего в идеалы коммунизма».

Конечно, в писаниях провластных интеллектуалов легко проследить и влияние эмигрантского философа Ивана Ильина¹¹⁶, и теории немецкого политолога Карла Шмитта¹¹⁷, члена НСДАП с 1933 года. Но нельзя сказать, что в России Владимира Путина исповедуется какая-то последовательная идеология. Дело в том, что в мафиозном государстве идеология не основа, а лишь один из инструментов, позволяющих правящей группе добиваться своих целей, главные из которых – непрерывное обогащение и сохранение власти. В качестве «идеологии» используется эклектичный набор представлений, образов и мифов. В результате в сознании обывателя бесконфликтно уживаются Мавзолей Ленина и храм Христа Спасителя, царь-батюшка и Сталин, Колчак¹¹⁸ и Чапаев¹¹⁹. Такой обыватель не будет удивляться тому, что вчерашние друзья сегодня объявляются врагами. Мы видим

116 Ильин Иван Александрович (1883–1954) – русский философ, писатель и публицист, сторонник Белого движения, идеолог Русского общевоинского союза (РОВС). Тяготел к традиции славянофилов, был противником коммунизма и большевизма. Взгляды Ильина сильно повлияли на мировоззрение других русских интеллектуалов консервативного направления XX века, в том числе А.И. Солженицына. Ильина называют одним из любимых философов В.В. Путина.

117 На конгрессе «Еврейство в науке о праве» 3–4 октября 1936 года К. Шмитт предложил помечать шестиконечной звездочкой цитаты из сочинений авторов еврейского происхождения как переводы с еврейского языка. (Как тут не вспомнить положение об «иностранных агентах», регулирующее работу СМИ и общественных организаций в России!)

118 Колчак Александр Васильевич (1874–1920) – русский государственный, политический и военный деятель, ученый-океанограф, полярный исследователь, флотоводец, вошедший в историю как руководитель Белого движения во время Гражданской войны в России.

119 Чапаев Василий Иванович (1887–1919) – участник Первой мировой и Гражданской войн, начальник дивизии Красной армии. Одна из самых известных исторических личностей эпохи Гражданской войны в России.

синтез коллективистской идеологии времен СССР, объявляющей примат государства над личностью, и общинно-патриархальных взглядов, воспитывающих послушание авторитарной власти во всех ее проявлениях. А вот либеральные представления, предполагающие свободу и независимость личности как высшую ценность, признаются не только чуждыми, но и опасными. Объект новой российской пропаганды имеет мало поводов для гордости в своей повседневной жизни. Но телевизор ему внушает, что он должен испытывать внутреннее превосходство над чужаками, гордиться своим президентом, верить, что Россия встает с колен, а враждебный окружающий мир погряз в грехах и ненавидит его страну как последнюю цитадель духовности. В принципе, это современная модификация сталинского «советского человека», гордящегося подвигами предков, презирающего все чуждое и иностранное и осознающего свою ничтожность по сравнению с мощью государства. Разница разве что в том, что в советскую эпоху существовал некий идеал светлого будущего, а современных пропагандистов гораздо более волнует прошлое.

И здесь нельзя не задать вопрос: как это случилось? Почему мы дошли до жизни такой?

В попытке объяснить, почему Россия после периода свободы и демократии снова съехала на авторитарные рельсы, политологи любят рассуждать о цикличности истории этой страны. О том, что она развивается по синусоиде, что периоды либерализма сменяются периодом реакции и отката. Александр II Освободитель приходит на смену Николаю I Палкину, а после сталинского правления наступает хрущевская оттепель. И наоборот. Сейчас, говорят они, мы наблюдаем путинский реакционный откат после свободной и либеральной эпохи Ельцина, что вполне укладывается в парадигму российской истории.

Но нет необходимости проводить параллели между путинской и царской Россией. Большевистский переворот 1917 года радикально прервал развитие России, он уничтожил старый уклад, правящие классы, крестьянство. С того, что в СССР называли Великой Октябрьской социалистической революцией, начинается в России не новая царская династия, а эпоха генеральных секретарей. И по большому счету эта эпоха не закончилась, а продолжается до сих пор. Безусловно, гениальным архитектором нового порядка был первый генеральный секретарь – И.В. Сталин, который не просто заложил фундамент, но тщательно выстроил матрицу этого режима, продолжающего жить и после его смерти. В дальнейшем режим генсеков проходил различные модификации, но не менял своей авторитарной сущности.

Тогда, в далеком 1991 году, нам казалось, что мы вершим революцию, что Россия возвращается к своему естественному пути, что мы видим «Россию, которую мы потеряли». Мы смотрели на происходящее через призму стереотипов и кинематографических образов. В 1917-м был Ленин на броневике, а у нас – Ельцин на танке. Тогда – штурм Зимнего дворца, а сегодня – защита Белого дома. Нас учили, что если поменять «базис», то изменится и «надстройка». То есть если разрешить частную собственность, как в Англии, Франции и США, то автоматически появится и останется с нами навсегда разделение властей, независимость судей, свободная пресса и т.д. Наступившее вскоре изобилие промышленных и продовольственных товаров стало наглядным доказательством такого «революционного» преобразования.

Но сейчас, оглядываясь назад и анализируя прошлое, я понимаю, что это была не революция, а просто кардинальные изменения номенклатурной системы генсеков, которая очень ловко приспособливалась к новым условиям и мимикрировала под видом

демократической России. Трудно сказать, с какого момента начали проявляться вновь черты «генсечного» строя. Возможно, с переезда Ельцина из Белого дома в Кремль? Или с разгона Съезда народных депутатов в октябре 1993 года? Или с новой конституции, принятой в декабре 1993 года и наделившей президента огромной властью?

В любом случае, в отличие от 1917 года, эту «революцию» совершали не профессиональные революционеры и даже не советские диссиденты, появившиеся в СССР в конце 60-х годов, а те же партийные номенклатурщики среднего звена. И они довольно быстро выдавили из своей среды большинство «про-рабов перестройки», которые, по существу, тоже происходили из идеологической среды, обслуживавшей тоталитарный режим.

Борис Николаевич был не злым человеком, прощал своих критиков, допускал свободу печати, но именно при «царе Борисе» начала выстраиваться властная вертикаль со своим кругом приближенных и новой номенклатурой. А карьера Путина – это долгий, но неизбежный процесс возвращения генерального секретаря, пусть и с полублатными повадками, но со своим политбюро из бандитов и кагэбэшников.

Большинство российского населения достаточно благосклонно восприняло этот процесс «back in the USSR». Тем более что пропаганда активно возвращает и лелеет ностальгию по советскому прошлому.

Остается только в очередной раз изумляться предвидению Войновича¹²⁰, который еще в 1986 году в романе «Москва 2042»

120 Войнович Владимир Николаевич (1932–2018) – русский прозаик, поэт и драматург, автор текстов песен и художник-живописец. Лауреат Государственной премии РФ. Почетный член Российской академии художеств. В 1980 году был

предсказал правление участника Августовской революции Генриалиссимуса, бывшего генерала КГБ, свободно говорящего по-немецки Лешки Букашева.

Возможно, мои рассуждения о путинской России излишне эмоциональны, написаны с болью и горечью.

Действительно, я уже восемнадцать лет живу в Израиле. Это мой дом, моя страна. Я не считаю себя ни изгнанником, ни эмигрантом. И тем не менее русский язык, русская культура, мое российское прошлое и мои российские друзья являются неотъемлемой частью моего самоопределения и моей повседневной жизни. За это время мое отношение к России и людям, ее населяющим, прошло несколько этапов трансформации. И я изменился, и Россия уже не та страна, из которой я уехал в июле 2003 года.

Тогда я достаточно ясно представлял свое будущее на следующие десять лет. Построил себе некий план. Я только что был избран ректором РГГУ и большую часть времени и сил собирался уделять развитию и модернизации университета. На это было заложено сто миллионов долларов, но полагаю, что, если бы ЮКОС и дальше развивался такими же темпами, как в 2003 году, сумма была бы многократно увеличена. И планов было громадье, да и сам я не на шутку увлекся русской историей, филологией и философией. При этом Израиль, несомненно, оставался бы важной сферой моей деятельности. К тому времени я уже основал Общество друзей Еврейского университета и Центр по исследованию восточноевропейского еврейства. Я планировал

выслан из СССР и лишен советского гражданства; до середины 2000-х годов жил в Германии.

и дальше заниматься развитием научных связей между Россией и Израилем и академических исследований в гуманитарной области.

А в свободное время, которого оставалось не так уж и много, хотел путешествовать по миру. Как раз в то время где-то в Европе строился настоящий дом на воде с каютами-апартаментами, которые стоили дешевле элитных московских квартир. Можно было либо жить на этом теплоходе сколько хочешь, либо садиться на него в любой удобный момент и отправляться в плавание, а его маршрут проходил по самым разным странам в самые комфортные климатические сезоны.

Так что мой план органично сочетал в себе русский, еврейский и космополитичный компоненты моей натуры. Увы, жизнь поломала все планы, и в каком-то смысле пришлось начинать с нуля.

В первые годы после репатриации в Израиль Путин и его окружение занимали значительное место в моих мыслях. Вначале это были боль, горечь, недоумение. Были обида и гнев на государство, которое арестовало моих друзей и уничтожило компанию, которую мы выстраивали в течение многих лет. До последней минуты мои будущие планы были связаны с Россией, и я верил, что, став ректором РГГУ, буду служить процветанию российской науки и образования. Более того, все, что я делал на протяжении предыдущих лет – будь то работа в ЮКО-Се, Российском еврейском конгрессе, в Совете Федерации или в «Открытой России», – я рассматривал как свой вклад в развитие новой свободной и демократической России.

Не менее тяжело было переживать предательство друзей, видеть, как исчезают люди, которых я считал своими товарищами. Хотя, безусловно, нашлось и немало тех, кто продолжал мне звонить, приезжать, старался поддерживать в трудную минуту.

Вскоре после ареста Ходорковского против меня началась настоящая кампания, состоящая из бредовых обвинений и попыток экстрадиции из Израиля. Путинскому режиму было недостаточно полностью разрушить ЮКОС. Ему надо было показать всему миру, и прежде всего российским гражданам, что этой компанией руководили жулики и убийцы. В апреле 2004 года начался суд над Ходорковским и Лебедевым, которых приговорили к восьми годам заключения. В августе 2006 года двадцать четыре года лишения свободы получил Алексей Пичутин, позже этот приговор был заменен на пожизненное заключение. Тогда же, в 2006-м, был арестован и провел почти три года в тюрьме исполнительный вице-президент ЮКОСа Василий Алексанян. Во время заключения у него обнаружили ряд тяжелых заболеваний, при этом ему не давали их лечить. Точнее, предлагали лечение в обмен на показания против нас. Он умер в 2011 году на сороковом году жизни. Несколько лет провела в заключении юрист ЮКОСа Светлана Бахмина, несмотря на абсурдность предъявленного ей обвинения и наличие маленьких детей. Семь лет пробыл в колониях менеджер ЮКОСа Владимир Переверзин. Он прошел через настоящий ад только потому, что отказался оговорить руководство компании. Список жертв можно еще продолжить.

В 2008 году в Москве в мое отсутствие начался процесс, который войдет в историю как один из самых абсурдных и кафкианских в истории российского правосудия. У обвинения не было ни одного фактического доказательства моей вины. Свидетелями выступали уголовники, которые, путаясь в показаниях, рассказывали, что они слышали когда-то в тюрьме от других уголовников, будто я отдавал Пичугину приказы на убийства. Позже один из таких свидетелей по фамилии Цигельник скажет: «Я ого-

ворил Пичугина и Невзлина по просьбе следователей Генеральной прокуратуры Буртового, Банникова, Жебрякова и оперативного работника Смирнова. Я заключил сделку с Буртовым 4 мая 2005 года. Мне обещали защиту и минимальный срок, а дали максимальный».

Судья игнорировал практически все доводы адвокатов. Отказывал в вызове свидетелей защиты. Протокол суда безбожно перевирался. Всем было понятно, что это не суд, а спектакль.

1 августа 2008 года Московский городской суд заочно признал меня виновным в совершении убийств и покушений, хищении и неуплате налогов и приговорил к пожизненному заключению.

При этом Кремль делал все возможное, чтобы добиться моей экстрадиции из Израиля. Уже 15 января 2004 года российская Генпрокуратура объявила меня в международный розыск по обвинениям в экономических и налоговых преступлениях. А в 2005 году российское правительство обратилось к правительству Израиля с запросом на мою экстрадицию, обвинив меня в совершении убийств и покушении на убийство. В августе 2006-го Министерство юстиции Израиля отклонило это требование, посчитав абсолютно недостаточной доказательную базу, представленную российской стороной. В ответ на это российская прокуратура подала дополнительные материалы, но в октябре вновь получила отрицательный ответ.

Тогда российская сторона наняла в Израиле одного проходимца, имени которого я даже не хочу называть. В феврале 2006 года он, как «сознательный и обеспокоенный гражданин», подал в Верховный суд Израиля петицию с требованием выдать меня российским властям.

Но 14 мая 2008 года Верховный суд Израиля одобрил позицию Министерства юстиции по этому вопросу. В своем поста-

новлении Верховный суд отметил, что в основе предъявленных российской стороной обвинений находятся лишь производные доказательства, то есть основанные на опосредованном восприятии информации свидетелями. Подобные «доказательства» недопустимы в израильском уголовном законодательстве, а следовательно, недостаточны для удовлетворения российского запроса на экстрадицию. Таким образом, Верховный суд Израиля постановил, что в материалах, переданных российской прокуратурой, не было ни одного прямого доказательства моей причастности к инкриминируемым мне преступлениям.

Для меня этот процесс стал доказательством существования справедливого и праведного суда в демократическом государстве.

И в тот период все представители власти в России, а не только Путин, виделись мне личными врагами.

...20 мая 2008 года, еще до вынесения мне приговора о пожизненном заключении, я подал в Европейский суд по правам человека жалобу на Правительство Российской Федерации, обвиняя его в нарушении процессуальных норм.

Есть английская поговорка: «Жернова правосудия мелют медленно, но тщательно» (The wheels of justice turn slowly, but grind exceedingly fine). Прошло тринадцать с половиной лет, и утром 18 января 2022 года ЕСПЧ опубликовал свое решение по моему делу («Леонид Невзлин против Российской Федерации»), в котором единогласно принял мои утверждения о том, что заочный суд надо мной был несправедливым и неоднократно нарушал Конвенцию о защите прав человека и основных свобод.

Суде-факто признал, что ни одно из моих действий не могло служить основанием для возбуждения уголовного дела, не говоря уже о вынесении обвинительного приговора. В России никог-

да не было и не могло быть никаких доказательств, подтверждающих сфабрикованные уголовные обвинения, выдвинутые против меня. Для меня было принципиально важно услышать вывод международного юридического органа о несправедности «правосудия» в России.

Остается добавить, что аналогичные решения ЕСПЧ вынес по судам над Пичугиным, Ходорковским и Лебедевым.

...А затем, во второй половине 2010-х годов, наступила третья фаза моего восприятия России. Я бы назвал его отстраненно-позитивным. Естественно, не к российскому режиму – тот становился все более агрессивным и авторитарным: был аннексирован Крым, началась гибридная война на востоке Украины. Нет, это были скорее интерес и вера в людей, еще имевших возможность профессионально заниматься своим делом, и к тем смельчакам, которые пытались бороться с путинизмом. Я читал новые книги по истории России, знакомился с гуманитариями, которые продолжали честно и объективно заниматься своим делом, несмотря на возрастающее давление со стороны властей. Более того, я поддерживал и поддерживаю ряд гуманитарных проектов в России.

Увы, в последнее время я чувствую себя все дальше от России. Там все меньше остается моих друзей и знакомых: одни покидают эту страну, другие стараются со мной пореже общаться. А с теми, с кем я сохраняю контакты, все сложнее находить общий язык.

Я прекрасно понимаю, что им приходится приспособливаться к новой реальности, да и не все могут эмигрировать из России. Тяжело покидать свой дом, а многие уже в том возрасте, когда трудно найти работу по специальности за рубежом. У многих из них в запасе последний аргумент – «ну сейчас же

не 37-й!». Но я-то чувствую, что 37-й все ближе и ближе... А кроме того, многие ли понимали в том самом далеком-близком 37-м, что они живут в год страшного террора? Ну да, арестовали за год, с августа 1937-го до ноября 1938-го, более полутора миллионов человек, расстреляли почти семьсот тысяч, но большинство же оставалось на свободе! Ходили на службу, читали в газетах передовицы о новых свершениях, праздновали дни рождения, восхищались индустриализацией. И старались не замечать ночных воронок.

В наше время для удержания абсолютной власти не обязательно строить новые концентрационные лагеря и расстреливать людей сотнями тысяч. Современные технологии позволяют осуществлять тотальный контроль за каждым, даже эффективнее, чем при Сталине.

Собственно, это уже происходит. Огромный репрессивный аппарат, от национальной гвардии до Центра «Э», не может сидеть без дела. В силу внутренних бюрократических законов эти люди вынуждены открывать все новые и новые дела вплоть до самых абсурдных, как в случае с подростками, намеревающимися «взорвать» здание ФСБ в игре «Майнкрафт».

К сожалению, я не смотрю в будущее России с оптимизмом.

Когда-то казалось, что если Путин уйдет, то во власти найдется достаточно либеральных прозападных политиков, которые поведут Россию по, условно говоря, цивилизованному пути. Тем более что в 90-х была создана для этого экономическая и правовая база. К сожалению, эта точка давно пройдена. У власти пребывают мафиозные и спецслужбистские кланы, а Путин является посредником или арбитром, через которого они договариваются о разделе зон интересов, чтобы не воевать напрямую друг с другом. Про так называемых «системных либералов» рас-

суждать столь же бессмысленно, как и про «системную оппозицию» в Думе. Они давно превратились в такую же прислугу режима, хотя пока еще и сдерживают российскую экономику, чтобы она не пошла вразнос.

И новому Горбачеву взяться неоткуда.

Что касается реальной оппозиции, то, к сожалению, ее влияние крайне незначительно. Все силы карательного аппарата брошены на борьбу с ней, и сейчас она практически нейтрализована.

А самое главное и самое печальное – это пассивность российского народа.

Все последние годы российская власть боролась не только с оппозицией, но и с любыми формами гражданского общества. И вот результат: российский народ разобщен, запуган и подавлен. Ничто не может вывести его на улицы – ни пенсионные реформы, ни отсутствие помощи со стороны государства в эпоху коронавируса, ни беспредел в Беларуси. Следует признать: большинство населения устраивает такая жизнь. А те, кого она не устраивает, терпят и приспособляются.

Впрочем, даже если на улицу выйдет миллион протестующих, нынешние захватившие власть бандиты, в отличие от советских коммунистических вождей в 1991 году, не колеблясь отдадут приказ открыть огонь по толпе.

Теоретически можно допустить, что начнутся национальные волнения на Северном Кавказе, в Татарстане, народные бунты в отдаленных от Москвы регионах, что приведет к дальнейшему развалу России. Но пока что власть всеми силами стремится предотвратить подобный сценарий. Чечня, которую федеральный центр заваливает деньгами, – яркий пример такой политики. К тому же, как известно, бунт в России «бессмысленный и бес-

пощадный», и рассчитывать на то, что он принесет позитивные перемены, тоже бессмысленно.

Наиболее вероятный сценарий – дальнейшее закручивание режима и закручивание гаек, политическая монолитность, убогий образ жизни большинства населения при наличии сверхбогатой элиты.

Впрочем, можно оставить маленький лучик надежды и напомнить, что в России многие революционные перемены происходили вопреки исторической логике и прогнозам профессиональных историков и политологов.

ГЛАВА 19. ВОЙНЫ ЗА ПАМЯТЬ

В последние годы Россия переживает очередной пересмотр своего прошлого. История вновь стала делом государственным и вновь поставлена на службу политике. Пересматриваются учебники, формулируется официальная, «правильная» версия минувших событий. Учреждаются комиссии по историческому просвещению. Звучат знакомые до боли советские формулировки о патриотическом воспитании.

Я учился в школе в 60–70-х годах, в так называемую эпоху застоя. К тому времени уже закончилась хрущевская оттепель, официальная историческая наука и школьные учителя стали забывать недавние разоблачения злодеяний сталинской эпохи. В учебниках писали о «нарушениях социалистической законности» в 30-х годах, а «Один день Ивана Денисовича» Солженицына¹²¹ постепенно изымали из библиотек. В открытую Сталина не реабилитировали, но на экраны в 1970 году вышел фильм «Освобождение», где впервые за много лет на экране появлялся генералиссимус в образе мудрого стратега и военачальника, ведущего советский народ от победы к победе.

Так что рос я в блаженном неведении относительно сталинско-

121 «Один день Ивана Денисовича» – первое опубликованное произведение А.И. Солженицына, принесшее ему мировую известность, публикация которого, по мнению историков и литературоведов, повлияла на весь дальнейший ход истории СССР. Рассказывается об одном дне из жизни советского заключенного – русского крестьянина и солдата Ивана Денисовича Шухова.

го режима, масштабов репрессий и архипелага ГУЛАГ. Тем более дома у нас на такие темы практически не говорили. Оба деда – свидетели той эпохи – были коммунистами и полагали, что подобные вопросы с их внуком, пионером-комсомольцем, обсуждать не стоит. После высылки А.И. Солженицына из СССР в феврале 1974 года всем было понятно, что тема эта достаточно опасная.

В студенческие годы мне иногда попадался самиздат¹²² и тамиздат¹²³. В частности, я запомнил карманную книжку «Мастера и Маргариты», изданную на тонкой, но крепкой бумаге эмигрантским издательством «Посев».

Но, в принципе, историей я не особо интересовался, и «Архипелаг ГУЛАГ» Солженицына¹²⁴ прочитал уже в эпоху гласности и перестройки. Тогда буквально в течение трех-четырех лет на нас обрушились воспоминания, романы и исторические исследования, посвященные сталинской эпохе. Помимо упомянутой мною «Жизни и судьбы» Василия Гроссмана я прочитал «Детей Арбата»

122 Самиздат – неофициальное производство и распространение литературных произведений, религиозных и публицистических текстов в СССР. Являлся одной из нелегальных форм противодействия цензуре в СССР.

123 Тамиздат – книги, издаваемые за пределами СССР и нелегально распространяемые на его территории.

124 «Архипелаг ГУЛАГ» – художественно-историческое произведение Александра Солженицына о репрессиях в СССР в период с 1918 по 1956 год. Основано на письмах, воспоминаниях и устных рассказах 257 заключенных и личном опыте автора. ГУЛАГ – Главное управление лагерей (подразделение НКВД СССР, МВД СССР, Министерства юстиции СССР), осуществлявшее руководство местами заключения в 1930-1959 годах.

Анатолия Рыбакова¹²⁵, «Крутой маршрут» Евгении Гинзбург¹²⁶, «Большой террор» Роберта Конквеста¹²⁷. Конечно, некоторые смельчаки и раньше читали эти книги, изданные на Западе, но для подавляющего большинства, включая и меня, правда о сталинском режиме, масштаб репрессий стали настоящим открытием и потрясением.

Именно тогда слово «Сталин» стало для меня одним из самых ненавистных, олицетворяющих то, с чем я борюсь всю мою жизнь.

В 90-х годах казалось, что историческая справедливость возторжествовала. На Лубянской площади¹²⁸ был установлен Соловецкий камень – памятник жертвам сталинских репрессий в СССР, в школьные учебники истории были внесены главы о сталинском режиме и Большом терроре, в программу по русской литературе включили «Архипелаг ГУЛАГ», по всей России стали создавать музеи и мемориалы в честь жертв репрессий.

Казалось, мы выбросили из нашей жизни Сталина, как это было показано в фильме Тенгиза Абуладзе «Покаяние», в кото-

125 «Дети Арбата» – одно из первых произведений о судьбе молодого поколения 1930-х годов. Роман воссоздает судьбы этого поколения, стремится раскрыть механизм тоталитарной власти, понять феномен Сталина и сталинизма, и рассказывает о потерях и трагедии людей эпохи репрессий.

126 «Крутой маршрут» («Хроника времен культа личности») – автобиографический роман Евгении Гинзбург. Одна из первых книг-мемуаров об эпохе сталинских репрессий и лагерей, рассказавшая о восемнадцати годах, проведенных автором в тюрьме, колымских лагерях и ссылке.

127 «Большой террор: Сталинские чистки 30-х» (англ. The Great Terror: Stalin's Purge of the Thirties) – книга британского историка и советолога Роберта Конквеста, опубликованная в 1968 году. Дала название периоду советской истории 1930-х годов.

128 На Лубянской площади в Москве находится основное здание органов государственной безопасности СССР с 1919 по 1992 год – ОГПУ-НКВД-КГБ СССР.

ром сын диктатора, потрясенный преступлениями своего отца, выкапывает его труп и сбрасывает со скалы.

Но с какого-то момента в новой демократической России «отец всех народов» начал оживать и все меньше походить на политический труп. В начале 90-х его портреты начали носить коммунисты, потом к ним присоединились национал-большевики, а затем его образ стал завоевывать сердца миллионов. С приходом Путина к власти этот процесс только усилился.

В 2008 году телеканал «Россия» решил провести среди зрителей конкурс «Имя России», чтобы определить исторического деятеля, пользующегося наибольшим авторитетом и любовью среди россиян. В первом туре зрительского голосования первое место занял Иосиф Сталин (156 тыс. голосов), второе и третье места разделили Владимир Высоцкий и Владимир Ленин (128 и 90 тысяч голосов соответственно).

Очевидно, эти результаты ужаснули организаторов, и они под предлогом «хакерских атак» отменили результаты и провели новые туры, в результате которых на первом месте оказался Петр Столыпин¹²⁹.

Все последующие годы популярность Сталина в России только возрастала. В апреле 2019 года Аналитический центр Юрия Левады опубликовал результаты социологического исследования об отношении россиян к Иосифу Виссарионовичу. Выяснилось, что роль Иосифа Сталина в жизни страны положительно оценивают в общей сложности семьдесят процентов россиян

129 Столыпин Петр Аркадьевич (1862–1911) – один из самых крупных российских государственных и политических деятелей начала XX века, премьер-министр, автор множества реформ.

и что данный показатель – максимальный за все годы исследований.

При этом доля людей, которые разделяют мое отношение к этому персонажу, едва достигла девятнадцати процентов, причем из них четырнадцать процентов относятся к Сталину «скорее отрицательно», а пять процентов – резко отрицательно.

Многие политические комментаторы при этом утверждают, что люди, выражающие свои симпатии к Сталину, имеют в виду не истинный облик этого тирана, а некий символ справедливости, образ борца против коррупции – всего, чего им так не хватает в нынешней власти. Но мне кажется, что эти цифры, увы, свидетельствуют о готовности большинства передать свою свободу и свою ответственность в руки одного человека. В любом случае эти цифры отражают рост авторитарных и репрессивных тенденций в обществе. И неудивительно, что процент новообращенных «сталинистов» четко коррелирует с процентом поддержки Путина.

А власти уже давно уловили это настроение россиян. И даже готовы его поддерживать, поощрять и лелеять. Пока еще Сталина в мавзолей не вернули, но памятники возводят, создание Сталин-центра обсуждается абсолютно серьезно, сталинскую трактовку истории возвращают с триумфом, да еще и принимают новые законы об «охране исторической памяти». Естественно, при таком подходе раскрытие исторической правды конца 80-х – начала 90-х годов объявляется ошибкой. В частности, осуждается решение Съезда народных депутатов, который еще в 1989 году осудил факт подписания «секретного дополнительного протокола» от 23 августа 1939 года и других секретных договоренностей с Германией. То же касается и истории с расстрелом польских

офицеров в Катыни, которую пытается пересмотреть Военно-историческое общество России.

Иногда мне кажется, что Россия кружится в какой-то дурной бесконечности...

Конечно, там еще остались честные люди, которые пытаются противостоять потоку лжи и фальсификаций, – например, общество «Мемориал», «Вольное историческое общество». Но власти навешивают на них ярлыки «иностранных агентов», проводят бесконечные проверки и всячески ограничивают их деятельность.

Я впервые услышал о «Мемориале» в начале 90-х годов. Мы не сотрудничали, но я ходил на их выставки, читал публикации, был знаком со многими правозащитниками, входившими в совет общества, – Людмилой Алексеевой, Львом Пономаревым, Сергеем Ковалевым.

А вот с одним из основателей «Мемориала» и председателем его правления Арсением Борисовичем Рогинским я познакомился уже в Израиле при трагических обстоятельствах.

В конце 2016 года мне позвонила депутат немецкого бундестага Марилуизе Бек, с которой я был знаком по ее борьбе за освобождение Ходорковского, и попросила помочь с организацией лечения Арсения Рогинского в Израиле. К сожалению, у него было очень тяжелое онкологическое заболевание, и первое время после приезда в Израиль он практически не мог ни с кем разговаривать. Но врачи сделали все, чтобы улучшить его состояние, так что вскоре мы с ним начали общаться и подружиться.

Арсений Борисович произвел на меня колоссальное впечатление. Он был очень талантливым человеком и, не сомневаюсь, мог бы сделать блестящую академическую карьеру. Но он сознательно совершил свой выбор, отказавшись от жизни кабинетно-

го ученого и посвятив себя миссии народного просвещения. Он являл собой пример профессионального историка и филолога, но прежде всего это был гражданин России, воспринимавший ее историю и историческую трагедию как свою личную.

Он тяжело переживал возрождение сталинизма в России, но это лишь укрепляло его стремление сохранить «Мемориал» как просветительскую организацию. Он не хотел превращать его в некую политическую оппозиционную структуру, противостоящую режиму, и старался вести диалог с властями. Увы, с тех пор давление властей на «Мемориал» только усилилось. С их точки зрения, любой человек и любая организация, которые позволяют себе иметь собственное мнение, расходящееся с официальными установками, становятся опасной оппозицией.

Мы с Арсением Борисовичем много говорили о работе «Мемориала», о проблемах, с которыми обществу приходилось постоянно сталкиваться в последние годы. Меня впечатлил подход Рогинского к отражению периода репрессий в СССР. Для него было важно не только оперировать огромными числами жертв сталинского режима, но и показать судьбу каждого человека, личную трагедию каждого узника ГУЛАГа, его родных и близких. Хотя статистику он знал и чувствовал, как никто другой.

Надо сказать, что за этот последний год своей жизни в Израиле изменился и сам Арсений Борисович. Он принадлежал к тем людям, которых я называю «русский интеллигент еврейской национальности». Конечно же, Рогинский никогда не скрывал, что он еврей. В фильме «Право на память» он вспоминает, как, входя в первый раз в тюремную камеру, тут же объявил ее сидельцам: «Я – еврей». Но при этом как человек, погруженный в русскую историю, в русскую культуру, он не особенно интересовался своими еврейскими корнями. Это было на периферии его миро-

восприятия. Мне кажется, что пребывание в Израиле – поездка в Иерусалим, встречи с израильскими друзьями – изменило его самоощущение, наполнило его новым содержанием и он почувствовал свою связь с землей Израиля и еврейским народом.

Уход Арсения Борисовича стал тяжелым ударом не только для его родных, близких и коллег, но и для всего демократического и правозащитного движения в России. Многие политические и общественные деятели со всего мира выражали соболезнования по поводу его кончины. Кремль многозначительно промолчал.

Дружба с Арсением Борисовичем, его взгляды и общественная деятельность привели меня к выводу, что и наш фонд должен внести свой вклад в борьбу с тоталитаризмом и сталинизмом.

Еще при жизни Рогинского мы решили снять фильм об антисемитской политике СССР в послевоенные годы. Это был не первый опыт: в 2002 году я оказал поддержку Александру Зельдовичу в съемках фильма «Процесс» о расстреле Еврейского антифашистского комитета в 1952 году.

На этот раз речь шла о фильме про «дело врачей».

Я уже писал, что в разгар антисемитской кампании моего деда Иосифа Невзлина уволили из ВМФ за его возмущенную реакцию на антисемитскую статью в «Правде». Многие тогда говорили, что ему еще повезло, ведь его только отправили в отставку, а не сгноили в лагерях. А другим нашим родственникам – Вениамину Хаимовичу и Соломону Хаимовичу Невзлиным – повезло меньше: оба брата были арестованы по «делу врачей».

Мы начинали съемки без окончательного сценария, понимая, что надо спешить: свидетели тех лет уходят из жизни. Врачи, арестованные в 1952 году, ушли из жизни давно, но оставались их дети и внуки, тоже весьма в почтенном возрасте. Так, мы успе-

ли снять дочку Берии, но не успели внука Сталина – Александра Бурдонского. Федор Лясс, сын врача Евгении Лифшиц, арестованной по «делу врачей», скончался через две недели после съемок.

Почти семьдесят лет прошло с тех пор, когда в Советском Союзе открыто проводилась антисемитская кампания. Но мы видели, насколько жива была память о тех кошмарных годах у наших респондентов. С какой болью, обидой и недоумением они рассказывали об аресте своих родителей, об обысках, об увольнении с работы, из института, о страшной давящей атмосфере тех лет.

Снимали фильм в США, Израиле, Германии, России. Беседовали не только с пожилыми свидетелями той эпохи, но и с нашими молодыми российскими современниками, почитающими Сталина и оправдывающими его преступления. Я смотрел, с какой убежденностью они пытались доказать израильской съемочной группе, что Сталин не был антисемитом, что благодаря его поддержке появился Израиль, что просто так при Сталине никого не сажали и т.п., и все больше убеждался, что тема антисемитизма в России не утратила своей актуальности.

Еще в ходе съемок фильма мы начали собирать документы той эпохи, надеясь найти доказательства планов Сталина провести массовое переселение евреев в Сибирь и на Дальний Восток. По этому поводу среди историков существуют различные мнения. Одни, как, например, Джонатан Brent¹³⁰, считают,

130 Brent Джонатан (1949) – американский ученый, писатель и издатель, специалист по вопросам советской и современной еврейской истории.

что Сталин планировал после судилища над «врачами-убийцами» осуществить массовое переселение советских евреев, другие, как Геннадий Костырченко¹³¹, полагают, что таких планов не было, поскольку не сохранилось документов, рассказывающих об этом.

Лично я не сомневаюсь, что Сталин готовил геноцид советских евреев.

Соответствующие документы могли быть уничтожены, не говоря уже о том, что подобные распоряжения зачастую отдавались устно. Слухи о готовящемся выселении евреев циркулировали в СССР довольно долго. Страшно, что к этому были готовы и сами евреи, и многонациональный советский народ. Более того, воспринималось это как нечто само собой разумеющееся. Поэт Иосиф Бродский¹³² вспоминал, как его родители продали в 1953 году пианино – не тащить же его в Сибирь? А в нашем фильме «Чужие» Хаим Венгер¹³³ вспоминал, как в их комнату в коммунальной квартире приходила русская соседка, которая рассчитывала, что она сюда переедет сразу после высылки еврейской семьи.

Вся логика событий 1948–1953 годов свидетельствует о том, что евреев превращали в особенную группу – народ-космополит,

131 Костырченко Геннадий Васильевич (1954) – советский и российский историк, исследователь советской политики и национальных отношений. Доктор исторических наук.

132 Бродский Иосиф Александрович (1940–1996) – русский и американский поэт, эссеист, драматург и переводчик, педагог. Лауреат Нобелевской премии по литературе 1987 года, поэт-лауреат США в 1991–1992 годах.

133 Венгер Хаим – поэт, прозаик, журналист. Родился в Ленинграде. В Израиль репатрировался в 1980 году.

народ-предатель, народ – иностранный агент. А остальной «советский» народ был готов не только провожать своих еврейских соседей в дальние края, но и устраивать еврейские погромы.

Мы часто говорим, что только смерть Сталина спасла советских евреев от нового Холокоста, забывая при этом, что все последующие годы евреи в Советском Союзе продолжали оставаться особой категорией населения. Власти всегда относились к ним с подозрением, постоянно возникали секретные постановления о процентной норме при поступлении в вузы, о приеме евреев на работу, в партию, о поездках за границу... Мое поколение, и поколение моих родителей, и поколение дедушек и бабушек жили с ощущением своей отделенности и подверженности ограничениям, постоянной дискриминации.

И каждый раз, когда я слышу про новых «иностранных агентов», которых штампует путинский режим, я вспоминаю ту волну послевоенного антисемитизма, сопровождаемую психозом по поводу вездесущих шпионов.

Все это тоже стало причинами, по которым мы решили начать собирать документы, связанные с антисемитской политикой в СССР в послевоенные годы. Надо сказать, что довольно много документов было опубликовано фондом «Демократия» А. Н. Яковлева¹³⁴. Это были официальные постановления, запи-

134 Международный фонд «Демократия» был создан в 1993 году. Президентом МФД стал действительный член Российской академии наук Александр Николаевич Яковлев, с 1991 года возглавлявший Комиссию при Президенте РФ по реабилитации жертв политических репрессий. По замыслу А. Н. Яковлева, фонд должен способствовать выявлению и изданию ранее неизвестных и не публиковавшихся документов по истории России XX века, а также проведению научных исследований, основанных на новой документальной базе.

ски во властные органы, донесения, которые вполне объективно отражали политику властей.

Но нас интересовали прежде всего судьбы конкретных людей, конкретных жертв сталинского режима и тех, кто пытался с ним бороться. Безусловно, в этом сказалось влияние на нас подхода А.Б. Рогинского и «Мемориала» в его стремлении «запомнить каждого».

Мы стали собирать дела из архивов КГБ, бывших архивов КПСС и других архивов на Украине, в Литве и Латвии. Увы, российские архивы к тому времени стали практически недоступны. Наши сотрудники – опытные историки и архивисты – обрабатывают эти дела, описывают их и выкладывают на сайт jdoc.org.il На данный момент описано и выложено более тысячи дел, содержащих в общей сложности около ста тысяч страниц.

Этот сайт предназначен прежде всего для профессиональных исследователей, и надо отметить, что прямо в ходе его создания несколько специалистов уже воспользовались выложенной там информацией для своей работы¹³⁵.

В то же время наш сайт представляет интерес для каждого, кто интересуется историей. Даже после поверхностного ознакомления с выложенными архивными материалами становится ясно, какой масштаб приняла антисемитская политика в конце 40-х – начале 50-х годов. Это не были отдельные процессы, проводившиеся в Москве. В каждой республике в крупных и мелких

135 Например: Архипова А., Кирзюк А. Опасные советские вещи. Городские легенды и страхи в СССР. – М.: Новое литературное обозрение, 2020.

городах евреев изгоняли с работы и арестовывал под самыми надуманными предлогами, а иногда в результате провокаций КГБ. В те годы остатки еврейской культуры – театры, издания, газеты и журналы – были окончательно задавлены, а немногочисленные оставшиеся религиозные общины находились под жестким контролем органов.

Дальнейшее развитие проекта предполагает также публикацию документов, относящихся к более широкому временному периоду – и к довоенным годам, и к 60–80-м годам, когда в СССР началась борьба за выезд в Израиль. Видеоматериалы, личные и семейные архивы – все это может и должно появиться на сайте.

Конференция, посвященная 100-летию Октябрьской революции, организованная Центром Невзлина в Иерусалимском университете

Для того чтобы подобные истории, запечатленные в документах КГБ, дошли до самой широкой публики, мы иници-

ировали проект «Еврейские герои», который включает в себя интернет-сайт и страницу в Facebook¹³⁶.

Центр по изучению российского и восточноевропейского еврейства в Еврейском университете, о котором я рассказывал выше, в 2017 году также решил выбрать в качестве центральной темы своих исследований и мероприятий изучение еврейского вопроса в тоталитарных режимах. Все члены ученого совета поддержали это направление, сочтя его крайне актуальным в современных условиях, поскольку оно слабо изучено. В СССР в годы перестройки и гласности начинались работы в этой области, но постепенно они сошли на нет. Что касается стран Восточной Европы после 1945 года, то и здесь интерес к этой теме оказался недостаточным. Именно наш центр инициирует исследовательские проекты, международные конференции, объявляет конкурсы на гранты.

Так, в 2019 году был проведен конкурс на лучшую публикацию по теме «Евреи и тоталитаризм» в номинациях «Лучшая книга» и «Лучшая статья». Международное жюри присудило приз исследователям из Польши и с Украины (в конкурсе участвовали более сорока человек из восьми стран).

Центр провел несколько совместных конференций: с Центром по исследованию современной истории в Потсдаме – «Еврейский опыт в Восточной Европе, 1945-1968», с Вильнюсским университетом – «Повседневная жизнь в советском обществе» и «Понятие “раса” в Российской империи и СССР» совместно с Чикагским университетом.

136 <https://www.jewishheroes.live/>
<https://www.facebook.com/jewishheroes2020/>

Но особенно важной для меня стала конференция памяти А.Б.Рогинского «Переосмысление тоталитаризма в коммунистической Европе», которую центр провел в апреле 2019 года в Иерусалиме. Конференция, на которой рассматривалась еврейская тематика в широком контексте тоталитаризма и коммунизма, собрала ведущих политологов, историков, социологов из России, США, Израиля, с Украины.

За семнадцать лет работы наш центр привлекал к своим мероприятиям и инициативам практически всех ведущих специалистов в области изучения истории и культуры российского и восточноевропейского еврейства. Он стал своего рода международным сообществом, включающим в себя профессионалов от Японии до Эстонии.

Центр пользуется заслуженным авторитетом в академическом мире. И теперь важнейшая задача наших академических и просветительских проектов – сделать максимально доступными результаты исследований, научных дискуссий и публикаций для всех, кто интересуется историей еврейского народа.

ГЛАВА 20. ЛИБЕРАЛИЗМ И ЕВРЕЙСКОЕ ГОСУДАРСТВО

В начале книги я рассказывал о моем любимом дедушке Марке, который после работы слушал «вражеские голоса» – Би-би-си, «Голос Америки», «Немецкую волну». Но самой дорогой радиостанцией для него всегда был «Голос Израиля». Дед напряженно, сквозь шумы и помехи глушилок, вслушивался в голоса, вещающие с идишским акцентом и рассказывающие о происходящем в Израиле.

Я видел, как он воспринимает эти новости. Чувствовалось, что он искренне болеет и тревожится за судьбу этой страны. Особенно явно эта тревога проявилась осенью 1973 года, когда на Ближнем Востоке вспыхнула Война Судного дня и судьба Израиля висела на волоске.

Конечно, на меня, четырнадцатилетнего, тревога деда, его переживания за Государство Израиль производили большое впечатление. Но сам я довольно слабо представлял себе эту далекую страну, а слово «сионизм» звучало совсем чуждо. Ведь в СССР на протяжении многих десятилетий – практически с Октябрьского переворота в 1917 году – сионизм считался реакционным буржуазным учением, а сионисты – врагами. Во всех газетах, журналах, по радио и телевидению, а также в школе на уроках политинформации нам рассказывали об «израильской военщине», о преступлениях сионизма, об оккупации палестинских земель. С особым удовольствием советские пропагандисты разъясняли резолюцию 3379 Генеральной Ассамблеи ООН – «Ликвидация всех форм расовой дискриминации», принятой 10 ноября

1975 года на XXX сессии¹³⁷. «Вот видите, – с торжеством в голосе восклицали они, – Израиль – государство апартеида¹³⁸, такое же, как Южная Африка и Родезия, а сионизм – это форма расизма и расовой дискриминации!»

Более того, Израиль, говорили они, – это марионетка США, инструмент проведения империалистической политики на Ближнем Востоке. До сих пор помню карикатуры с изображением носатого израильского милитариста, увешанного оружием и сидящего на мешке с долларами. Да что там «американская марионетка»! Сионизм сравнивали с фашизмом, нацизмом. Рисовали свастику внутри маген-давида и т.п.

Увы, в молодости в моем окружении не было ни одного отказника, который мог бы мне рассказать, что происходило в те годы в Израиле.

Естественно, в годы перестройки отношение к Израилю в Советском Союзе стало меняться. Заклятый враг начал постепенно превращаться в друга, чему во многом способствовала история с захватом школьного автобуса в городе Орджоникидзе (ныне Владикавказ) группой наркоманов в конце 1988 года. Они потребовали, чтобы их вместе с заложниками посадили в самолет и отправили в Израиль. И тогда произошли два беспрецедентных

137 Была отменена 16 декабря 1991 года резолюцией 46/86 Генеральной Ассамблеи ООН. За принятие резолюции проголосовало сто одиннадцать государств (в том числе почти тридцать из числа голосовавших за оригинальную резолюцию, включая СССР), против – двадцать пять, воздержалось – тринадцать.

138 Апартеид (африк. apartheid – «раздельность», то есть раздельное проживание, работа и т.д.) – официальная политика расовой сегрегации, проводившаяся правившей в Южно-Африканском Союзе и Южно-Африканской Республике Национальной партией с 1948 по 1994 год.

события. Во-первых, советские силовики выпустили самолет вместе с детьми и угонщиками, а во-вторых, израильские власти арестовали бандитов и отправили их обратно в СССР. Наверное, это была первая совместная операция советских и израильских органов безопасности за всю историю отношений между двумя странами. Буквально через год в России об этом сняли художественный фильм «Взбесившийся автобус», в котором израильскую натуру снимали не в Сочи, а непосредственно в Израиле.

А вскоре открылись ворота эмиграции в Израиль, люди начали летать к родственникам в гости, и многие стали воспринимать эту страну чуть ли не как далекую провинцию России.

Что же касается слова «сионизм», то я хорошо помню, как в одной из статей, кажется в перестроечном «Огоньке»¹³⁹, прочитал, что сионизм – это политическое учение о создании еврейми своего государства. И все стало понятно, а отторжение мгновенно улетучилось.

Но по-настоящему Израилем и сионизмом я начал интересоваться, когда этой стране исполнилось пятьдесят лет, а мне сорок, то есть в конце 90-х годов. Естественно, это было связано с моей деятельностью в КЕРООРе, Российском еврейском конгрессе и Сенате РФ. Именно тогда я стал читать книги по истории Израиля и сионизма, жизнеописания Теодора Герцля¹⁴⁰

139 «Огонек» – российский, советский и снова российский общественно-политический и литературно-художественный иллюстрированный еженедельный журнал. Журнал выходил в Москве с 1923 по 2020 год.

140 Герцль Теодор (1860–1904) – австро-венгерский еврейский общественный и политический деятель, основатель Всемирной сионистской организации, провозвестник еврейского государства и основоположник идеологии политического сионизма. Доктор юриспруденции, журналист, писатель.

и отцов-основателей Израиля Вейцмана¹⁴¹ и Бен-Гуриона¹⁴², фельетоны Жаботинского¹⁴³. Меня поразили их предвидение, убежденность в реализации этого, как тогда казалось многим, фантастического проекта и их невероятное упорство в деле создания еврейского государства. Кроме того, как «официальное лицо» я стал регулярно ездить в Израиль и встречаться с его лидерами. Безусловно, я начал смотреть на эту страну другими глазами. Она становилась для меня уже не только местом для идеального семейного отдыха в весенние месяцы. Я стал воспринимать Израиль как свою страну, я гордился ее достижениями и переживал за ее трудности и трагедии. Думаю, что именно тогда я стал считать себя сионистом.

В те годы я еще плохо разбирался в хитросплетениях израильской политики. Тогда у власти пребывал «Ликуд»¹⁴⁴ во главе с премьер-министром Ариэлем Шароном, с которым я несколь-

141 Вейцман Хаим (1874–1952) – израильский государственный и политический деятель, ученый-химик, президент Всемирной сионистской организации, первый президент Государства Израиль, президент и основатель исследовательского института, который теперь носит его имя.

142 Бен-Гурион Давид (1886–1973) – израильский политический и государственный деятель, крупный деятель сионизма, лидер еврейского рабочего движения в Палестине, председатель Еврейского агентства Израиля, первый премьер-министр Израиля, министр обороны в первых десяти правительствах Израиля, министр транспорта в третьем правительстве Израиля.

143 Жаботинский Владимир Евгеньевич (1880–1940) – еврейский писатель, поэт и переводчик, журналист. Лидер правого сионизма, основатель и идеолог движения сионистов-ревизионистов, создатель Еврейского легиона и организаций «Иргун» и «Бейтар»; писатель, поэт, публицист, журналист, переводчик. Писал на иврите и идише, русском и французском языках.

144 «Ликуд» («Консолидация») – правоцентристская национал-либеральная политическая партия Израиля. Была основана в 1973 году Менахемом Бегинем и Ариэлем Шароном.

ко раз встречался. Именно «Ликуд» был для меня тогда политическим лицом страны.

Постепенно, после переезда в Израиль и принятия израильского гражданства, моя связь с Израилем стала более глубокой и личной. Безусловно, это моя страна, это место, где находятся мой дом и моя работа, где живут мои дети и родились мои внуки.

Для меня Израиль – неотделимая часть моего самоопределения. Мне бы очень хотелось, чтобы в душе каждого еврея Израиль занимал особое место. Скажу честно, мне гораздо ближе люди, пусть и не живущие в Израиле, но интересующиеся нашими делами и поддерживающие нас, чем евреи, равнодушные к нашей стране. Я считаю при этом совершенно легитимной критику Израиля, хотя и до определенных границ. Так, я не могу принимать позицию, отказывающую Израилю в праве на существование и объявляющую его государством апартеида.

Многие израильтяне, особенно мои бывшие соотечественники, уверены, что быть сионистом – это значит поддерживать правительство Израиля, воздерживаться от критики его отношений с арабами, поселенческой политики и т.д. Но для меня патриотизм заключается и в трезвой оценке происходящего в моей стране, и в отстаивании своих взглядов. Я не считаю, что сионизм должен противоречить либерально-демократическим ценностям. Более того, я считаю, что он обязан базироваться на идеалах свободы и демократии, и я вижу одной из своих главных задач в Израиле их защиту и продвижение.

Чем дольше я живу в Израиле, тем лучше понимаю проблемы и вызовы, с которыми сталкивается современное израильское общество.

Как я уже говорил, одной из главных проблем я считаю его разобщенность и конфликтность. Мы видим отчужденность

не только между арабским и еврейскими секторами, но и постоянные конфликты внутри еврейского социума. Конфликты возникают на почве отношения к религии (между светскими и религиозными евреями), из-за стран исхода (между выходцами из восточных и западных стран), по географическому положению (между центром страны и периферией) и многих других водоразделов. Некоторые общины, например выходцев из Эфиопии, по-прежнему живут крайне обособленно. Все это происходит на фоне растущего социального неравенства и повышения стоимости жизни. У нас до сих пор отсутствует общий культурный код, и, что самое печальное, правительство очень мало делает для его выработки. Да, в Израиле есть Министерство абсорбции, но оно не относится к числу приоритетных и занимается главным образом экономическими субсидиями новым репатриантам. Так называемая «духовная абсорбция» остается не более чем красивым лозунгом. Впрочем, этой задачей должно заниматься не одно министерство, а все общество.

Многие говорят, что подобная культурная разобщенность – явление, в целом характерное для XXI века с его массовыми миграциями и огромной ролью социальных сетей, которые не только объединяют, но и разъединяют, порождают конфликты и споры. Мне напоминают, что Израиль – это молодая страна, что со временем молодые переженятся, составят единый израильский народ, который будет говорить на иврите без акцента и иметь общую самоидентификацию. В любом случае сидеть сложа руки и дожидаться этой «прекрасной поры» я не готов. Поддержку реконструкции Музея еврейского народа я считаю своим вкладом именно в борьбу с этой разобщенностью. Музейная, образовательная, исследовательская деятельность на благо моего народа – очевидный выбор, но рано или поздно я хотел бы воз-

дать должное либеральным принципам, которые изменили мою жизнь.

Меня крайне беспокоит и огорчает рост антилиберальных и антидемократических настроений в Израиле. Увы, в этом смысле Израиль затронули те же политические тенденции, которые в последние годы наблюдаются во всем мире – от Филиппин до США, от России до Венгрии и Польши. Мы видим, как в самых разных странах к власти путем демократических выборов приходят авторитарные лидеры, которые затем правят десятилетиями и последовательно разрушают демократические и правовые основы своих стран. Демагогия, популизм, откровенная ложь, манипулирование сознанием и национализм, переходящий в шовинизм и расизм, превращаются в основные тренды политической борьбы. И такие лидеры находят отклик и поддержку у миллионов избирателей. Более того, они привлекают на свою сторону и интеллектуалов.

Надо признать, в Израиле большинство населения не разделяет либеральные ценности. Для обывателя они не выглядят патриотично, потому что автоматически означают равенство еврея и араба со всеми вытекающими из этой формулы проблемами и конфликтами. Правые называют себя патриотами, а на левых навешивают ярлык предателей. Двенадцать лет у власти стоял блок правых и ультраортодоксальных партий.

В последнее десятилетие часто говорят о кризисе либерализма, указывая именно на рост тоталитаризма и популизма, на возвращение к авторитаризму стран, вначале ставших на демократический путь развития – таких как Россия или Венгрия. Подчеркивается, что свободный рынок не дает решения всех проблем, в чем я был уверен в начале 90-х годов, когда вышла в свет книга «Человек с рублем». Более того, эпидемия корона-

вируса показала, что в подобных кризисных условиях роль государства только увеличивается.

Означает ли это, с моей точки зрения, что либерализм – это устаревшая философия, мировоззрение, переставшее быть актуальным в XXI веке?

Конечно же, нет. Существует множество определений либерализма, и я не собираюсь их здесь анализировать или выбирать наиболее подходящее. Для меня лично либерализм – это прежде всего определенная система ценностей, на вершине которой находятся свободный индивидуум и изначальное равенство всех людей как высшая и безусловная ценность. Права человека, разделение властей, свободный рынок, плюрализм – это очень важные принципы, создающие инструменты, обеспечивающие свободу личности.

Либерализм относительно молод, ему около трехсот лет. За три века он менялся вместе с обществом, он изменялся в ответ на новые вызовы, но при этом всегда сохранялась его основа – свободная личность. И я уверен, что и в дальнейшем либерализм останется самым гуманным мировоззрением.

Я – человек действия. И я всегда задаю вопрос себе: а что лично я, как человек либеральных взглядов, могу сделать здесь и сейчас в ответ на сложившуюся ситуацию?

И тут есть два выхода. Можно самому идти в политику: примкнуть к одной из существующих партий или образовать новую. Но этот путь не для меня. Я не могу постоянно пребывать в публичном пространстве, погружаться в политические интриги, пусть даже они называются «тактической борьбой». Нет, это не мое.

Достаточно скоро после приезда в Израиль я пришел к выводу, что мне ближе защита и продвижение либеральных ценностей через медийные проекты.

Вместе с главным редактором газеты «Хаарец» Амосом Шокеном

Поэтому в 2010 году я обратился к газете «Хаарец» с предложением стать ее акционером. Это старейшая газета, основанная еще в 1918 году и выражавшая взгляды сионистов-социалистов, эмигрировавших в Палестину из России. Позже, в 1937 году, ее купила семья Шокен, которая до сих пор остается основным владельцем этой газеты. В «Хаарец» работают блестящие журналисты, аналитики, ее читает израильская интеллигенция и политическая элита. Тираж ее не так велик, как у «Йедиот Ахронот» или «Израэль Хайом», но авторитет и влияние несопоставимы. Это своего рода израильский аналог «Нью-Йорк таймс».

В отличие от других газет в Израиле, «Хаарец» не спекулирует крупными заголовками и яркими фотографиями, а привлекает профессиональной аналитикой. Причем читают ее не только в Израиле, но и за рубежом – газета выходит на двух языках, в бумажной и электронной версии. В ней много неоднозначных

мнений, но нет непроверенных фактов. Журналисты «Хаарец» последовательно и бескомпромиссно критикуют власть, и часто люди пугают такой подход с ненавистью к еврейскому государству.

Именно такая неоднозначность и была мотивом покупки пакета акций газеты. Мне показалось правильным внести свой вклад в развитие медийного плюрализма на новой родине – это, в конце концов, и есть демократия. У владельцев тогда были серьезные материальные затруднения, но своим именем они дорожили больше, чем кошельком, поэтому еще почти год они меня изучали как потенциального партнера.

Благополучно пройдя через юридическое чистилище, я в 2011 году приобрел пакет акций издательского дома и получил право голоса в совете директоров. В какой-то степени это был демонстративный шаг: для богатого «русского» я повел себя странно, войдя в неприбыльный медийный бизнес, да еще идеологически не совпадающий со взглядами большинства бывших соотечественников. Надо сказать, что в этом смысле я отличаюсь от подавляющего большинства российских еврейских филантропов, которые предпочитают держаться рядом с властью вне зависимости от своих политических взглядов.

Впрочем, как сказал современный российский писатель Дмитрий Быков в одном из интервью, «либерал – это человек, чьи ценности не совпадают с системой ценностей большинства».

Покупка акций газеты «Хаарец», безусловно, создала мне новое общественное лицо: я стал ассоциироваться с определенным классом людей в стране, мои взгляды на ее развитие теперь стали четко очерчены. Я – либерал и в израильской системе политических координат нахожусь немного слева от центра. Идея нормального сосуществования двух народов, наделенных одинако-

выми демократическими, а не просто декларируемыми правами, мне кажется совместимой с духом еврейского демократического государства. И позиция старейшей израильской газеты «Хаарец» близка и моим взглядам как читателя.

Совет директоров «Хаарец» – абсолютно демократическая структура, все члены совета имеют равные возможности влияния на управление изданием, но только не на редакционном уровне. Журналисты полностью свободны и независимы от топ-менеджмента или акционеров. Совет директоров, который собирается раз в три месяца, занимается в основном стратегическим и экономическим планированием. К стратегическим вопросам относится, в частности, развитие интернет-версии издания, что я всегда поддерживал как член совета директоров. И надо отметить, что именно за счет продвижения «Хаарец» в виртуальном пространстве нам удалось выйти из экономического кризиса и стать прибыльной газетой.

Но все-таки в «Хаарец» я – партнер, а не издатель. Издатели – семья Шокен. К тому же оказалось, что я не настолько левый, как доминирующая часть журналистов газеты. Но влезать в чужой монастырь со своим уставом не в моих правилах.

В общем, настал день, когда я задумался о собственном медийном проекте. Незаполненная ниша была обнаружена быстро. Оказывается, в Израиле не было аналитического политического ежемесячника, в котором нашлось бы место и политике, и культуре, и социальным проблемам и где могли бы представлять свою точку зрения и левые, и правые, и центристы.

Мне казалось, что в стране есть запрос на другую, неангажированную журналистику, где не все делится только на черное или белое. Ежедневные газеты типа «Израэль Хайом» или «Йедиот Ахронот» частично выполняют эту функцию, но ориентация

на массового читателя и погоня за сенсационностью склоняют их авторов к поверхностной стилистике. Та же «Хаарец», оставаясь безупречной с точки зрения фактов, иногда грешит тенденциозностью их изложения, где все происходящее описывается только двумя красками – белой и черной.

Так родилась идея «Либерала» – яркого, иллюстрированного, но при этом серьезного аналитического ежемесячного журнала для читателя, не привыкшего к навязанным мнениям. Такой журнал был призван удовлетворить потребность в лонгридах – глубоких и объемных статьях, которые позволяют разобраться в процессах до конца и со всех сторон.

Журнал был основан в 2014 году, и за эти годы мы добились определенных успехов: вокруг «Либерала» сформировался свой круг авторов, среди израильской интеллигенции мы приобрели репутацию интересного и глубокого ежемесячника со своим лицом.

Сейчас, спустя восемь лет, пришло время переосмыслить концепцию журнала. Все ухудшающееся состояние израильской демократии вынуждает многих из нас, людей либерального лагеря, к принятию более активной гражданской позиции, и мне хочется, чтобы обновленный «Либерал» стал для них домом, площадкой для дискуссий и местом, где они встречаются единомышленников. Чтобы «Либерал» был не только качественным медийным продуктом, но и общественным проектом, помогающим вернуть частично утраченный престиж либеральной демократии.

Вскоре после основания журнала «Либерал» я вернулся к намерению учредить интернет-газету для русскоязычного читателя в Израиле.

Когда я переехал в Израиль, то иврит еще знал очень плохо и основным источником информации для меня были местные

газеты и телевидение на русском языке. Довольно скоро я заметил, что для них всех был характерен какой-то раздраженный, нетолерантный тон по отношению к левым партиям, израильским арабам, критикам израильской политики. Некоторые статьи и «письма читателей» были просто на грани расистских. Все это напоминало мне неизбежную советскую ментальность, сочетающую пафосный квасной патриотизм с ненавистью к инакомыслию. Я не против правых взглядов (хотя кто такие правые и левые в Израиле – это еще отдельный разговор), но должна быть представлена и иная точка зрения.

Еще в 2006 году у меня родилась идея создать в Израиле совместно с газетой «Хаарец» свободомыслящий медийный проект, альтернативный «русскому мейнстриму». Я предложил руководству газеты построить в интернете русский сайт «Хаарец». Намеренно выбрал такой вариант, зная, что многие «русские евреи» называют «Хаарец» «органом антиссионистской пропаганды» и «пропалестинской листовкой», хотя из-за довольно сложного, высокого иврита ее осилит не каждый репатриант.

Переговоры, которые я вел с «Хаарец» через посредников, продолжались почти год. Разработали концепцию, очертили основные контуры проекта, но в последний момент в «Хаарец» передумали и отказались от участия в нем. Я был крайне огорчен и разочарован этим решением. Увы, леволиберальное крыло израильского общества в очередной раз упустило шанс привлечь на свою сторону русскоязычных сограждан.

Спустя десять лет я решил, что готов сам инициировать медийный проект, благо уже был накоплен опыт работы в «Хаарец» и «Либерале». Тем более что за это время потребность в подобном СМИ стала еще более актуальной. Большинство русскоязычных медиа Израиля не только были правыми, но и более или

менее явно подчинялись вполне известным политикам. Кроме того, нельзя забывать, какую роль в Израиле играет российское телевидение. Для многих выходцев из бывшего Союза это – основной источник информации. А о том, какую позицию занимает российское телевидение, можно и не говорить.

Причем эта ситуация уже давно диссонировала с характером русскоязычного израильского сообщества, который изменился с 90-х годов прошлого века. Людям либеральных взглядов, придерживающихся левой или левоцентристской идеологии, индивидуальным предпринимателям и многим другим просто нечего было читать на русском языке. Никто не отражал их взглядов, никто не выражал их интересов. Второй нюанс заключался в почти полном отсутствии эксклюзивной информации в Сети. Большинство ресурсов ограничивались переводами из ивритской и перепечатками из российской прессы, соответственно становясь неинтересными и вторичными для читателей, владеющих ивритом. Особенно для молодых.

Труднее всего было найти главного редактора будущего проекта. Нужен был человек опытный, с хорошим знанием русского языка и израильских реалий, самостоятельный, независимый и разделяющий мои политические взгляды. Мне повезло – таким человеком оказался Эмиль Шлеймович, до этого работавший на радио РЭКА и телеканале RTVI.

Долго выбирали название будущего сайта. Остановились на «Деталих», решили, что подобное название отражает и профессионализм журналистики, и желание докопаться до самой сути политических явлений.

Израильский русскоязычный сайт «Детали» заработал 3 мая 2017 года, как раз в Международный день свободы печати. Получилось символично: свобода прессы, свобода слова – одна из ос-

новных ценностей свободного мира, приоритет, за который мы боремся и который пытаемся защищать. За четыре года «Детали» превратились в одно из ведущих СМИ Израиля на русском языке. К концу 2020 года на сайт в месяц заходило более восьмисот тысяч уникальных посетителей, а количество визитов превысило четыре миллиона. При этом большинство наших читателей живут в Израиле.

Безусловно, трафик – это значимый показатель популярности средства массовой информации, но для нас гораздо важнее качество размещаемых материалов, тем более что мы позиционируем себя как издание для интеллигентных израильтян. Значительную часть текстов составляют переводы из «Хаарец», но за прошедшие годы сформировался свой профессиональный коллектив, в котором арабский вопрос описывают арабисты, экономическое приложение «НЭП» возглавляет эксперт в экономике, об истории пишут историки и так далее. У нас самая сильная в стране историческая рубрика, пользующаяся большой популярностью, а в штате и среди постоянных авторов – четыре историка. «Детали» публикуют объемные аналитические статьи, и они пользуются успехом.

Я считаю, что сегодня «Детали» – ведущее либеральное СМИ Израиля на русском языке, при этом не отказывающее в праве слова даже тем, кого другие считают маргиналами. Здесь публиковались лидер праворадикального движения «Лахава», юристы-антипрививочники и многие другие. «Детали» не вводят цензуру – напротив, они борются с любыми формами замалчивания или попытками закрыть кому-то рот. Не подыгрывая ни одной из партий, не публикуя заказных статей и не пытаясь выдать рекламные материалы за аналитические. Подобная позиция вызывала яростное неприятие определенной категории людей.

Оскорбления в адрес «Деталей» и ее журналистов в социальных сетях – лишь малая толика того давления, которому мы подвергаемся.

Впрочем, оскорбления еще можно пережить, но зачастую жизнь журналистов, пытающихся докопаться до истины, подвергается гораздо более серьезной опасности.

В конце июля 2018 года мой друг и партнер Михаил Ходорковский столкнулся с трагедией – спланированным и хладнокровно осуществленным убийством трех известных российских журналистов в Центральной Африканской Республике. Преступники заманили в ловушку и убили Кирилла Радченко, Александра Расторгуева и Орхана Джемала, которые вели там расследование деятельности так называемой «группы Вагнера» – российской частной военной компании.

Мы провели расследование преступления своими силами. Было доказано, что это не был обычный грабёж, как пытались убедить всех российские власти. Были выявлены люди, очевидно замешанные в преступлении. Уверен, что рано или поздно они, как и те, чье участие в убийстве пока только предполагается, будут наказаны.

Всего этого показалось нам недостаточно, и тогда я предложил Михаилу создать фонд для расследований преступлений против журналистов. Я не открою ничего нового, если скажу, что насильственные преступления против представителей медиа – это глобальная проблема и что в мире ежегодно убивают десятки журналистов. Но еще страшнее то, что большинство преступлений против них остаются нераскрытыми, а преступники безнаказанными.

Для борьбы с этой безнаказанностью мы и создали фонд «Справедливость для журналистов» – по-английски Justice for

Journalists Foundation, который начал свою работу из Лондонского офиса в начале 2019 года.

Фонд активно сотрудничает с расследовательскими командами, с международными правозащитными организациями, со всеми, кто верит в то, что совершившие преступления против журналистов должны быть найдены и наказаны по закону.

Однако мы понимаем, что необходимо сделать так, чтобы журналисты сами научились просчитывать свои риски и предпринимать соответствующие меры безопасности. Поэтому еще один аспект работы фонда – помощь журналистам в оценке и минимизации своих профессиональных рисков. Академия медиабезопасности, названная в память Орхана Джемала, дает профессиональным и гражданским журналистам этот спасательный круг, эти знания и навыки, которые помогут в любой опасной ситуации в их рискованной, но очень нужной нам всем работе.

Но вернемся в Израиль.

За те почти семнадцать лет, которые длилась реконструкция Музея еврейского народа, мы не только набирались опыта в современном музейном деле, дизайне и строительстве, но и анализировали само понятие Jewish Peoplehood.

Один из главных выводов, который я сделал на основе анализа событий в еврейском мире за последние годы, заключается в том, что единство еврейского народа невозможно обеспечить только призывами к дружбе и взаимоуважению. Более того, я утвердился в мнении, что в современную эпоху единство между евреями в Израиле и в диаспоре могут обеспечить не только наше традиционное наследие, но прежде всего либеральные ценности.

У нас нет Конституции. Но у нас есть Декларации независимости, которая является символом и основой существования

Государства Израиль. В ней провозглашаются самые важные и близкие для меня либеральные принципы:

«Государство Израиль будет открыто для еврейской репатриации и собирания изгнанников; оно приложит старания к развитию страны на благо всех ее жителей; оно будет зиждиться на принципах свободы, справедливости и мира, в соответствии с предначертаниями еврейских пророков; осуществит полное гражданское и политическое равноправие всех своих граждан без различия религии, расы или пола; обеспечит свободу вероисповедания, совести, выбора языка, образования и культуры; будет охранять святые места всех религий и будет верно принципам Хартии ООН».

Эти принципы обеспечивают существование Государства Израиль и как еврейского, и как демократического. И столь дорогое для меня слово «свобода» повторяется здесь два раза. Кстати, процесс подписания Декларации является символом того самого единения еврейского народа. В далеком 1947 году ее подписали не только члены национального совета, представляющего еврейскую общину на территории подмандатной Палестины, но и представители сионистского движения за ее пределами. Более того, те, кто подписывал Декларацию, были выходцами из самых разных стран и представляли еврейские общины в Беларуси, на Украине, в Польше, Молдавии, Германии и других странах.

К сожалению, в наши дни многие принципы, провозглашенные в Декларации, приходится защищать от многочисленных попыток игнорировать их содержание.

С моей точки зрения, один из последних примеров таких попыток изменить демократические принципы Израиля – это основной закон «Израиль – национальное еврейское государство», принятый в июле 2018 года. В нем не упоминаются ни право

на равенство, ни права меньшинств, что, безусловно, противоречит положениям Декларации независимости. Более того, он никак не способствует единению еврейского народа. Этот закон, инициированный депутатами «Ликуда», вызвал бурные споры в обществе, против него выступали не только представители оппозиции, но и бывшие деятели «Ликуда» и тогдашний президент Рувен Ривлин, не говоря уже об американских и европейских еврейских организациях. И тем не менее большинством в шестьдесят два голоса против пятидесяти пяти и двух воздержавшихся он прошел...

В 2020 году я принял решение, что защита либеральных ценностей в Израиле должна стать одним из приоритетных направлений деятельности фонда «НАДАВ». Стратегические решения следует переводить в конкретные проекты. И мы вместе с Университетом Райхмана (бывший Междисциплинарный колледж в Герцлии) приступили к созданию исследовательского института, который призван давать ответы на вызовы либеральным ценностям в наши дни. Я не случайно выбрал именно это высшее учебное заведение, которым руководит мой друг профессор Уриэль Райхман, основавший его в 1994 году. За прошедшие двадцать пять лет это учебное заведение превратилось в лучший и самый престижный в Израиле частный университет, в котором обучаются свыше восьми тысяч студентов и работает около тысячи преподавателей на факультетах бизнес-администрирования, юриспруденции, журналистики, психологии, компьютерных наук и других. Из выпускников университета формируется политическая элита страны.

Я верю, что именно из таких моих молодых сограждан надо воспитывать не только политических лидеров Израиля, но и лидеров в области образования, просвещения, юриспруденции

и средств массовой информации. Наш институт призван растить людей, понимающих всю сложность задач, стоящих перед современным обществом, искренне верящих в демократические и либеральные ценности и готовых отстаивать их в своих профессиональных областях. Подчеркну, речь идет не о воспитании политических активистов, а именно о свободомыслящих людях, готовых разделить ответственность за будущее страны.

Помимо образовательной деятельности институт будет вести исследования в области сохранения и реализации либеральных принципов и прав человека в Израиле, а результаты этой работы в виде публикаций и докладов – доводить как до руководящих кругов, принимающих решения, так и до широкой публики.

В каком-то смысле примером подобной деятельности являются наши добрые друзья и партнеры в берлинском Zentrum Liberale Moderne – Центре либеральной современности, или, как его все называют, просто Либ-Мод, который был основан в 2017 году Марилуизе Бек и Ральфом Фюксом. Марилуизе – опытный политик и государственный деятель, одна из основательниц немецкой Партии зеленых, на протяжении многих лет была депутатом бундестага. В 1998–2005 годах Марилуизе входила в правительство Герхарда Шрёдера, весьма дружелюбно настроенного к Путину, но при этом была одним из немногих европейских политиков, которые достаточно рано поняли сущность российского лидера. В 2012 году она в качестве наблюдателя от Парламентской ассамблеи Союза Европы присутствовала на президентских и парламентских выборах в России. Ее комментарий по поводу происходившего был короток и объективен: «Путин – президент управляемой демократии. У избирателей не было выбора».

Инаугурация центра Либ-Мод

Много лет Марилуизе вела упорную борьбу за Михаила Ходорковского. А ее муж Ральф Фюкс – бывший мэр Бремена, позже много лет проработал в Фонде Генриха Бёлля – одной из крупнейших благотворительных организаций в Германии, поддерживающей проекты в сфере развития гражданского общества, политического образования, социально-политической активности и ответственности, прав человека, международного диалога, экологии.

Своей главной задачей Либ-Мод считает защиту и обновление открытого общества. Его сотрудники верят в необходимость глубокого анализа и профессионального диалога, посвященных давлению и атакам, которым подвергаются либеральные ценности в условиях глобализации, изменений климата и миграционных волн, защиту либеральных ценностей в Европе и в Германии.

Наш герцлийский институт уже обсуждает возможности сотрудничества с Либ-Мод, ведь продвижение либеральных ценностей и на израильской улице, и во всем мире – задача непростая, и она потребует новых тактических подходов и эффективных средств.

Нам предстоит огромная и очень непростая работа, но я верю, что мы с ней справимся.

WE ALL WANT TO CHANGE THE WORLD (Вместо эпилога)

В 2015 году ко мне обратился директор замечательного Детского музея в Холоне Гиль Омер с предложением организовать выставку, посвященную группе «Битлз». «Послушай, – сказал он, – для людей нашего поколения каждая пластинка “Битлз” была чуть ли не священной реликвией, которую мы были готовы ставить на проигрыватель тысячу раз. А нынешние дети не знают ни песен “Битлз”, ни что такое пластинка, не говоря уже о стерео-проигрывателе».

Я с удовольствием согласился участвовать в создании этой необычной экспозиции.

«Битлз» не сразу вошли в мою жизнь. В нашем доме чаще звучали русские песни. Родители с друзьями пели русские романсы, песни советских композиторов и бардов. Был у них катушечный магнитофон «Днепр» с записями Высоцкого, Визбора, Окуджавы и даже крамольного Александра Галича.

Музыку «Битлз» я открыл, когда мне было четырнадцать. Тогда на школьные вечеринки было принято приходить со своими записями: «Битлз», «Роллинг Стоунз», «Дип Пёрпл», – которые мы переписывали друг у друга на катушечных магнитофонах. Оригинальные пластинки были большой редкостью, да и стоили кучу денег. Кстати, впервые в Советском Союзе песня «Битлз» вышла в 1967 году, в сборнике «Музыкальный калейдоскоп». На наклейке было написано «“Девушка” – муз. и сл. народные». Пластинка была мгновенно раскуплена и стала большой редкостью, но недавно я нашел такую.

Выставка «Битлз» в Детском музее Холона

Не могу сказать, что «Битлз» сопровождали меня на протяжении всей жизни, но я возвращался к ним неоднократно. Например, еще в России, когда начал сотрудничать с Оксфордским университетом. При его Колледже Магдалины (Magdalen College) действует церковь, в которую регулярно приезжает Пол Маккартни и поет там с хором мальчиков. Я был на обеде в доме президента колледжа, и он провел для меня экскурсию, показал библиотеку и дал послушать записи хора. Это произвело на меня огромное впечатление – Маккартни открылся для меня с другой, неизвестной мне ранее стороны.

Другим знаковым моментом для меня стал концерт, который в 2009 году совместно с Маккартни в нью-йоркском Радио-сити-мьюзик-холле организовал Дэвид Линч – знаменитый режиссер, друг Пола Маккартни и Ринго Старра и признанный в Америке лидер во всем, что касается трансцендентальной медитации и наследия Махариши¹⁴⁵. Этот концерт по-новому раскрыл для меня музыку «Битлз», я по-другому стал слышать некоторые песни, например, Харрисона с его восточными мотивами.

Музыка «Битлз» соответствует моему внутреннему миру. Это своего рода медитация. Меня она расслабляет, я под нее отдыхаю. Нет другой такой музыки, которую я могу слушать непрерывно часами.

Сейчас для меня музыка и поэзия «Битлз» – это больше, чем просто популярные песни. Это и мировосприятие, и философия, и даже идеология. Идеология свободы и независимости.

145 Махариши Махеш Йоги (1918–2008) – индийский философ, неоиндуистский проповедник, основатель трансцендентальной медитации и программы «ТМ–Сидхи».

«Битлз» несли в этот мир именно то, что и я проповедую: либерализм, свободу личности, которая превыше всего. Леннон, как мне кажется, был одним из настоящих апостолов свободы личности. Для меня очень значима его песня Imagine, мне близок ее идеал всемирного братства людей, мира между народами и отсутствия идеологического диктата, когда мир станет «as one». Почему-то в некоторых книгах, посвященных еврейской идентификации¹⁴⁶, эта песня осуждается как некий космополитический идеал, отрицающий национальную культуру и нивелирующий нашу национальную уникальность. Некоторые критики называют ее излишне утопичной.

Скажите, а идеал нашего пророка Исаяи менее утопичен?

*И будет волк жить (рядом) с овцой,
и возляжет леопард (рядом) с козленком,
и львенок, теленок и барашек (будут кормиться) вместе,
а пасти их будет маленький мальчик¹⁴⁷.*

Для меня не существует противоречия между принадлежностью к своему народу с его историей и культурой и ощущением себя как части огромного мира. Но я верю, что, если ты хочешь «достичь неба», «надо держаться корней».

Экспозиция, посвященная «Битлз», в Детском музее Холона открылась в 2018 году. Это была не обычная выставка битловских сувениров и предметов, принадлежавших членам группы, как во многих музеях «Битлз». Это был настоящий Magical

146 См. в библиографии Н. Щаранский и Zeev Magen.

147 Исаяя 11: 6–9. Перевод Д. Сливняка.

Mystery Tour для больших и маленьких, погружающий детей и их родителей в музыку, в ту эпоху, когда творила эта гениальная четверка. В одном из залов посетители переодевались в знаменитые костюмы с обложки альбома «Сержант Пеппер», брали в руки гитары и пели песни «Битлз», в другом они оказывались в студии звукозаписи той эпохи и сами создавали музыкальный хит... Они участвовали в викторине по творчеству «Битлз» и придумывали видеоклип на их музыку.

Выставка в Холоне действует до сих пор и пользуется большим успехом.

Несколько раз я приезжал сюда со своими детьми. Ходил по музею, слушал песни, а вокруг меня родители разговаривали с детьми на иврите, французском, английском и русском языках...

Я испытывал ощущение удивительной внутренней гармонии и завершенности. Я – у себя дома, на своей земле, со своим народом, а музыка «Битлз» связывает меня со всем огромным миром, с бесконечной Вселенной.

И мир этот прекрасен, он добр и полон любви.

БИБЛИОГРАФИЯ

ГЛАВА 1. КОРЕННОЙ МОСКВИЧ ИЗ БЕЛОРУССКОГО МЕСТЕЧКА

ГЛАВА 2. МАРК, ЖЕНЯ И «КАТЮША»

ГЛАВА 3. КОМИССАРЫ, ВПЕРЕД!

ГЛАВА 4. МЫ – ОБРАЗЦОВАЯ СОВЕТСКАЯ СЕМЬЯ

Бемпорад Э. Превращение в советских евреев: Большевистский эксперимент в Минске. – М.: Политическая энциклопедия, 2016.

Зельцер А., Левин В. История семьи Леонида Невзлина. Тель-Авив, 2012.

Зельцер А. Евреи советской провинции: Витебск и местечки, 1917–1941. – М.: РОССПЭН, 2006.

Кац Я. Исход из гетто. Социальный контекст эмансипации евреев, 1770–1870. – Иерусалим: Гешарим; М.: Мосты культуры, 2007.

Килимник Л. Коммунистическая власть против религии Моисея: Документы 1920–1937 и 1945–1953 гг. – Винница: Глобус-Пресс, 2005.

Невзлина И. Мой сын Леонид Невзлин. Иерусалим, 2015.

Маркиш Д. От Черты до черты. – М.: Эксмо, 2017.

Слезкин Ю. Эра Меркурия. Евреи в современном мире. – М.: Corpus, 2019.

Bartal I. The Jews of Eastern Europe, 1772–1881 (Jewish Culture and Contexts). – Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 2006.

Everyday Jewish Life in Imperial Russia: Select Documents, 1772–1914 (Tauber Institute for the Study of European Jewry) by ChaeRan Y. Freeze (Editor). – Waltham: Brandeis University Press, 2013.

Herzog E., Zborowski M. Margaret Mead (Introduction). Life is With People: The Culture of the Shtetl. – New York: Schocken, 1962.

Petrovsky-Shtern Y. The Golden Age Shtetl: A New History of Jewish Life in East Europe. – Princeton: Princeton University Press, 2015.

ГЛАВА 5. «БЫТЬ ЕВРЕЕМ – В ЭТОМ НЕТ НИЧЕГО СТРАШНОГО!»

ГЛАВА 6. ПУТЕВКА В ЖИЗНЬ

Иванова А. Магазины «Березка»: парадоксы потребления в позднем СССР. – М.: Новое литературное обозрение, 2020.

Лебина Н. Пассажиры колбасного поезда. Этюды к картине быта российского города: 1917–1991. – М.: Новое литературное обозрение, 2018.

Юрчак А. Это было навсегда, пока не кончилось: последнее советское поколение. – М.: Новое литературное обозрение, 2016.

Smith H. The Russians. – New York: Quadrangle, 1976.

ГЛАВА 7. ДЕНЬГИ И СВОБОДА

ГЛАВА 8. МАРШ ЭНТУЗИАСТОВ

Коллектив авторов. Она развалилась. Повседневная история СССР и России в 1985–1999 гг. – М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2017.

Панюшкин В. Восстание потребителей. – М.: Астрель, Corpus, 2012.

Ремник Д. Могила Ленина: последние дни советской империи. – М.: АСТ, Corpus, 2017.

Ходорковский М., Невзлин Л. Человек с рублем. – М.: МЕНАТЕП-Информ, 1992.

Aslund A. Gorbachev's Struggle for Economic Reform. The Soviet Reform Process, 1985–1988. – Ithaca, NY, 1991.

Aslund A. Russia's Capitalist Revolution. Why Market Reform Succeeded and Democracy Failed. – Stockholm, 2007.

ГЛАВА 9. КАК НЕ СТАТЬ «ОЛИГАРХОМ»

ГЛАВА 10. ПРОФЕССИЯ – ФИЛАНТРОП

ГЛАВА 11. СЕНАТОР ОТ МОРДОВИИ И ЕВРЕЙСКОЕ ПРОСВЕЩЕНИЕ

Осовцов А., Яковенко И. Еврейский народ в России: кто, как и зачем к нему принадлежит. – М.: Дом еврейской книги, 2011.

Разгон А. Евреи в Москве. Иерусалим, 1996.

Резник С. Красное и коричневое. Книга о советском нацизме. – Вашингтон: Вызов, 1991.

Рывкина Р.В. Как живут евреи в России. Социологический анализ перемен. – М.: Дом еврейской книги – Параллели, 2005.

Beilin Yo. Birthright: The True Story. – CreateSpace Independent Publishing Platform, 2011.

Beckerman G. When They Come for Us, We'll Be Gone: The Epic Struggle to Save Soviet Jewry Paperback. – Boston: Mariner Books, 2011.

Altshuler S. From Exodus to Freedom: The History of the Soviet Jewry Movement. – Lanham: Rowman & Littlefield Publishers, 2005.

Gitelman Z. A Century of Ambivalence, Second Expanded Edition: The Jews of Russia and the Soviet Union, 1881 to the Present. – Bloomington: Indiana University Press, 2001.

Gitelman Z. Y.; Glants M.; Goldman M. I. Jewish Life after the USSR. – Bloomington: Indiana University Press, 2003.

Gitelman Z. Y.; Yaacov. Ro'i (eds.) Revolution, Repression, and Revival: The Soviet Jewish Experience. – Lanham: Rowman & Littlefield Publishers, 2007.

Goluboff S. L. Jewish Russians: Upheavals in a Moscow Synagogue. – Philadelphia, 2012.

Maimonides. Mishneh Torah, Laws of Charity, 10:7–14.

ГЛАВА 12. УЧИТЬСЯ И – УЧИТЬ

Блэк С. Паблик рилейшнз. Что это такое? – М.: Модино пресс, 1989.

Берлин И. История свободы. Россия. – М.: Новое литературное обозрение, 2001.

Берлин И. История свободы. Запад. – М.: Новое литературное обозрение, 2001.

Конохова А. Колеблясь вместе с линией партии: изменения в преподавании общественных наук в вузах СССР в 1953–1964 гг. // Новейшая история России. Междисциплинарный научно-теоретический журнал. 2014. № 2 (10).

Невзлин Л. Б. «Паблик рилейшнз» – кому это нужно? Основы учебного курса. – М.: Экономика, 1993.

Новейшая история России / Modern history of Russia. 2014. № 2.

Ignatieff M. Isaiah Berlin: A life. – London: Vintage Books, 2000.

Berlin I. Freedom and Its Betrayal: Six Enemies of Human Liberty. Princeton: Princeton University Press, 2014.

ГЛАВА 13. НОВЫЙ СТАРЫЙ ДОМ

ГЛАВА 14. МОЙ ДРУГ МИХАИЛ ХОДОРКОВСКИЙ

Васильева В. Без свидетелей? Дело Невзлина. Записки очевидца заочного процесса. – Прага: Human Rights Publishers, 2009.

Васильева В. Алексей Пичугин – пути и перепутья (биографический очерк). – М.: Грин Лэнд, 2017.

Жутовский Б., Пумпянский А. Дело Ходорковского. – М.: Зебра Е, 2011.

Кара-Мурза В. Кремлевская пропаганда и дело ЮКОСа. Спецкурс для молодых журналистов. М., 2019.

Переверзин В. История менеджера ЮКОСа. – М.: Говард Рорк, 2013.

Селин О. Михаил Ходорковский: Поединок с Кремлем. – М.: Алгоритм, 2010.

Сиксмит М. Путин и дело ЮКОСа. Борьба за российскую нефть. – М.: Питер, 2011.

Точильникова Н. Жизнь и судьба Михаила Ходорковского. – М.: Алгоритм, 2013.

Ходорковский М., Геворкян Н. Тюрьма и воля. – М.: Говард Рорк, 2013.

Ходорковский М. Тюремные люди. – М.: Альпина Пабlishер, 2020.

Хоффман Д. Олигархи. Богатство и власть в новой России. – М.: Corpus, 2010.

Челищева В. Заключенный № 1. Несломленный Ходорковский. – М.: Эксмо, 2011.

Челищева В. Как меня убивали: история юриста ЮКОСа Василия Алексаняна. – М.: Новая газета, 2020.

Sakwa R. Putin and the Oligarch: The Khodorkovsky-Yukos Affair. – London; New York: I. B. Tauris, 2014.

ГЛАВА 15. ЧТО ТАКОЕ PEOPLEHOOD?

ГЛАВА 16. ФОНД «НАДАВ»

ГЛАВА 17. О ВЕРЕ, БОГЕ И РЕЛИГИИ

Даян М. Жить с Библией. – Иерусалим: Библиотека-Алия, 1990.

Дубнов С. Книга жизни: Воспоминания и размышления: Материалы для истории моего времени. – Иерусалим: Гешарим, 2004.

Жаботинский В. О железной стене. Речи, статьи, воспоминания. – Минск: Мет, 2004.

Занд Ш. Кто и как изобрел еврейский народ. – М.: Эксмо, 2010.

Каплан М. Евреи в современном мире: иудаизм как развивающаяся цивилизация в учении Мордехая Каплана / Ред. и сост. др. Я. Коэн; ред., пер. с англ. И. Бегун. – М.; Иерусалим: ДААТ/Знание, 2001.

Леви А. Я вольная птица. – Минск: Мет, 2011.

Сахаров А. Воспоминания. Полное издание в одном томе. – М.: Альфа-книга, 2019.

Хертцберг А., Хирт-Манхаймер А. Евреи. Сущность и характер народа. – М.; Иерусалим: ДААТ/Знание, 2006.

Ambassador A. G. The Future of the Current World Order: Implications for Israel and the Jewish People. – Jerusalem: JPPI Publication, 2019.

Dror Y. Israeli Statecraft: National Security Challenges and Responses (Besa Studies in International Security). – Routledge, 2012.

Kaplan M. M. Judaism as a Civilization: Toward a Reconstruction of American Jewish Life. – Philadelphia: Jewish Publicaton Society, 2010.

Popkin R. Sh. Jewish Identity. – Jerusalem: Gefen Publishing House, 2015.

ГЛАВА 18. ОСТРОЖНО! ДВЕРИ ЗАКРЫВАЮТСЯ

ГЛАВА 19. ВОЙНЫ ЗА ПАМЯТЬ

Айзенштат Я. О подготовке Сталиным геноцида евреев. Иерусалим, 1994.

Архипова А., Кирзюк А. Опасные советские вещи. Городские легенды и страхи в СССР. – М.: Новое литературное обозрение, 2020.

Болдырев Н.И. Нравственное воспитание детей в семье.– М.: Учпедгиз, 1955.

Гайдар Е. Гибель империи. Уроки для современной России.– М.: Corpus, 2020.

Государственный антисемитизм в СССР. От начала до кульминации, 1938–1953 / Под общ. ред. акад. А.Н. Яковлева. Сост. Г.В. Костырченко. – М.: МФД: Материк, 2005.

Гроссман В. Жизнь и судьба. – М.: АСТ, 2007.

Добренко Е. А. Поздний сталинизм. Эстетика политики. В 2 томах. – М.: Новое литературное обозрение, 2020.

Зыгарь М. Вся кремлевская рать: Краткая история современной России. – М.: Интеллектуальная литература, 2017.

Кловвер Ч. Черный ветер, белый снег. Новый рассвет национальной идеи. – М.: Фантом Пресс, 2017.

Костырченко Г. Сталин против «космополитов». Власть и еврейская интеллигенция в СССР. – М.: РОССПЭН, 2010.

Костырченко Г. Тайная политика Сталина. Власть и антисемитизм. Новая версия. – М.: Международные отношения, 2015.

Костырченко Г. Тайная политика: от Брежнева до Горбачева. – М.: Международные отношения, 2019.

Костырченко Г. Тайная политика Хрущева. Власть, интеллигенция, еврейский вопрос. – М.: Международные отношения, 2012.

Марголин Ю. Путешествие в страну зе-ка. Book on Demand Ltd., 2019.

Островский А. Говорит и показывает Россия. Путешествие из будущего в прошлое средствами массовой информации. – М.: АСТ, 2019.

Рапопорт Я.Л. На рубеже двух эпох. Дело врачей 1953 года. – М.: Книга, 1988.

Сталин и антисемитизм. 1945–1953. Документы агитпропа ЦК / Под общ. ред. акад. А. Н. Яковлева; сост. Д. Г. Наджафов, З. С. Белоусова. – М.: МФД: Материк, 2005.

Шмитт К. Диктатура. – М.: РИПОЛ классик, 2018.

Belton C. Putin's People: How the KGB Took Back Russia and Then Took On the West. – New York: Farrar, Straus and Giroux; 2020.

Beyond Totalitarianism: Stalinism and Nazism Compared.– Cambridge: Cambridge University Press, 2008.

Brent J. and Naumov V.P. Stalin's Last Crime. The Plot against the Jewish Doctors / 1948–1953. – New York: Perennial/Harper Collins, 2003.

Bullock A. Hitler and Stalin: Parallel Lives. 1993. – London: Harper Collins, 1991.

Dawisha K. Putin's Kleptocracy. Who Owns Russia? – New York: Simon & Schuster; Reprint edition, 2015.

Gellately R. Lenin, Stalin, and Hitler: The Age of Social Catastrophe.– London: Vintage, 2008.

Gregor J.A. Faces of Janus: Marxism and Fascism in The Twentieth Century.– New Haven: Yale University Press, 2004.

Hill F. Mr. Putin: Operative in the Kremlin.– Washington: Brookings Institution Press, 2013.

Ledeneva A. How Russia Really Works. The Informal Practices that Shaped Post-Soviet Politics and Business. – Ithaca, 2013.

Overy R. The Dictators: Hitler's Germany, Stalin's Russia. – New York: W.W. Norton & Company, 2006.

Ostrovsky A. The Invention of Russia: The Rise of Putin and the Age of Fake.– New York: Penguin Books; Reprint edition (July 4, 2017).

Pauley B.F. Hitler, Stalin, and Mussolini: Totalitarianism in the Twentieth Century.– New York: Wiley-Blackwell, 2014.

Steven L. M. The New Tsar Paperback.– New York: Simon & Schuster Ltd; 2016.

ГЛАВА 20. ЛИБЕРАЛИЗМ И ЕВРЕЙСКОЕ ГОСУДАРСТВО

Невзлина И. Узнай, кто ты – измени мир. 2020.

Shavit A. My Promised Land: The Triumph and Tragedy of Israel Random House. – New York: Spiegel & Grau, 2013.

Applebaum A. Twilight of Democracy: The Seductive Lure of Authoritarianism.– New York: Doubleday, 2020. Samuel P. Huntington. Who Are We?: The Challenges to America's National Identity.– New York: Simon & Schuster, 2005.

Fücks R., Somers N. *Defending Freedom: How We Can Win the Fight for an Open Society*. – Cambridge: Polity, 2019.

Snyder T. *On Tyranny: Twenty Lessons from the Twentieth Century* Paperback. – New York: Tim Duggan Books, 2017.

Snyder T. *The Road to Unfreedom: Russia, Europe, America*. – New York: Tim Duggan Books, 2019.

WE ALL WANT TO CHANGE THE WORLD (Вместо эпилога)

Щаранский Н. *ID Identity и ее решающая роль в защите демократии*. – М.: Мосты культуры, 2010.

Connolly R. *Being John Lennon*. – New York: Pegasus Books, 2018.

Lennon J. *In His Own Write and A Spaniard in the Works*. – New York: Simon & Schuster; 2010.

Maghen Z. *John Lennon and the Jews. Philosophical rampage*. – New York: Toby Press, 2014.

Norman Ph. *John Lennon: The Life*. – Ecco, 2009.

Содержание

ПРОЛОГ	9
ГЛАВА 1. КОРЕННОЙ МОСКВИЧ ИЗ БЕЛОРУССКОГО МЕСТЕЧКА.....	13
ГЛАВА 2. МАРК, ЖЕНЯ И «КАТЮША»	39
ГЛАВА 3. КОМИССАРЫ, ВПЕРЕД!.....	57
ГЛАВА 4. МЫ — ОБРАЗЦОВАЯ СОВЕТСКАЯ СЕМЬЯ	73
ГЛАВА 5. «БЫТЬ ЕВРЕЕМ — В ЭТОМ НЕТ НИЧЕГО СТРАШНОГО»	93
ГЛАВА 6. ПУТЕВКА В ЖИЗНЬ.....	107
ГЛАВА 7. ДЕНЬГИ И СВОБОДА.....	115
ГЛАВА 8. МАРШ ЭНТУЗИАСТОВ	131
ГЛАВА 9. КАК НЕ СТАТЬ «ОЛИГАРХОМ»	145
ГЛАВА 10. ПРОФЕССИЯ: ФИЛАНТРОП	153

ГЛАВА 11. СЕНАТОР ОТ МОРДОВИИ И ЕВРЕЙСКОЕ ПРОСВЕЩЕНИЕ	181
ГЛАВА 12. УЧИТЬСЯ И УЧИТЬ	191
ГЛАВА 13: НОВЫЙ СТАРЫЙ ДОМ	215
ГЛАВА 14. МОЙ ДРУГ МИХАИЛ ХОДОРКОВСКИЙ	225
ГЛАВА 15. ЧТО ТАКОЕ РЕОРЛЕНОOD?	231
ГЛАВА 16. ФОНД «НАДАВ»	243
ГЛАВА 17. О ВЕРЕ, БОГЕ И РЕЛИГИИ	259
ГЛАВА 18. ОСТОРОЖНО! ДВЕРИ ЗАКРЫВАЮТСЯ	271
ГЛАВА 19. ВОЙНЫ ЗА ПАМЯТЬ	291
ГЛАВА 20. ЛИБЕРАЛИЗМ И ЕВРЕЙСКОЕ ГОСУДАРСТВО	307
WE ALL WANT TO CHANGE THE WORLD (Вместо эпилога)	329
БИБЛИОГРАФИЯ	334